

В. В. Колесов

История
русского языка
в рассказах

В. В. КОЛЕСОВ

**ИСТОРИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА
В РАССКАЗАХ**

Авалон
Азбука-классика
Санкт-Петербург
2005

ББК 81.2Р
К60

Колесов В. В.

К60 История русского языка в рассказах. — 3-е изд., перераб. — СПб.: «Авалон», «Азбука-классика», 2005. — 224 с.

ISBN 5-94860-021-1 («Авалон»)

ISBN 5-352-01408-8 («Азбука-классика»)

Автор в увлекательной форме рассказывает о том, как развивался русский язык. Приводится история отдельных слов, образных выражений и некоторых грамматических конструкций. Издание предназначено для самого широкого круга читателей, для всех, кто интересуется русским языком.

ISBN 5-94860-021-1 («Авалон»)

ISBN 5-352-01408-8 («Азбука-классика»)

© Колесов В. В., 2005

© «Авалон», 2005

© «Азбука-классика», 2005

© Васильев М. К., оформление серии, 2005

О ЧЕМ ЭТА КНИЖКА

Собираясь в дорогу, прежде всего, нужно избрать правильный путь.

Правильный..., правый... До XV века русские люди, произнося **правый**, имели в виду не то, что справа от них, а то, что правильно, справедливо, честно. А для того, что находится справа, у них было слово **десный**, от которого происходит употреблявшееся еще Пушкиным **десница** (правая рука); помните — Руслан «в деснице держит меч победный»?

Почему исчезло слово **десный**? Когда оно исчезло? Где исчезло раньше, в какой области Русской земли? В литературном языке или в устной речи? Почему на смену этому слову пришло **правый**?

На все такие вопросы отвечает специальная научная дисциплина — история русского языка. Историк языка подробно объяснит, почему и как изменяются звуки, слова, предложения. Он скажет, например, что в глубокой древности слово **левый** не обозначало направления (в сторону левой руки; там, где сердце), но имело целый ряд других значений — **кривой, ложный, нечестный**. Сказка недаром сохранила указание: «налево пойдешь — смерть найдешь». Левая сторона в сказке — сторона злой силы, левый царь — недобрый царь, левая часть — подземное царство. Прилагательное **левый** вытеснило в XI веке более раннее слово **шуйй**, у которого было одно значение **левосторонний**; отсюда и **шуйца** (левая рука). Сменив это слово, **левый** сохранило и прежние значения. Оно стало обозначать и **левый**, и **кривой**, и **лож-**

ный. А десный по-прежнему обозначало только направление — **правосторонний**, так как значения **прямой**, **справедливый** еще были связаны со словом **правый**. Возник конфликт между четырьмя словами (**левый** — **правый** — **шуй** — **десный**) и шестью основными значениями этих слов (**левый** — **правый**, **кривой** — **прямой**, **ложный** — **справедливый**). Возник давно: самое раннее известное нам употребление слова **правый** в значении **правосторонний** относится еще к 1096 году (в летописи). Однако это значение очень долго передавалось и прилагательным **десный**. Только к середине XV века, сначала в Ростово-Суздальской Руси, а затем и в Новгороде, **правый** окончательно вытесняет слово **десный**, которое постепенно ушло из языка как лишнее. **Десный** не сумело впитать в себя всех значений, которые необходимы были ему в новых условиях, чтобы по-прежнему четко противостоять слову **левый**.

Есть одна сложность в нашем предмете. Не все детали изменения языка можно описать с одинаковой достоверностью: одно мы знаем лучше, другое — похуже, а третье нам и вовсе неизвестно. Поэтому эта книжка и состоит из рассказов, не представляя собою последовательной истории. На нескольких примерах из родного для нас русского языка мы рассмотрим те принципы языкового развития, которые являются всеобщими.

Внутренние закономерности развития языка — это вот и будет тот правильный путь, который мы с вами избираем... Правильный путь... А может быть, правильную дорогу? Не знаю, чувствуете ли вы разницу между этими сочетаниями... Попробуем их немножко видоизменить: **правильный путь** — **правый путь**, **правильная дорога** — **правая дорога**. Или так: **верный путь** — **верная дорога**. Не все сочетания кажутся привычными; одни из них «режут слух», а другие попросту не совпадают с остальными по значению. **Правый путь** — это

справедливый путь, а правая дорога — это дорога, поворачивающая направо. В первом сочетании сохранилось древнее, исконное значение слова **правый**, а во втором — новое, то самое, которое в русском языке окончательно закрепилось только в XV веке. Одно и то же слово в разных сочетаниях выявляет различные свои значения. Впоследствии мы не раз убедимся в этой особенности современного нашего языка, теперь же отметим вот что: **дорога и путь** — синонимы, но различного происхождения.

Первое из них — народное, разговорное, исконно русское. Оно и форму имеет русскую — с полногласным сочетанием **оро**: **дорога**, как **ворон, голова**. В древнерусском языке в книжном, высоком стиле им соответствовали слова с неполногласными сочетаниями: **драга, вран, глава**. Они пришли из церковнославянского языка и впоследствии частью утратились (**драга, вран**), частью изменили свое значение и остались в литературном русском языке (**глава**). С русским словом **дорога** и соединяется новое значение слова **правый**.

Путь пришло из церковнославянского языка, это слово торжественного, высокого стиля. В современном литературном языке сочетание **правый путь** сохраняет древнее значение **правильный** — высокое, торжественное.

Так оказывается, что для историка языка важны не только слова и значения слов, но и то, какого происхождения слово, как давно и какими путями оно вошло в литературный язык, какое стилистическое значение оно имеет сейчас и имело в прошлом. Важно знать не только значение, но и назначение слова, кому и для каких целей оно служило в языке.

Кстати, а что такое **язык**?

Вам часто приходится употреблять это слово: русский язык, английский язык, язык писателя, язык эпохи... А можете вы использовать это слово в таких, например, со-

четаниях: **язык Пети Иванова, язык Фамусова? Или: вареный язык?** Чувствуется глубокая разница, не правда ли?

В первой группе сочетаний выражено широкое, обобщенное понятие: язык — это принадлежность целых коллективов, как бы мы их ни называли: народ, действующие лица, современность...

В других сочетаниях говорится о частных проявлениях языка. Лучше сказать так: речь Пети Иванова — проявление русского языка, потому что Петя говорит на русском языке; речь Фамусова передает общие особенности языка Грибоедова.

Вареный язык вообще к нашему языку никакого отношения не имеет. Этот язык и тот язык, о котором мы с вами говорим, — омонимы, то есть самостоятельные слова, которые только звучат одинаково. И нам нет никакого дела до того, что когда-то они были фактически одним и тем же словом: **коровий язык и человеческий язык как часть тела.**

Язык — это общая схема всех речений, принадлежащих людям определенной национальности. Это общие правила, по которым нужно строить свою речь, чтобы ее поняли другие. А речь — частное и во многих отношениях случайное проявление языка. Говоря на русском языке, каждый из нас привносит в него что-то свое, собственное, не всегда нужное и полезное, но привносит. Ведь у каждого из нас своя манера и привычка говорить, свои любимые слова и обороты речи.

Речь воплощается в букве и в звуке, в диалогах и монологах, в стенограммах и конспектах, в магнитофонной ленте. Язык же материально не существует никак! Нет такого сундука или сейфа, где хранился бы отлитый или сотканный эталон русского языка. Ученые собирают его по кусочкам, внимательно изучая все виды речевой деятельности, создают обширные словари, пишут научные

грамматики. Можно представить основные особенности и закономерности языка, хотя и косвенным образом, но можно. Потрогать же его, поглядеть на него — этого вы ни в одном музее не сможете. Нет языка...

Однако, он все-таки есть! В каждом из вас, и в ваших соседях, и в ваших родителях. Исчезни язык — и вы попросту перестанете понимать друг друга. Исчезнут книги и газеты, радио и телевидение, институты и учреждения — остановится жизнь, потому что наличие языка — самое незаметное (потому что привычное), но самое существенное условие цивилизации. Значит, есть язык?

Ну, как же он есть, если его нет! Дайте мне что-то, что я мог бы назвать, например, русским языком. Вот какой заколдованный круг: язык вне речи не существует, речи без языка нет. Язык воплощается в речи, и наша задача выяснить, каким образом это влияет на развитие языка.

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ

**многих предметах, явлениях и лицах,
начиная с ленивых школяров и кончая
сонными монахами**

Представьте себе знойный летний день 1374 года в Пскове. Псы и свиньи забрались в тень, куры томно распластали крылья у высоких тынов. Трава пожухла, все вымерло. Ни души.

У распахнутого кривого окошка стоит за столом грузный человек с гусиным пером в руке. Время от времени смотрит в книгу, которая развернута на подставке, макает перо в глиняный пузырек, пишет на больших шершавых листах. Иногда сосредоточенно кряхтит, почесывает нос концом пера, долго глядит в прохладный угол избы. И снова пишет, встряхивая пузырек. Потом доливает чернила.

Жара душит его. Он с завистью следит за соседями, которые тянут какое-то питье прямо из кувшина. Часто чешет спину о косяк двери, морщится, кряхтит. У кафтана закатаны рукава, верхняя пуговица расстегнута.

Жарко...

И на поля листов рядом с переписываемым текстом ложатся его собственные слова, слова изнуренного жарой и болезнями человека:

...покушати писати новымъ черниломъ...
...о горе свербить...
...охъ знойно...
...чрес тынь пьють а нас не зовуть...
...ох свербит...
...полести мыться...
...о святой Никола пожалуй избави коросты...
...шести ужинать...
...родиша свиния порошата...

Так и дошли до нас эти заметки древнего писца. И на основании их мы можем говорить об особенностях речи псковича второй половины XIV века.

О каких же особенностях?

Во-первых, о произношении слов. В этих заметках отражено русское полногласие — в словах **короста** и **поросята**, и типичная особенность псковских говоров — смешение согласных **с** и **ш**; сравните: **шести** вместо **сести** и **порошата** вместо **поросята**. Если же сравнить с другими, более грамотными текстами того же времени, можно увидеть, что слово **сести** писалось иначе, с буквой «ять»: **сѣсти**. А оглушение звонких согласных? **Полести** вместо **полезти**, **чрес** вместо **чрез**.

Во-вторых, о морфологических особенностях. Неопределенная форма еще оканчивается по-старинному на **-ти**: **покушати**, **писати**, **полести**, **шести**, то есть **покушать**, **писать**, **полезть**, **сесть**. И повелительная форма: **избави**, что равно современному **избавь**.

А третье лицо употребляется с древним мягким окончанием **-ть**: **свербить**, **пьють**, **зовуть**. Мы те-

перь говорим иначе: **свербит, пьют, зовут**. И даже поддразниваем рязанцев, которые нет-нет да и произнесут как бы по-древнерусски с **-ть**: «У нас в Рязани пироги с глазами: их ядят, а они глядят!» Когда-то только так по всей Руси и говорили. И наш писец — тоже.

Но вот же у него и твердое окончание: **мыться, ужинать!**

Напрасно торопитесь. Посмотрите внимательно, разве это формы третьего лица? Конечно же, нет. Мы и переводим их не формой настоящего времени, а неопределенной формой: **полести мыться** — это **пойти помыться**, **шести ужинать** — **сесть ужинать**.

Это очень старые формы особого глагольного склонения — достигательного. Глаголы в достигательном склонении обозначают конечную цель действия: (пойти) чтобы помыться — это и есть **мыться**, (сесть) чтобы ужинать — это и есть **ужинать**. Вот какой архаический язык звучал еще в эпоху Куликовской битвы!

А чего стоит старая форма прошедшего времени **родиша**! Это так называемый аорист. В переводе **родиша** можно передать так: **родила**. Но этот перевод не очень точен, потому что не передает важного оттенка. И писец ведь мог сказать: **родила свиния поросята**, в его время это было вполне возможное сочетание слов. Но он написал просто: **родиша**. И правильно сделал.

Для него эта запись просто радостная заметка о самом факте, может быть единственно приятном за весь день. Ему не важно было сообщать, что у

его сви́ньи появились поросята. Если бы он хотел подчеркнуть, что сейчас поросята кормятся, а он, хозяин, видит их из окна, любитесь ими, тогда он написал бы: **родила есть сви́нья порошата** (и эти поросята здесь, рядом с ним).

Писец употребил не форму перфекта **родила есть**, а аорист **родиша**, чтобы передать сам факт рождения, не связывая его с моментом высказывания. Вспомните английские времена Past indefinite и Present perfect — отношения между ними очень напоминают отношения между аористом и перфектом древнерусского языка. Аорист со временем исчез, а видоизмененная форма перфекта стала единственной формой прошедшего времени в русском языке. В XIV веке аорист и перфект, как видим, еще различались. Только так писец и мог записать для справки: **родиша** — и все!

И если уж речь зашла о поросятах, обратите внимание, что слово **поросята** стоит в именительном падеже. Мы переводим: **родила сви́нья поросят** — вовсе не именительным. У писца же именительный. И опять он прав. Для своего времени, конечно. Тогда очень редко в прямом дополнении употреблялась форма родительного-винительного падежа. Да и то только для обозначения людей, а для названий животных — никогда, тем более их детенышей. Вот и получилось: «**родиша сви́нья порошата**».

Кстати, **сви́нья**, а не **сви́нья**. Опять загадка.

И опять никакой загадки! Старое ударение в этом слове — **сви́нья**, такое ударение сохранили некоторые рукописи. А под ударением гласные не исчезали.

В-третьих, заметки нашего писца говорят и о лексических особенностях речи XV века. Уже первое слово — **покушати** — кажется странным. Причем здесь еда? Кто ест чернила? А никто и не ест. Сравните с этим **покушати** сохранившееся до наших дней **искушать**. Да и само **покушати** сохранилось, только теперь оно употребляется всегда с суффиксом **-ся**: **покушаться**. **Попробовать писать** — вот что значит первая запись на полях.

В слове **пожалуй** такое же изменение. Само слово до сих пор широко употребляется в нашей речи, особенно людьми вежливыми, но в другой форме: **пожалуйста**. А **тын**? Кто-нибудь помнит, что это высокий забор из заостренных кверху бревен, которые стоят тесно друг к другу?

И синтаксические особенности есть в этих записях, хотя тексты и очень кратки. Сравните **избави коросты** с современным нам **избавь от коросты**. Совсем другой принцип связи слов в сочетании. Значит, меняются не только сами слова, их звучание или значение, но и типы их связей.

А теперь мы можем перевести древние записи на современный язык:

...попробовать пописать новыми чернилами...

(ну, беда) ... о, горе! Свербит...

(потому что) ... ох, знойно...

(и вот) ... через забор пьют, а нас не зовут...

(опять) ... ох, свербит...

(поэтому) ... не пойти ли помыться?

(мольба) ...о, святой Никола, пожалуйста, избавь от коросты...

(наконец) ... сесть да поужинать...

(ликование) ... родила свинья поросят!

Сколько материала дали нам для размышлений эти девять кратких строк на полях старой рукописи! А ведь таких записей — тысячи! И многие-многие сотни рукописей. Разных. Больших и маленьких, торжественных и простых, бумажных и пергаментных, написанных на коже в разное время и в разных местах Руси. И каждая может дать материал историк-у языка — каждая в отдельности или в сопоставлении с другими.

Вот пример.

Очень многие писцы в своих приписках просят читателя не сердиться на них за возможные опiski и ошибки. «Не кленѣте», пишут они. Но уже с начала XIV века вместо древней формы кленѣте употребляется и новая, знакомая нам форма повелительного наклонения: не клените. Сопоставляя все эти записи с одним и тем же словом в одном и том же значении и в одной и той же форме, мы устанавливаем, что на протяжении XIV века старые формы повелительного наклонения с ятем сменились новыми, с и.

Тяжко было переписывать рукописи. Не каждому доверяли это дело. Один псковский текст 1271 года переписывал поп Захарья вместе с сыном своим Олуферьем. Переписывал и все время извинялся за ошибки сына, которого называл дстиной, то есть ребенком. А ошибок очень много — к счастью для нас. Этот нерадивый школяр сохранил для нас массу особенностей древнепсковского говора и вообще русского языка той поры. И притом исхитрился сделать это в церковном тексте!

Много интересного можно узнать из приписок о жизни и судьбе старых «писателей». Как они радуются концу каждой книги! «Как радуется жених невесте — так радуется писец, видя последний лист», «Рад заяц, избежавший силка,— так и писец, кончивший последнюю строку!»

Тяжело писать и скучно.

И вот один записывает: «Ох-ох-ох, дремлет мися». А ну-ка, переведите! Другой как бы вторит ему: «О господи! Посмеши — дремота непременно...» А третий сам себя убеждает: «Офреме, грешнице, не лѣнися!». И еще один: «Господи, помози рабу твоему Микуле скоро писать!» А этот совсем заболел: «Ох мнѣ лихого сего попирия голова мя болит и рука ся тепеть!» Это я вам переведу: «Ох, у меня от этой мерзкой бумаги голова болит и рука немеет». Вот сколько незнакомых слов в таком кратком тексте! И еще: «Ох, уже глаза спать хотять». Между прочим, в последней приписке, дошедшей до нас от XIV века, самое древнее употребление слова глаз. До этого говорили только око, очи.

И тут же заметки о еде. Негусто кормились: «Како ли не объестися: поставять кисель с молоком». У другого: «Сѣсти (видите: сѣсти, а не сѣсть) ужинать (видите: ужинать, а не ужинать) клюкования съ салом с рыбьим». Наверное, очень вкусно: клюква в рыбьем жиру! А у третьего и того нет: «Въ голодное лѣто написахъ...»

А вот еще запись в рукописи XII века: «Ох душе увы ужико о горе супружнице моя!» Для нас это интересное употребление звательных форм, то есть форм обращения. Помните, у Пушкина: «Чего тебе

надобно, старче?» **Старче** — звательная форма от **старик**. Мы встречаем также редкие слова; например, **ужик** — это родственник не по крови. А если **вдуматься** — это торопливая запись убитого горем человека, который только что потерял любимую жену.

Человеческие документы прошлых веков — источник основных сведений о древнем языке. В разной степени они отражают характер писавших их людей, их дела и заботы, их тревоги и надежды. Но все они передают их речь. Речь монастырских и мирских священников, городских ремесленников, воинов и деревенских людей. Многие на Руси «грамоте умели крепко вельми». Только царь не брал пера в руки: грамотность была настолько обычным делом, что цари считали недостойным своего сана писать, они предпочитали диктовать писцам свои повеления и послания. По свидетельству историков, из всех русских царей до Петра только Борис Годунов подписывал официальные документы, но и то лишь до тех пор, пока не получил шапку Мономаха.

Много нашествий прошло на Руси, много пожаров и грабежей. Много сгорело и многое уничтожено безвозвратно. Только в лихие годы Батыева разбоя русичи потеряли больше древних памятников письменности, чем их сохранилось до нас за все столетия, прошедшие с XI века.

Но не только в древних памятниках историк языка находит для себя интересный материал. В отдаленных местах еще звучат старые говоры, которые очень отличаются от литературного языка. В этих

говорах сохраняется много особенностей русского языка, характерных для него в прошлом.

В одном месте сохранились старые формы местоимений, в другом — имен существительных, в третьем — глаголов. Сравнивая такие остатки друг с другом и с памятниками древней письменности, можно проследить развитие тех или иных слов в русском языке, понять причину их изменения.

Сегодня все слушают радио, смотрят кинофильмы и телепередачи. С приезжим человеком никто не станет говорить «по-старинному»: а вдруг засмеет! В начале же XX века, до революции, старых говоров было больше, они хорошо сохраняли старые особенности русской речи. Даже писатели использовали некоторые из таких особенностей. Их много у Есенина, у Тургенева, у Пришвина...

Бунин об одном из своих героев писал: «...говор старинный, косолапый, крупный. Он говорит: *що, каго, яго, маяго, табе, сабе, таперь*, но все как-то так, что слушать его — большое удовольствие...» Прислушаемся к этому говору, и вот что заметим. **Табе, сабе, таперь** — это фонетическая запись старых русских форм, которые записать следовало бы иначе: **тобе, себе, топерь**. Да, это русские формы, и они сохранились только в диалектной речи. А в литературном нашем языке вместо них мы пользуемся взятыми из церковнославянского языка **тебе, себе, теперь**.

Что же еще есть в речи этого тамбовского мужика, описанного Буниным?

Еще у него есть произношение **усе** вместо **всё**, **усякими** вместо **всякими**. Очень интересная осо-

бенность, указывающая на то, что звук **в** в русском языке когда-то произносился как краткий, неслоговой гласный **у**. Он и теперь не стал окончательно согласным в тех говорах, где вместо звука **ф** произносятся **х**. Ага, вот оно: «хунтик колбаски». Так говорит бунинский герой. Значит, все верно, очень старая особенность русской речи. В литературном произношении ее нет уже лет шестьсот.

А вот о собаках сказано: **оне**. Не **они** — а **оне**. Тоже очень верно. Имя существительное **собака** — женского рода, значит, и местоимение во множественном числе должно быть не **они**, а **оне** — писалось с ятем: **онѣ**. В древнерусском языке местоимения различались по роду не только в единственном, но и во множественном числе. Послушайте, как в одном из своих романов Н. С. Лесков использует высказывание по отношению к уважаемому лицу:

«— Точно так-с, сами Лизавета Егоровна,

— С кем?

— Одне-с.

— Одна?

— Одне-с...»

А у бунинского персонажа еще и окончаний нет в третьем лице: «Перед дождем сильней пахня», «А он как вскоча» и так далее. Вот уж древность-то какая!

В прошлые времена много путешествовали, особенно купцы, монахи и солдаты. В чужеземных странах тогдашние ученые записывали их речь, пытались понять, перевести на свой язык. Многое и здесь пропало, не дошло до нас, но кое-что и осталось.

Осталось, например, сочинение византийского императора Константина по прозвищу Багрянород-

ный, который жил в середине X века. С чужих слов он записал названия русских городов, рек, знаменитых днепровских порогов, имена князей, названия племен. И теперь, тысячу лет спустя, мы можем на основании этих русских слов, записанных греческими буквами, судить о многих особенностях древней русской речи. Ведь сами руссы еще не писали в то время больших книг.

Это все и есть источники в изучении истории языка.

И не только это. Наш собственный, современный язык, тот самый, на котором мы говорим сейчас, может стать таким источником.

В самом деле, если внимательно прислушаться к тому, как мы говорим, легко обнаружатся непоследовательности и отклонения от правил. Сравните почти одинаковые слова — мел и мёл, мёд и мет (то есть мета в родительном падеже). Если во вторых словах каждой пары убрать точки над буквой е — вообще ничего не поймешь; чем, например, мел отличается от мел. А ведь там, где пишется ё, раньше было «простое» е, сама буква ё попала в русский алфавит только в 1797 году. До сих пор мы пишем в тех же корнях е, а не ё: метла, мету́, меды́, медовый.

Почему же в одном случае после мягких согласных произносится звук е, а в других — звук о, который дает буква ё? Оказывается, на месте современного ё в этих словах было когда-то е, а на месте современного е — ѣ, то есть древнее отношение мѣль — мель теперь мы передаем как мел — мёл, а в произношении [м'ел] — [м'ол]. Несмотря на все изменения, которые происходили в речи на протя-

жении последних семисот лет, мы по-прежнему различаем эти слова и многие другие, на них похожие. Окончательное совпадение ъ и е в речи грозило бы невозполнимой утратой для языка. Представьте себе язык, где очень многие важные слова звучат одинаково! И русский язык «по-хозяйски» отнесся к колебаниям в речи: он «запретил» слияние нового е, возникшего из ъ, и ё.

Почему происходили все эти изменения? Это очень сложный вопрос. И очень важный, потому что связан со многими другими изменениями языка, не менее сложными, важными и интересными.

Важными, потому что изменение языка связано с развитием мышления, с преобразованием всех сторон культурной и общественной жизни народа, говорящего на этом языке. А это очень поучительно — знать, как жили предки.

Сложными, потому что в развитии языка нет ничего случайного или второстепенного, и все так тесно друг с другом связано, что изменение в одном месте сразу же захватывает все соседние участки языка — его системы. Чтобы понять одно изменение, нужно всесторонне и четко представить себе все связанные с ним преобразования. А это не всегда удается.

Интересными, потому что очень любопытно было бы понять логику и смысл языковых изменений, их зависимость от самых разных причин, мельчайшие оттенки значений и звучаний родной речи в прошлом и тонкие связи ее со всеми обстоятельствами человеческой жизни.

РАССКАЗ ВТОРОЙ

диве дивном,
о животах и
немножко о жизни

Во время диалектологической экспедиции у самого Белого моря студент записал фразу, сказанную одной старушкой:

— Летось погода дивная живёт: дождь летит, бог стрелы пускает и гром...

Как будто из сказки, правда? Как будто все по-русски сказано, а вот студент задумался. И не удивительно: здесь по крайней мере пять лингвистических загадок. Для человека внимательного, конечно.

Вот я написал: «удивительно», посмотрел строчкой выше, а там уже есть слово **дивная** — того же корня и того же самого языка. А ведь не то же самое слово!

Что значит **удивительное**? Это нечто, вызывающее удивление.

А что такое **дивное**? У этого слова теперь два значения: **удивительное** — старое значение — и **прекрасное** — разговорное, довольно новое значение, например: **дивный голос**. Одно значение устарело, а другой чересчур вычурное, не всякий решится его использовать.

Между тем «перевести» слова старушки, скажем, так; «Летось погода удивительная живет...» — совершенно неверно. Что ж тут удивительного: дождь, молния, гром? Обычная летняя гроза. Чтобы правильно понять это высказывание, нужно осмотрительно отнестись сразу ко всем словам в предложении.

Студент поступил правильно. Он стал задавать вопросы, пытаясь понять значение нужного нам слова, и установил, например, что в речи его собеседницы невозможна «дивная девушка», а «дивная жизнь» вызывает только смех. Следовательно, значение прекрасн**ый** для этого слова в этом говоре неизвестно. Что бы еще? Ах, да, а «дивные очи» могут быть? Как же, дивные очи живут (опять живут!) — на иконе... Стоп!

Можно перевести дух и поразмыслить.

В говоре только в двух сочетаниях возможно прилагательное дивн**ый** — и оба раза в какой-то связи с богом, то со сказочным, который поливает из небесной бочки бабкин огород, то с нарисованным давным-давно на старой почерневшей доске.

Девичьи очи, по представлениям нашей старушки, дивными не бывают. Нет в них ничего божественного.

И поскольку ничего больше мы от нее не узнаем, снимем с полки этимологический словарь, постараемся вникнуть в сказанное с исторической точки зрения. Наше наблюдение подтверждается: корень див- встречается во многих языках, родственных русскому. Литовское **dievas** и латышское **dievs** одинаково значат бог. В древнеиндийском языке **dēvas**

и в латинском **deus** имеют то же самое значение. В авестийском **daeva** скрывается значение более собирательное — **демон**. Древнегреческое слово **dios** обозначает **божественный**. Даже в русском диалектном **дивья бы!** мы находим остатки все того же значения: **дай бог!** Бог, а может быть, и леший, и домовый — словом, какая-то сверхъестественная сила. Из этого сопоставления слов с одним и тем же древним корнем в разных родственных языках следует, что давным-давно корень **див-** связывался с обозначением божества, которому поклонялись наши далекие предки. А потом, много позже, с этим корнем стало связываться значение чуда, чего-то удивительного, странного, непонятного, вызванного действием сверхъестественных сил. Эти-то последние значения и характерны для древнерусского языка, они же сохранились и в некоторых архаических русских диалектах. В «Слове о полку Игореве» встречается и **диво** (удивительно), и **Дивь** — страшный лесной бог славян-язычников.

Вот, оказывается, почему не могут быть дивными девичьи глаза. Это только поэт в своем увлечении мог назвать их дивными, то есть божественными. Такое смещение в значении слова наглядно выражает отношение поэта к той, о ком он пишет. И когда-то такое смещение значения, впервые использованное, было смелым и даже кощунственным, и нашлись люди, которые осудили поэта. А теперь оно нас уже не удивляет: сами-то мы пошли еще дальше!

Наречие **летось** значит этим **летом**, и по своему образованию оно равно другим диалектным наречиям: **зимусь** (этой зимой), **веснусь** (этой весной),

утресь (этим утром), **ночь** (этой ночью). К определенному имени существительному присоединяется указательное местоимение **сей** в старой краткой форме — вот и получается дополнительное указание: ни в какую другую ночь, а именно в эту, которая только что прошла или еще длится (**ночь**).

Перечитаем то, что написали: «Ночь прошла».

На месте нашей старушки мы с вами и о дожде сказали бы, что он идет, а не летит.

Но спросите у кого-нибудь на севере: «Идет дождь?» — и вам ехидно заметят: «А с чего дождю идти, разве у него ноги есть? Дождь летит». То же, разумеется, относится и к ночи: не может она пройти. Следовательно, в этом северном говоре следует ожидать, что **ночь** сочетается с каким-то другим глаголом.

Наше литературное выражение **дождь идет** по своему происхождению является довольно поздним. Возникло оно благодаря тому, что у глагола расширилось значение: теперь у нас идут не только дождь и снег, — идет поезд, идет руда, идет план, идет соревнование, идет мысль, идет кинофильм, идет и многое другое, никогда не имевшее ног.

Слово **погода**, по-видимому, никого из вас не удивит. Между тем во многих районах России **погода** употребляется только для обозначения хорошей погоды; в других говорах скажут — **вёдро**. А если дождь или гроза — это **непогода**.

Обнаруживается интересная закономерность: многие слова расширяют свои значения. К древнему, исконному значению прибавляются все новые и новые оттенки. В новом значении слово на первых

порах обычно используется людьми с поэтическим воображением как дополнительный, но выразительный мазок на той словесной картине, которую они рисуют. Потом старое слово вступает во все новые и новые сочетания с другими словами, обогащаясь неожиданными оттенками значения. Некоторые из них забываются, другие же укрепляются в речи, входят во всеобщее употребление. Так возникает многозначность слова, например, многозначность глагола **идти**. С течением времени из этой многозначности может вырасти совсем новое, другое слово.

Сравнивая литературный язык с диалектным, легко заметить, что многозначность слов и большое число различных оттенков значения характерны для литературного языка.

Однако не забудем нашего студента: ему осталось неясным и значение глагола **живёт**.

Если дождь не может ходить из-за отсутствия ног, каким же образом «живёт» погода — нечто неодушевленное. Тут какая-то неувязка (если судить по нашим меркам) или загадка (если хорошо вдуматься).

В записанном высказывании этот глагол равен литературному **стоит**: «Погода стоит хорошая.»

Не только в диалектной речи встречается подобное употребление **жить**. Писатели-северяне вкладывают его в речь своих героев. У Бориса Шергина в его «Двинской земле» находим:

«Я спрошу:

— Спите, крещеные?

— Не спим, живём! Дале говори».

Из содержания ясно, что люди, к которым обратился рассказчик, вовсе не стоят. В этом случае невозможно «перевести» предложение так: «Не спим — стоим!» В том-то и дело, что они лежат, однако не спят, а пока еще бодрствуют. Может быть, диалектное значение слова **жить** и есть **бодрствовать**?

Да, **живет** — это и **стоит** (о погоде) и **бодрствует** (о человеке), но сверх того еще что-то. В том же произведении сам рассказчик проговаривается: «В городе, за островами, туманов не живет». Сама конструкция фразы, родительный падеж (туманов) вместо именительного (туманы), подсказывает перевод: «туманов не бывает».

Сравните еще народную примету в рассказе И. А. Бунина «Антоновские яблоки»: «Осень и зима хороши живут, коли на Лаврентия вода тиха и дождик». Конечно же, и здесь **живут** — это **бывают**. Этот пример указывает на то, что не только в северных, но и в южных говорах **жить** сохраняет старое значение **быть**, уже неизвестное литературному языку. А такое совпадение очень важно, оно указывает на древность и на народный характер именно такого значения слова.

Иногда **жить** выступает просто-напросто в значении вспомогательного глагола, он приравнивается к словам типа **есть**, **суть**. Например, в пословице «Не грози попу церковь: он от нее сыт живет». Первоначальное «содержание» этой пословицы такое: не грози попу проклятием церкви — он ведь от церкви и сыт есть (сытым бывает). Теперь мы понимаем это предложение немного иначе: он, поп, от церкви живет сытно.

По той же самой причине, то есть в связи с изменением значения слова в литературном языке, мы иногда неправильно понимаем даже современных нам писателей. У Алексея Чапыгина: «Казалось, что в этих сверкающих трещинах живут привет и радость...» Глагол **живут** употреблен здесь не в литературном значении. Это нам кажется, что писатель использовал метафору: привет и радость — живут, как если бы они были одушевленными существами. А Чапыгин употребил знакомое ему по родному северному диалекту слово в его первоначальном, исходном значении **имеются, бывают**. Впечатление метафоры — это наше собственное добавление к авторскому тексту; хорошее или плохое, но наше.

Повторяя сказочный зачин «жили-были», мы совершаем ту же самую ошибку. Дело не в том, что герои сказки жили-поживали. Они, если можно так выразиться, были-существовали, и притом очень давно, во всяком случае тогда, когда **жили** еще не значило узко **находились в процессе жизни**. Возьмем другой отрывок из произведения А. Чапыгина, из его исторического романа «Гулящие люди»; в XVII веке на Руси гулящими называли бродяг и разбойников. Один из героев говорит:

«Ты же знай, што нелюбье к тебе великого государя живет на том: да не пишешься ты от сей дни великим государем!»

С этим отрывком мы возвращаемся к высказыванию нашей архангельской бабки: она ведь тоже употребила глагол **живет** в том же значении **стоит, пребывает**.

Сравним историю глаголов **жить** и **идти**. Оказывается, что значения этих слов изменяются прямо противоположным образом. У **идти** наблюдается постоянное расширение значения, увеличение числа значений, а глагол **жить** постепенно ограничивается в употреблении, его значение становится более узким.

Попробуйте сами определить значение **жить** в следующей цитате из романа Н. С.Лескова:

«Туганов осмотрел монумент и сказал: «Живет»,— а дьякон был просто восхищен».

Заметьте: один герой романа был просто восхищен, а другой свой восторг выразил словесно, но ограничился одним словом **живет!**

Все те слова, о которых мы говорим, их изменения, сочетания и столкновения с другими словами — все это наша речь, наши попытки выразить какую-то мысль, важную в данный момент. И пользуемся мы для этого средствами языка. Каждое слово имеет определенное и всеобщее, закрепленное в языке значение, которое в данный период является обязательным для всех. Но в речи слово соединяется с соседними словами, его значение от высказывания к высказыванию меняется, оттачивается, расширяется или, наоборот, сходит на нет. Одновременно с основным словом изменяются и значения производных от него слов.

Читаем челобитную грамоту XVII века, которую задавленные нуждой холопы послали своему помещику. И вдруг наталкиваемся на такое сочетание слов: «А животишки наши, государь, прохудились вконец». С самого начала ясно, что эти «животиш-

ки» никак не связаны с «животиками» в сказке Корнея Чуковского: «У них, у бегемотиков, животики болят». Болят, а не прохудились.

Мы прекрасно знаем, что прохудиться могут сапоги или ведра. Но живот? Разве можно себе представить дырявый, подобно сапогу, живот?

Можно предположить, что изменилось значение глагола **прохудиться**. Тогда, в XVII веке, оно могло означать **сделаться худым, отощать**. Тощий живот представить проще, чем дырявый. Но нет — речь идет именно о том, что животы не отощали, а «сами себя сделали никудышными».

Очевидно, изменилось значение у слова **живот**. Действительно, его теперешнее значение (часть тела, в которой расположены органы пищеварения) не является исконным. Еще в рукописях XVII века это значение выражали другие слова, в том числе и заимствованные. Например, **брюхо, чрево**, а также **стомах** из латинского **stomachus** (желудок). В XVI веке брюхом называли собственно желудок («набил брюхо мякиной»), а чревом или даже пузом — соответствующую наружную часть тела («пал чревом на землю»). Исконное значение слова **живот**, по-видимому, было близко к значению глагола **жить**: жизненное или имущественное состояние. Вот как в одном тексте XIV века противопоставляются два слова: «Посреди Эдема древо процвело смерть. Посреди же всей земли древо процвело животь». **Живот** здесь — это **жизнь**.

Уже начиная с XIV в. в текстах обнаруживается колебание в значении этого слова, оно становится многозначным. Только окружающие слова дают воз-

возможность определить, о чем идет речь. А ведь точно определить значение слова в некоторых случаях оказывалось очень важным, например в грамотах-завещаниях. Прочтите два отрывка из псковских грамот XV века. Вот что в них сказано:

«Сим я, раба божия Ульяна, ходя при своем животу (1), учинила перепись животу (2) своему да и селу своему... деверю своему Ивану до его живота (3) кормити ему...»

«А село свое... даю жене своей Федосьи до живота (3) и до замужества. А если моя жена вторично выйдет замуж или умрет, то брату... а если и брат умрет, то после его живота (1) ... приказываю при-сматривати живота (2) своего жене своей...»

Мы встретили три значения одного и того же слова. Там, где стоит цифра 1, вместо **живота** поставьте слово **жизнь**, на место «живота 2» — слово **имущество**, на место «живота 3» — **смерть**. И текст станет яснее: «... при своей жизни я переписала все свое имущество и пашни и даю их на кормление деверю моему до его смерти». Одно и то же слово обозначает и жизнь, и смерть!

Прежде **живот** вообще означал только физические проявления жизни, для передачи других ее сторон имелись иные слова: духовная — жизнь, материальная — житье. До сих пор в прилагательных, образованных от трех этих слов, сохранилась первоначальная дробность значений; сравните: **жизненная идея**, **житейское дело** и **животная злоба** — трудно переставить местами эти прилагательные! А когда-то их было еще больше, от того же корня **жи-** образовывались еще: **жила** — жизненный нерв

у живого существа («жилы надорвал»), **жито** — основной, жизненно важный продукт питания (и в разных местах житом называли разные злаки: либо пшеницу, либо ячмень, либо просо), **жить** — основное место обитания. Последнее сохранилось в церковнославянском **пажить** (пастбище) и в современных северных говорах, где **жить** обозначает жилое помещение в доме.

Похоже, что каждое жизненно необходимое явление обозначалось специальным словом, а все вместе они были связаны одним общим корнем. С течением времени все такие слова изменяли свое значение, каждый раз входя в сложные взаимоотношения с прочими словами языка, то возникавшими, то исчезающими. Но общее, исходное и главное свое значение наши слова сохранили. В частности, материальная сфера жизни долго была связана со словом **животь**. Одновременно с изменениями слов изменялись условия жизни, быт людей, социальные отношения, и это также находило свое отражение в языке. Одно слово по значению как бы «раздваивалось», «растраивалось» — становилось многозначным.

В некоторых случаях вообще трудно определить значение слова, как, например, в той псковской грамоте: «...а после его живота отдать село такому-то». После жизни? Или после смерти? В этом случае оба значения слова как бы совпадают в одном, а именно: после жизни, в результате смерти.

Особенно интересно 2-е значение слова **живот** — **имущество**. В первой грамоте речь идет об имуществе в целом (кроме пашни). Из содержания

второй грамоты можно понять, что здесь говорится о так называемом движимом имуществе, то есть прежде всего, по тогдашним условиям, о скоте. Особенно в XVII веке **живот** стало употребительным в значении **домашнее животное**. Дикий зверь (дикое животное) противопоставлялся животу, животине (домашнему животному), а из всей животины выделялась скотина, скот, то есть домашние животные для работы.

Вот какая интересная цепь в изменявшихся значениях: **существование — имущество — скот — жизнь — смерть — желудок**. Какой последовательностью связаны эти значения? В самом начале стоит значение **существование**, которое теперь нам кажется несколько неопределенным, слишком общим. Судить о древности такого значения можно хотя бы по близости существительного **живот** и глагола **жить**. А сам глагол уж очень близок по значению другому глаголу — **быть**. По-видимому, значения глаголов **быть** и **жить** не совпадали полностью, особенно в грамматическом отношении. **Быть** обладал большей неопределенностью и потому чаще употреблялся в значении связки. В знаменитом сказочном зачине, о котором уже шла речь, — «жили-были» — связкой является **были**, форма глагола **быть**, а **жили** — это глагол в прошедшем времени, он передает смысл. Но это содержание совсем не соответствует тому, с каким мы сейчас его связываем. Выражение «Жили-были дед да баба» на наш язык следует перевести примерно так: «Очень-очень давно, сейчас и не определить когда, имелись старик и старуха». «Жили-были» — это введение Слушате-

ля в суть дела, равнозначное, например, постановке математической задачи: «дано». А дальше начинается действие. В сказке никогда не дается точное указание места и времени действия, поэтому такая неопределенная формула очень хорошо подходит к ней.

Конечное звено этой цепи — **живот** как часть тела. Известны нам и слова, образованные от слова **живот** и сохраняющие совершенно определенное значение; например: **животное** или **животина** применительно к домашнему скоту. Эти слова возникли уже в тот период, когда само слово **живот** еще сохраняло связь с понятием **существование**, но распространялось уже только на домашних животных, с которыми (как со средством существования) в давние времена очень тесно была связана и человеческая жизнь.

Еще в XVII веке как-то пытались различать разные **животы**. У протопопы Аввакума такое различие произведено с помощью ударений: **живот** в смысле **жизнь** имеет всегда ударение на окончании (**живо́т**, **животá**, **животу́**), а **живот** в смысле **желудок** — на суффиксе (**живо́т**, **живо́та**, **живо́ту**).

До нас дошли пословицы, где **живот** употреблено в том значении, которое ему было свойственно в момент образования всего оборота. Вспомним хотя бы эти: «Богат Мирошка, а **животов** — собака да кошка». «**Животину** водить — не разиня рот ходить.» Понятно, что здесь **животы** — домашние животные.

РАССКАЗ ТРЕТИЙ

синем море, сизом вороне и
черной кручине, а также о
самом красивом цвете

У самого синего моря. А море-то не синее. Сизый ворон? Тоже как-то сомнительно: он черный. Вот разве что кручина действительно черная — если нечто беспредметное, неопределенное может иметь цвет.

И снова сказка ставит перед нами загадку. Выдумано все это когда-то? Или мы теперь не понимаем древнего смысла слов? А слова-то не особенно старые. Многие, очень многие слова возникли буквально на наших глазах. Можно документально установить, что пятьсот лет назад такого-то слова не было или оно употреблялось совсем в другом значении, а вот теперь мы не можем обойтись без него, настолько оно важно. Многие слова, такие привычные теперь, когда-то были дерзким новшеством, непонятной блажью, чудачеством или чудом. Очень удобно проследить такого рода изменения на примере слов, обозначающих цвет. Из учебника физики вы знаете, что цветовая гамма состоит из семи основных цветов спектра. Но еще сравнительно недавно, поколений пятнадцать-двадцать назад, люди не различали,

например, синего и зеленого цвета. Для них он совпадал в одном цвете, похожем на черный. Даже в XX веке многие дикие племена в Африке или Южной Америке четко противопоставляли только красный, черный и белый цвета. Они обозначены словами — потому, что важны в жизни, а все остальные цвета бесполезны, и потому их «не видят». Кстати, заметьте: черного и белого нет в солнечном спектре, это ведь не цвета, а бесцветные соединения цветов. В науке их называют «ахроматическими», что по-гречески значит «бесцветные».

Разные человеческие коллективы, разные народы в разные эпохи различным образом воспринимают окружающий их цветовой мир.

Сначала человек не различал цветов вовсе, все окружающее для него было белым или черным, иногда и серым. Именно таким видит мир собака — черно-белым. И слово **белый** обозначает все, что угодно: это и белый в нашем понимании, это и прозрачный, это и светлый. Бел-горюч камень — камень, который горит бесцветным пламенем, настолько бесцветным, что его и не видно.

Затем в ахроматический мир ворвался красный цвет, цвет солнца, горячего песка и огня. Цвет крови и жизни. Он, этот цвет, особенно выделился позднее, на следующих этапах, когда человек стал осознавать еще и зеленый цвет, цвет травы и деревьев. И только позже, много позже, из черного стал выделяться еще один цвет. Тот, который мы, говорящие на русском языке, называем теперь синим. Гораздо труднее оказалось отделить оранжевый от красного, а голубой и желтый от зеленого. Что же касает-

ся фиолетового, то впервые его определил английский ученый Исаак Ньютон — тот самый Ньютон, который и установил физические закономерности солнечного спектра. Фактически же вплоть до XVII века синим кончается видимый спектр. Все, что дальше, казалось черным.

Но мы с вами интересуемся не физическими характеристиками спектра. Нам ведь важно установить, каким образом постепенное обогащение человеческого опыта откладывалось в языке, и в частности в названиях цвета. То, что **оранжевый** и **фиолетовый** — довольно поздние слова в русском языке, показывает и само происхождение слов. Они не славянские, их заимствовали из французского языка в эпоху Петра I.

Физические закономерности всеобщи, возможности познания мира разными народами вообще-то одинаковы, а вот языки у них определенным образом различаются.

Так как же воспринимали цвет древние славяне?

В одном сборнике 1073 года цвета радуги ограничиваются всего четырьмя: «В радуге свойства суть — червеное и синее и зеленое и багряное». Итак: красное — зеленое — синее и... и все, потому что слово **багряный** одинаково могло обозначать и **красный** и **черный**. Во всяком случае, слово **багряный** и слово **червоный** одинаково передавали впечатление от красного цвета. Вот и весь спектр, три цвета: **червеный**, **зеленый** и **синий**.

В первом соединены **красный** и **оранжевый**, во втором — **желтый**, **зеленый** и **голубой**, в третьем — **синий** и **фиолетовый**. А если словом **зеленое** обозна-

частся и желтый, и зеленый, и голубой цвет — ясно, что в XI веке само слово имело совсем другое значение, мы только очень условно, с большой натяжкой можем считать, что тогдашнес **зеленый** обозначало зеленый цвет. Именно от тех времен сохранилось сочетание **зелено вино**. «Выпил чашу зелена вина» — значит не вино зеленого цвета, а светлое вино. Зеленый включал в себя самую светлую часть спектра. Для этого использовалось древнее славянское слово: **зеленый** — светлый, как трава. Светлый цвет.

Тот же состав спектра сохраняется в русской летописи под 1230 годом, но скорее как дань традиции. В другой летописи под тем же 1230 годом в качестве горестного предзнаменования (татаро-монгольского нашествия) летописец приводит такую примету: «Явились на оба пол (то есть по обе стороны) солнца столпы — черлены и желты, зелены, голубы, сини, черны». Из этого следует:

Червоный	?	Желтый	Зеленый	Голубой	Синий	Черный
----------	---	--------	---------	---------	-------	--------

Оранжевого еще нет.

Может быть, вместо **оранжевый** употреблялось когда-то слово **рыжий** со значением **красно-бурый**? Это слово известно с конца XIII века, но сначала оно было связано с красной частью спектра. **Рыж** и происходит от того же корня, что и **руда**, что значило **кровь**. И это не единственный случай, когда язык использовал старое слово для обозначения нового, только что открытого цвета. **Желтый**, например, родственник и **золе** (которая серая), и **золоту** (которое золотисто), и **зелени** (которая зелена), да еще и

желчи (которая может давать красноватые тона) — все эти слова происходят от одного древнего корня -г^нел-. Так какой же цвет раньше всего связывался в представлении древних со словом **желтый**? Вот видите, довольно зыбкой становится почва, как только из строго очерченного мира физических закономерностей мы переходим в царство словесных теней.

Теней, потому что очень многих слов, которые прежде служили для обозначения цвета, теперь уже нет в языке. Судите сами. Красный цвет древние славяне обозначали двумя словами: **червен** и **багрян**. Фактически же таких слов было значительно больше, потому что они имели множество вариантов: **червен**, **черлен**, **червлен**, **чермен** или **багр**, **багор**, **багрян**, **багрэн**. Вариантов много, а значили одно и то же, указывали на красный, он же румяный, он же кровавый, он же рыжий, он же алый, он же огненный цвет. Вот только **багряный**, может быть, был чуть темнее **чермного**. Происхождение корня **черм-** не совсем ясно, а **червленный** связан со словом **червь**, потому что из некоторых видов червей (кошенили) добывали краску.

Что важно, так это четкое противопоставление красного цвета черному, никаких других слов для обозначения черного древние славяне не знали.

Зато неопределенные ахроматические цвета — белый и серый — имели целый букет обозначений. Почти для каждого предмета — свое собственное слово. Серо-голубой глаз называли зекрым, темно-серую с сединой лошадь — сивой, мрачно-стальную волчью шерсть — дикой, бледно-серое оперение голубя — голубым, остывшую золу — серой,

темно-голубые, почти серые полевые цветочки — модрыми и так далее до бесконечности. Некоторые из этих слов так давно утрачены языком, что мы просто ничего о них не знаем. А если все приведенные слова сравнить с их далекими родственниками в других языках, окажется неожиданная вещь: **сивый** в литовском языке обозначает вовсе не **серый**, а **белесый**; и все прочие перечисленные цвета также когда-то были связаны с белым цветом.

С самым белым и того хуже. Это слово, действительно, не заменяется никакими другими: белый всегда белый. Однако оно имеет самые различные значения, причем не всегда связанные с цветом. В древнейших текстах его можно понимать также как **чистый, пустой, незаметный, прозрачный**. Может быть, от тех далеких времен, когда корень **бел-** обозначал нечто сокровенное, таинственно скрытое от глаз, и дошли до нас многие сказочные выражения вроде **бел-горюч камень**, который искать да искать, пока найдешь, или символика белого цвета, цвета чистоты и бессмертия.

У некоторых народов восток связан с белым цветом: на востоке восходит солнце. Запад для них — это черная ночь, запад заглатывает солнце. У восточных славян немного иначе, запад у них был связан с белым цветом — Белая Русь, откуда современная Белоруссия, север — с черным: Черная Русь, Чернигов — к северу от Киева, который был центром Древней Руси, юг — с красным: Червоная Русь, позднее — к югу-западу от Киева. Оказывается, и у славян наряду с серо-бело-черными тонами общественно важным, осознаваемым когда-то был только

красный цвет. Именно его и сделали они навсегда своим народным цветом, потому что с отдаленных времен он и являлся единственным собственно цветом, да и потому еще, что он — красивый цвет.

Красивый цвет. Красивый — красный... Один и тот же древний корень, хотя и с разными суффиксами. Может быть, эти слова и обозначают одно и то же? Почему до сих пор мы ни слова не сказали о теперешнем обозначении цвета **красный**?

А не сказали мы этого потому, что до самого начала XVI века прилагательное **красный** обозначало не цвет, а именно красоту и своим значением было равно современному слову **прекрасный**. Читая о путешествии Игнатия Смольнянина (XV век), мы встречаем: «Певцы же стояху украшены чудно. Старейший [из них] бе красен яко снег бел». С одной стороны, все певцы были украшены (например, одеждами), с другой — их руководитель был красен, то есть красив, как белый снег. Здесь мы встречаемся со старым значением слова: **красный** значит **красивый**. **Красна девица** в былинке и в сказке — красивая девушка, и вовсе не красная, а белая, белолицая (так понимали красоту наши предки). Это значение сохранилось в некоторых славянских языках, например в украинском и белорусском, а для обозначения красного цвета в этих языках до сих пор используется древнее слово **червен**: **червонный**.

В русском языке постепенно, сначала в деловых документах (первая запись относится к 1515 году), а затем и во всех прочих случаях, **красивый** стал **красным**, хотя долго еще, вплоть до петровских

времен, помнилось и прежнее значение слова. С этого времени слово **красный** — общее обозначение для всех оттенков красного цвета, а эти оттенки множатся буквально на глазах. С середины XIV века до конца XVII века в русский язык пришли **алый** (это слово есть в рукописи 1351 года), **вишневый** (1392 г.), позже **брусничный**, **гвоздичный**, **маковый**, **малиновый**, **бурый** и многие другие, связанные с определенными цветками. **Цвет** и **цветок** в сознании наших предков — одно и то же. И вот когда для обозначения оранжевого цвета стали вместо старого слова **жаркой** употреблять заимствованное **оранжевый** — в русском литературном языке и закончилось формирование слов для обозначения основных цветов красно-желтой части спектра.

С цветами сине-голубой части дело обстояло куда сложнее. Мы уже видели, что пепельно-дымчато-голубые оттенки обычно связывались с цветом обозначаемого предмета: сивый конь, зекрый глаз. Точное значение некоторых слов этого типа, ушедших из языка, ученые до сих пор не могут установить. Например, **бусый** волк в «Слове о полку Игореве» — серый? белый? голубой? красный? Все такие мнения высказаны, и все они сомнительны. Сомнительны потому, что этот частный цвет бесцветного (ахроматического) ряда связан был с особенностями одного, теперь, возможно, истребленного животного. Как если бы вдруг исчезли все светло-серые голуби — и мы удивлялись бы, почему слово **голубой** связано с голубями.

Пора сделать одно важное замечание. Оно покажет нам смысл всех изменений в обозначении цвета.

Смысл такой: человек познает постепенно различие реальных цветов, все усложняя свое представление о мире. И все свои открытия он передает в язык для всеобщего пользования. Но язык — это сложная система, которая не сразу отзывается на человеческие открытия; сначала она их проверяет на разных сочетаниях слов, испробует так и эдак и только в конце концов по своим языковым законам, независимо от воли и пожелания людей, вырабатывает свое собственное, языковое обозначение цвета.

Пока люди цвет дикого волка называют **диким**, цвет зрачка называют **зекрым**, цвет голубя — **голубым** и т. д. — это еще не обозначение цвета, это только указание на качество предмета при помощи сравнения с другим предметом. Серебряные волосы — это волосы как из серебра. Сравнение помогает пониманию.

До самого XIV века восточные славяне включали в «холодную» часть спектра фиолетовый, синий, голубой цвета, некоторые смешанные зеленые тона. В самом деле, багровое от кровоподтеков место на теле называлось синяком, мавры и эфиопы («люди, черные образом») постоянно назывались синцами, блеснувшая в черных тучах молния — также синяя, и даже полная луна в ночном небе — синяя, что, согласитесь, совсем уж странно. В текстах XI–XII веков люди «сини яко сажа», а, с другой стороны, седой человек выходит «синеюща власы своими». Сегодня мы с вами не свяжем **синий** ни с черной сажой, ни с сединой.

Мы-то не свяжем, а вот некоторые старушки в далеких северных деревнях, до сих пор сохраняющие

старые особенности речи, довольно легко смешивают **синий** и **черный**. О двух парах сапог, с нашей точки зрения абсолютно черных, одна из них сказала: «Эти черные, а те синие.» Первые были мужские кирзовые сапоги, вторые — резиновые дамские сапожки с солнечным отливом. Вот как, оказывается: **синий** — это блестящий черный, черный цвет с блеском. Отсюда и мерцающий синяк, и облитое потом черное тело эфиопа, и блеск молнии в черных тучах, и густой лак сажи, и отблеск с головы седеющего брюнета. **Синий** — не цвет, **синий** — степень яркости темного цвета, все равно какого: и собственно синего, который раньше назывался другим словом (сизый), и фиолетового, и черного, я даже темно-красного. Поэтому **синее море**, **сизый ворон** и **черная кручина** — это всего лишь разные вариации черного в представлении наших предков, **И си-вый**, и **си-зый**, и **си-ний** восходят к одному древнему корню. Исконное значение этого корня сохранил глагол **си-ять**.

Могли ли сиять светлые краски и цвета? Разумеется, могли. И потому в средние века для светлого цвета с отблеском появилось слово **лазоревый**. Само по себе оно сначала служило для обозначения блестящего голубого цвета, оно и связано своим происхождением со словом **лазурь**. Так называлась голубая краска минерального происхождения, очень дорогая в средние века. Но в русском языке голубой отблеск лазурита распространился также и на другие цвета. Так появились **лазоревое поле**, **лазоревое море**. «Море по обычаю стоит лазоревое» — из текста XVI века, где речь идет о Средиземном море,

волна которого скорее зеленого тона; **лазоревый блеск**: «дали одиннадцать пугвиц сизовых с лазоревым нацветом»; **лазоревые цветы**... Спросите своих знакомых, какого цвета лазоревый цветок, и вы услышите самые различные ответы: назовут и голубой, и синий, и розовый, и малиновый, и зеленый. Ничего удивительного, все эти цвета действительно могут сиять, блистать. А **лазоревый цветок** из бабушкиной сказки — не голубой и не малиновый, а блестящий и яркий. Именно это старое значение слова можно найти и в произведениях писателей, хорошо чувствующих слово. Вот как И. С. Тургенев начал одно из них: «Однажды Верховное Существо вздумало задать великий пир в своих лазоревых чертогах...»

Вот как странно было когда-то: голубой, синий, фиолетовый смешивали, называя то багровым, то черным, а степень яркости каждого цвета все-таки различали и обозначали специальным словом.

А что если вопрос поставить иначе: может быть, и не нужно было нашим предкам различать эти цвета, может быть, их вполне устраивала их собственная классификация тонов? Какая разница — черный или фиолетовый — важно другое: блестящий или нет. Вполне возможно, что так оно и было. Но определенно ответить на этот вопрос можно только после внимательного изучения обозначений цвета в каком-то одном тексте. Воспользуемся для этой цели «Словом о полку Игореве», созданным в конце XII века. Это тонкое художественное произведение, в котором цветовым и звуковым впечатлениям автора отводится видное место.

Какие же цвета различает автор? Смотрите: **черный ворон, черные тучи, черная земля, черная паполома** (покрывало), **багряные столпы** (густокрасные с синим и фиолетовым отливом), **сизый орел** (темно-лиловый с синим отливом). Это все цвета мрачные, с ними связаны плохие приметы. А **синий**? Есть **синий Дон, синие молнии, синее вино, синяя мгла** и несколько **синих морей**. Конечно же, это слово еще не обозначает для автора «Слова» какой-то определенный цвет, **синий** указывает на сияние темных тонов.

Красная часть спектра представлена широко: **черленые щиты, черлен стяг и черлена чолка** (бунчук). Слово **красный** еще не обозначает цвета, указывая на качество: **красный Роман, красные девицы** и другие прекрасные действующие лица. Зато слово **кровавый** одновременно обозначает и качество, и цвет: **кровавые зори** и **на кровавой траве**, то есть на траве, залитой кровью. Так же обстоит дело и со словом **зеленый**. С одной стороны, это уже цвет в сочетании «**постлать зеленую паполому**», а с другой — еще качество зелени, связанное с зеленым деревом и зеленой травой.

«Бесцветные» цвета также представлены в изобилии: **серые волки и бусови волки** (бусови еще и вороны), **серебряная седина** и **серебряные струи** в серебряных берегах, еще **жемчужная душа**, а также **белая хоруговь** и **белый гоголь**, что очень странно, поскольку ни княжеская хоруговь, ни гоголь не были белыми. Дело прояснится, если мы вспомним, что древнейшее значение слова **белый** обозначало качество: **прозрачный, светлый**. Еще в XVI веке в

качестве особой приметы так описывали одну личность: «А Петр рожеем белорусь, очи белы, ростом великъ» — у Петра были светлые глаза. В XI же веке, переводя жизнеописание Александра Македонского, древний русич отметил, что у Александра «едино око бело, а другое черно», что явно не к добру, и действительно, светлое и темное переплелось в жизни полководца. И в «Слове о полку Игореве» только два раза употреблено слово **белый**, в остальных случаях его просто заменяет равное ему слово **светлый**. **Светлым** и даже **пресветлым** здесь является солнце.

Слово **солнце** связано с множеством слов, имеющих отношение к свету: **светлое солнце** — **светь солнцу** — **солнце светить**. Одновременно с тем **свет светлый**, **заря свет за пала** и т. д. Свет, заря, солнце, — светлые, а бунчук и птица — белые, потому что они, являясь светлыми, не светятся сами по себе.

Странный по краскам мир окружал человека, написавшего «Слово». На ахроматическом, но богато орнаментированном оттенками серо-бело-черном фоне (со строгим противопоставлением разной степени яркости и внутренней «светимости») яркими маками распускается красный цвет, а зеленый еще только вытекает из характеристики качества: зеленое дерево и зеленая трава — это дерево и трава цвета зелени, как серебряные струи — цвета серебра, а кровавые зори — цвета крови. В языке еще нет слов, чтобы назвать цвет того, что может быть оранжевым, алым, рыжим, малиновым, желтым, зеленым, голубым...

Не удивлялись ли вы ограниченности тех цветовых определений, которые даются разным существам и предметам в древних произведениях народного творчества? В песнях и в былинах платье, одежда, рубашка, шатер, всякого рода одеяние может быть только белым или черным, причем белое всегда связывается с добрым молодцем и обычно в радости, а черное принадлежит злему врагу и сопутствует печальным обстоятельствам жизни. Сравните еще противопоставления: черное облако — белый снег, черный ворон — белый камень (на котором ворон сидит), черная земля — белый свет. Еще могут быть черлениый стул, черлено крылечко, черлены стяги, а зеленым может называться только зелень (зелена трава, дуб, древо). То же самое представление о цвете, что и в «Слове о полку Игореве», и дошло до нас от той же эпохи.

Так постепенно, с течением времени, следуя за человеком, последовательно проникавшим в противоречивый и сложный мир красок, цветов и оттенков, развивалась в нашем языке система слов, обозначающих цвет.

РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ

братьях-месяцах в те годы,
когда время еще не было часом,
а лето — временем

На первый взгляд кажется, будто количество слов бесконечно: сотни, тысячи, длинные ряды, которые теряются в тумане словарей. Но так только кажется. Самое простое наблюдение опровергает этот взгляд.

Слова даже в словаре не лежат случайной грудой, подобно ягодам в корзине. Они приведены в порядок, по возможности соединены или соотнесены друг с другом по степени их близости или родства. Слова, обслуживающие какую-то узкую часть человеческой деятельности или отражающие определенный отрезок окружающего нас мира, вступают в тесные лексические, то есть словесные, или семантические, то есть смысловые, отношения, образуют лексико-семантические группы конкретного и всегда легко обозримого ряда. А ряды имеют концы. Вот один такой ряд: бой — драка — рать — брань — сила — полк — битва — сражение.

В подобном перечне это не просто набор слов. Вы, зная современный русский литературный язык (именно современный, именно литературный и

именно русский), всегда определите взаимное соотношение между этими словами. Некоторые из них показались вам устаревшими: **рать**, **полк**, как в «Слове о полку Игореве». Другие, оказывается, изменили свое значение по сравнению с прошлым: **брань** теперь не обозначает сражения. Третьи стали употребляться только в некоторых сочетаниях: **вооруженные силы** — это то, что когда-то называли **полком**, а позже **ратью**: (воинские силы, все участники боев). Четвертые сохранились в языке, но употребляются только в определенных случаях, причем каждое из них имеет свой определенный стилистический привкус, например: **бой**, **битва**, **сражение**. Слова обозначают одно и то же, но в каждом отдельном случае сказать можно только так, а не иначе: **бой местного значения**; **битва под Сталинградом**; **сражение, решившее исход войны**.

Уже беглый взгляд на приведенные слова позволяет нам выявить историзмы, архаизмы, синонимы, многозначность слова, переносное значение слова и т. д. Каждое слово имеет свою особую характеристику и может употребляться только в определенном контексте. Следовательно, каждое слово входит в свою систему.

И изменение в лексике происходит не просто потому, что прежнее слово кому-то стало казаться некрасивым, или неприличным, или маловажным. Очень часто изменение связано с тем, что сместились прежние соотношения между старыми словами, изменилась лексическая система целиком. Нагляднее всего это можно проследить на изменениях внутренне замкнутой частной системы: она изменя-

ется вся сразу, а не отдельными словами, но изменяется постепенно.

Каждый знает сказку о братьях-месяцах. Почему их было ровно двенадцать? Могло быть и больше, могло быть и меньше — смотря как считать месяцы. Одни народы делили год на десять частей — месяцев, другие — на 12 или 13. А вот у славян было всегда двенадцать месяцев.

Хорошо, пусть двенадцать. Очень удобный пример для того, чтобы рассмотреть изменение «внутренне замкнутой частной системы». Системы потому, что месяцы следуют в строгом порядке друг за другом. Когда бедной падчерице из сказки понадобились подснежники, не сразу встал юный март и взмахнул рукавом — прежде прошли зимние месяцы и довели время до марта. Через время-то не перескочишь, даже в сказке!

Месяцы выстраиваются в определенном порядке, и каждый из них связан с каким-то изменением в природе. Скажем, март мы могли бы назвать подснежничек. Очень светлое имя, нежное такое. Ручьи из-под снега, птицы поют, весна!

Но в далекие те времена невзрачные подснежники мало интересовали язычника. Он вступил в борьбу и в дружбу с природой, ему нужно вовремя посеять и собрать хлеб, скосить сено и вырастить скот. Много и других дел нужно успеть сделать за короткое лето. А лето идет за солнцем, и человек живет по солнцу. У него и выражений, связанных с солнцем, много, хороших выражений: **усолонь** (тенистое место), **посолонь** (по солнцу: с востока на запад). И все поверья его и приметы связаны с солнцем. Весной язычник

печет подобие солнца — круглый горячий колобок, раздирает его руками и кормит всех вокруг, чтобы у всех внутри горело солнце. Осенью, собрав хлеб, он закалывает разноцветного, отливающего блеском петуха, кропит землю дымной его кровью и просит Солнце поскорее вернуться снова. И свой календарь он также строит по солнцу, учитывая все работы, которые важны в нелегком крестьянском деле.

Март в его календаре назывался не **подснежничком**, март — это **сухой** месяц. Странно, конечно, что время года, которое писатель Михаил Пришвин, знаток русской природы, назвал весной воды, — сухое время. Однако древнего крестьянина интересовала не красота весны, его интересовал будущий урожай. Он шел в лес, следил, как сохнут на первом солнце подрубленные им деревья и кустарник. Когда же все достаточно просыхало, он жег их тут же, на корню, насыщая будущую пашню и готовя ее к делу. И когда это происходило, наступал уже следующий месяц — **березозол**: зола сожженных берез кормила землю, и в землю бросалось зерно. Зерно проклевывалось зелеными щеточками на третий с начала весны месяц, и этот месяц назывался **травень**. Следующий за ним назван по имени кузнечика, цикады — **изок**. Была примета: распелись кузнечики — пора косить сено. Затем наступает **червень** — красный месяц. Поспевают плоды и ягоды, созрели овощи. А зерно еще наливается в колосе. За **червнем** следует **зарев**, в конце которого люди выходят в поле с серпами и делают самую важную работу: собирают хлеб. Много праздников связано

с этим временем года — больше, чем с весной. Это зрелая пора итогов, а не зеленых надежд.

Повеяли первые осенние ветры и прошли осенние дожди в месяц **руин**. Для перевода этого древнего названия годится **ветренный, ветрило, ревун**. Густо посыпались с деревьев листья в месяц **листопад**. По ночам смерзается земля, и мертвыми гудами лежит все вокруг в месяц **грудень**. Стынет все от первых морозцев в месяц **студеный**. Не просто стынет, но прямо звенит от мороза, переливается багровым отсветом лес, и дом, и пашня, и лицо, и руки, когда наступает **просинец** (про-син-ец). Чуть-чуть отпускает мороз к началу **сечня**, последнего в сельском году. **Сечень** одним глазом в зиму смотрит: сскут еще холодные зимние ветры. Другой глаз уже к весне повернут: одеваются мужики потеплее и идут в лес. Старая пашня оскудела, хлеба дает мало, нужно новую готовить. Вся семья рубит лес, подсекает густые заросли, готовится к весне, пока не пошли по березам весенние соки. И вот снова наступает месяц **сухой**...

Крестьянский цикл замкнулся, и наша система наименований вошла в свои естественные границы. Эта система не просто внутренне замкнута, она ведь еще очень тесно связана с жизнью, она и рождается из этой жизни. Изменились ритм, смысл и содержание жизни — изменилась и календарная система.

Не будем здесь говорить о том, почему древнерусское начало года впоследствии перешло с марта на сентябрь, а после Петра I на январь. Не будем говорить о метеорологических, географических и физических вопросах, связанных с системой летоисчис-

ления. Попробуем разобраться в своей собственной, лексической внутренне замкнутой частной системе. Здесь и своих сложностей вполне достаточно.

В самом деле, в современном русском языке ни одного из перечисленных названий месяцев не сохранилось. Вместо них появились слова, заимствованные из латинского: имена древнеримских богов и цезарей. Это обычная ориентация на международные термины, которая характерна для тех стадий развития «замкнутой системы», когда уже утрачивается внутренняя связь между словами и теми реальными фактами жизни, которые эти слова передают. Крестьянский цикл жизни не имеет значения не только для купца или монаха, но даже и для ремесленника в городе. Усложнение общественной жизни, появление все новых и новых слоев общества приводили к возможности заменить местную систему обозначений интернациональной. Эта возможность и стала действительностью после петровских реформ в начале XVIII века.

Древние названия месяцев вообще сохранились в некоторых славянских языках, например, в украинском остались:

сечень — но не февраль, а январь
березень — но не апрель, а март
червень — но не июль, а июнь
листопад — но не октябрь, а ноябрь
грудень — но не ноябрь, а декабрь

В украинских диалектах есть и **просинец** — только обозначает это слово не январь, а декабрь.

Украинский **травень** по-прежнему связан с маем. Другие месяцы сменили свои названия:

февраль называется **лютым** с XVI века;
апрель называется **квитнем** (цветущим месяцем) с XIV века;

июль называется **липнем**, потому что цветут липы;
август называется **серпнем**, потому что убирают серпами хлеб;

сентябрь называется **вереснем**, потому что цветет вереск;

октябрь называется **жовтнем**, потому что желтеют листья.

Вот так и сдвинулась в украинском языке древняя система обозначений, дошедшая до нас от наших общих предков.

Прежде всего, устаревшие слова, которые вышли из употребления, перестали использоваться и для обозначения месяцев: **изок, зарев, руин**. Исчезло **сухий**, неясное применительно к марту. Такое изменение понятно, поскольку общий смысл украинской системы остался прежним, исконно славянским: название каждого месяца должно иметь какое-то реальное хозяйственное значение или по крайней мере связываться с известными фактами природы. Значит, старые, забытые слова уходят из любой системы, в том числе и «внутренне замкнутой», но только тогда уходят, когда им находится замена. Обратите внимание: **квитень** — с XIV века, **лютый** — с XVI века, а иные сменились и позже. Прошло чуть больше ста лет с тех пор, как появился **жовтень** вместо старого украинского **паздерника**; **паздер** — это солома,

кострица; сравните и современное белорусское название октября — **кастрычнік**. Замена одного названия другим происходила постепенно, на протяжении нескольких поколений, и не для всех месяцев сразу. Представляете себе, какая путаница возникла бы в том случае, если бы все месяцы сразу стали бы изменять свои имена, по-прежнему оставаясь славянскими, «непереводными» месяцами!

Впрочем, без путаницы и здесь не обошлось: **сечень** теперь не февраль, а январь... и так далее. Однако эта путаница имеет одну особенность: она систематична. Легко заметить, что смещение названий произошло с одного месяца на другой, но только соседний, причем летом они сместились назад, а зимой — вперед. Конечно же, на Украине плоды созревают раньше, чем, например, под Новгородом, а листопад и заморозки запаздывают, и также чуть ли не на месяц. А система, действительно, по-прежнему ориентирована на реальный мир природы. Может быть, в давние времена общерусская календарная система ориентировалась не на южную Русь, а на центральную часть Руси, а когда после XII века система названий месяцев стала «внутренне замкнутой» украинской, и только украинской, системой, произошел естественный сдвиг и выравнивание по реальному календарю. Слово **липень** у украинцев связано с июлем, а у сербов — с июнем: липы в Югославии цветут раньше, чем под Киевом. Общим основанием такого сдвига могло стать и несовпадение с теперешним составом дней в месяце. Старые-то месяцы шли по «старому стилю», с запозданием чуть ли не в полмесяца. Так и получилось

вдруг, что половина сечня вошла в сухой и т. д. Лексическая система чутко реагировала на изменения в реальной системе, которую она передает.

В русском же языке довольно рано, с XII века, наряду с народными названиями месяцев в церковных книгах появляются и новые, заимствованные из латинского языка через греческий. Они еще совсем чужие, эти названия, они и произносятся на иноземный лад, вот так: **януарий, фебруар (или февруарь), марот, априль, май, июнь, июль, август, сентемврий, октемврий, новембар, декаембар**. Даже тогдашние образованные люди не всегда могли бы понять, о каких, собственно, месяцах идет речь. Поэтому-то в рукописных книгах, не жалея драгоценного места на пергаменте, писцы заботливо поясняют: «месяц януарь рекомый просинец, месяц октемврий рекше листопадъ», что значит: январь, называемый просинцем, октябрь, то есть листопад. Такие пояснения встречаются вплоть до XVII века, при этом и формулировки перевода на обычные названия не меняются, пишут **рекомый, рекше**, позже также и **сиречь** (так сказать).

А вот уже **сиречь** — характерная примета нового отношения к заимствованным словам. Прежде отталкивались от славянских названий, славянским словом поясняли новое: «декемъбар, рекомый студеный» (декабрь, по-нашему называемый студеный). Теперь, с XV века, меняется и произношение этих чужих слов, и отношение к ним. **Декабрь сирень студеный** буквально значит декабрь, то есть студеный. Это уже не перевод одной системы обозначений в другую, более привычную, а соотнесение

двух равноправных систем, одинаково известных и одинаково важных. А тем временем все сложные сочетания звуков в заимствованных словах изменились на русский образец, некоторые слова сократились: например, **сентябрь** вместо **сентемврий**. Они стали осознаваться как вполне русские слова, в них даже стали выделять русские суффиксы: **-арь** в слове **янв-арь** — по аналогии с **пах-арь**, **-аль** в **февр-але** по примеру **невид-аль**. Таким образом, из чудных варваризмов превратились эти слова в русские.

Слова-то русские, верно, и с XIV века уже вполне русские. Но система, создаваемая этими словами, еще не совсем русская, вернее, не только русская. Две системы, обозначающие одно и то же, старая и новая, сосуществовали в то время на равных правах, но с разным назначением. Назовем их стилистическими вариантами. **Январь** и его братья — высокий, торжественный стиль; **просинец** и его братья — обычный, попроще. И понятнее.

Когда же в конце XVII века соединились и государственные интересы России, и необходимость выйти на мировую торговую и экономическую арену, и образование единого русского литературного языка на национальной, русской основе, и распадение старых, сугубо крестьянских представлений о течении времени, когда все это сплелось в один сложный узел событий, — тогда потребовалась одна-единственная система обозначений, общая для всех и связанная с тою, которой пользовались во всей Европе. И по многим причинам победила переводная, книжная система, она стала русской литературной

системой. Вторая, ставшая теперь неважной, постепенно распалась и сразу.

Постепенно — значит в разных районах России не в одно и то же время. Но сразу — то есть утрачивались одновременно все названия старого ряда. Если где-то уходил из речи **просинец**, он уводил за собой и **сечень**, и **сухий**, и **березозол** — всех братьев сразу. Семейство оказалось не у дел, потому что всего одним делом оно и занималось: означало месяцы. Слова **студеный**, **сухой**, **листопад** мы и теперь употребляем, но не потому, что это старые названия месяцев. Это старые слова с широким кругом значений. С этими словами ничего трагического не произошло, они утратили только одно из своих значений.

Система — это ведь взаимное отношение сходных элементов друг к другу. Все равно, каковы они по своей природе и по своему происхождению, эти элементы. Система — это их соотношение по какому-то признаку. Признак исчез или стал неважным, соотношение распалось — и нет теперь никакой системы, каждый ее элемент ведет себя с этой минуты по-разному, вступает в новые отношения, создавая новые системы, или бесследно исчезает. Казалось бы, бесследно. Но вдруг возникнет новая надобность в нем — и вот он здесь! Слово **вратарь** обозначало когда-то монаха, который стоял стражем у входа в монастырь. Уже в XVI–XVII веках эта должность стала обозначаться другим словом — **привратник** (тот, кто стоит при вратах). Даже монахам, для которых привычен был церковнославянский язык, слово **вратарь** со старым суффиксом **-арь** каза-

лось устаревшим. И вот много времени спустя оно обрело новую жизнь, теперь уже в совсем другой системе, — в названиях игроков-футболистов, но только в этой внутренне замкнутой системе, и нигде больше. Это слово отличается от многих других тем, что имеет одно-единственное значение, вернее, только одну связь: оно заменило собою варваризм **голкипер** (хранитель ворот) в системе футбольных названий. Это слово — термин. Чем меньше связей у какого-то слова с другими словами, тем точнее и однозначнее отражает оно действительность и тем ближе оно к термину. Чем больше таких связей (и с жизнью, и с текстом), тем богаче его значение, тем оно поэтичнее и многообразнее и тем дольше сохраняется оно в языке. Теперь вы, конечно, согласитесь с И. С. Тургеневым, который писал, что система похожа на ящерицу: только, кажется, поймал ее за хвост — а хвост и отвалился, новый вырос, новая система начала свою жизнь.

Слова, которые обозначают дни недели, также создают свою внутренне замкнутую систему, но в отличие от названий месяцев, эта система построена более рационально, дни недели называются, как дети у древнерусского крестьянина: первый, второй, третий... Впрочем, не совсем так: **Первак, Другак, Третьяк** — имена детей; **понедельник, вторник, среда** — названия дней недели.

А почему серединой недели считается среда? Четверг лучше подходил бы для этой цели. Дело в том, что у древних славян неделя, видимо, состояла из шести дней, которые следовали друг за другом в таком порядке: **неделя (нерабочий день), понедель-**

ник (идет за неделей), **второкъ**, **среда** (которая и есть середина рабочей недели), **четвертокъ**, **пяттокъ**. Субботы не было.

Когда славяне получили от греков новый для них рабочий день, они и назвали его древнееврейским словом в древнегреческом произношении. Случилось это довольно поздно, однако в церковных текстах **субботу** мы встречаем давно.

Церковники назвали **неделю** по греческому образцу **воскресеньем**. Но экономная система не решилась расстаться с самим словом **неделя**, сделав его общим названием всего цикла из семи дней. С этимологической точки зрения получается странно: **неделя** (не-дела, выходной) в современном выражении (кстати, не очень удачном) **сделаем на неделе** подразумевает как раз рабочую часть недели.

РАССКАЗ ПЯТЫЙ

том, как представлял
себе время
древний русич

В самой глубокой древности не неделями и месяцами считали свою жизнь славяне и уж во всяком случае не было у них нашего, привычного теперь количества дней в неделе и месяцев в году. Разделение времени по неделям, дням и часам пришло к нам в конце X века из Греции. Для церковников и государственных деятелей столь дробное членение реального времени было важно: когда какую службу править, когда какое дело делать. И еще мы знаем, что с глубокой древности славяне строго противопоставляли такие связанные друг с другом понятия, как «день и ночь», «лето и зима», «год и час», «рок и часть», «век и время».

Само слово **время** родственно глаголу **вертеть** и первоначально связывалось с изменением в пространстве. С тогдашнего языка на сегодняшний **время** можно перевести как **вертун**. Никакой разницы между верчением волчка и верчением времени наш далекий предок не видел.

Слово **век** связано со временем, но только относится оно не к миру, а к человеку. Во всех род-

ственных славянских языках этот корень передает значение **сила, жизнь, действие, борьба**, и в древних славянских текстах **век** тоже **жизнь человека** («векъ бо речеться и когождо человека житье»), его жизненный круг, первоначально связанный только с периодом активной деятельности человека, его духовной и телесной зрелости. Вот и пословицы о том же: «Каковы веки, таковы и человеки»; «Век живи — век учись».

Рок и **часть** тоже связаны друг с другом. Даже в современном русском языке эта связь осознается: **рок** и **участь** одинаково означают **судьба**, только **участь** — **часть**, может, будет, а может, нет, и от самого человека зависит выбор своей «части» в жизни. Рок же приходит в свой с-рок, иногда он существует сам по себе, но тогда **рок головы ищет**, то есть стремится на кого-нибудь пасть, кому-то доставить неприятность или беду. Впоследствии некоторые славянские языки использовали это слово для обозначения года, например, украинское рік — это год. В русском языке за словом **рок** сохранилось значение неподвластной человеку судьбы.

Слово **год** когда-то обозначало время подведения итогов. **Год-ится** и теперь означает, что дело сделано хорошо. До сих пор южные и западные славяне сохранили это слово в старом значении. Например, словенское слово **god** означает **пора, праздник** (зрелости), **итог**.

Слово **час** также передавало значение итога, результата, но итога и результата, ожидаемого в процессе работы. **Час** — это удобное время для произведения быстрого, мгновенного, как говорят,

точечного действия. Как и все прочие древнейшие слова, обозначающие время, оно тоже первоначально передавало передвижение в пространстве. **Делу время — потехе час** мы перевели бы так: Делу вертеться (долго) — для потехи только передышка, остановка на краткое время. Перевод, конечно, неуклюжий, но зато точный. Он передает смысл пословицы, тот смысл, который вкладывали в нее создавшие ее люди очень давно. Именно так, очень тесно, связаны друг с другом эти два слова: время — длительное движение, а час — моментальное; но именно потому **час** всегда какой-то итог; так же как и **век** или **год**, они ведь всегда ограничены каким-то конкретным пределом; в отличие от бесконечного времени они имеют начало и конец; **век** — конец жизни, **год** — конец трудовой страды, **час** — конец ожидания.

Что же касается **дня** и **ночи**, **зимы** и **лета**, то тут все значительно проще. Это настолько разные явления, **день** столь сильно отличается от **ночи**, а **лето** от **зимы**, что связать их вместе, дать им общее название люди смогли не сразу. Поэтому слово **сутки** у нас появилось лишь к концу XVI века, а **год** в современном значении — немного раньше. До недавних пор в некоторых говорах сутками назывались сумерки — время, когда **день** и **ночь** сходятся вместе, сплетаются, «стыкаются»: **сутки** и восходит к глаголу **ткать**. Раньше, правда, вместо слова **сутки** слово **день** подразумевало **день** и **ночь** вместе. **День** — это и светлое время суток, и рабочее время, и время пути в путешествии, и юг (потому что солнце в середине дня стоит именно на юге). Реальные

различия между днем и ночью казались более важными, чем их условное календарное единство, которое до поры до времени не имело никакого практического значения.

Мы уже говорили о том, что наши предки — земледельцы и скотоводы — строили свой календарь по солнцу. И названия времен года связаны у них с явлениями природы. Слово лето происходит от глагола лити (лить). Лето — время дождей, зима — время снегов. Эти два слова имели множество значений: лето — это и летнее время, и южное направление, и определенный отрезок жизни (столько-то лет), и год; зима — не только зимнее время, но также северное направление, снег, холод, озноб и т. д. Слова же весна и осень всегда имели по одному значению, они указывают на промежуточные времена года, ни то ни се: солнце греет, но холодно, или, наоборот, солнце не греет, но тепло. И подобно тому, как сутки назывались по светлой, рабочей своей части днем, так и год в целом вплоть до XV века в русских летописях назывался летом. «В лето такое-то напали на Русь половцы...» — а дело было осенью или зимой, совсем не обязательно летом. Такое обозначение цикла из 365 дней казалось более простым, чем пользование словом, которое обозначало бы и зиму, и лето вместе.

Но тем временем исподволь изменялись исконные значения слов век, год, час... Каким бы изменениям ни подвергались эти слова, одно у них было общим: они изменялись в одном направлении. Это направление было задано общей взаимной связью, и потому ни одно, самое мелкое отклонение в значении или

употребительности одного слова не могло не отразиться на других словах, обозначающих то же самое или, наоборот, прямо противоположное понятие. И это общее направление изменений мы можем зрительно представить себе в такой таблице:

Для каждого из указанных значений мы можем подыскать цитату из древних текстов. **Час** в значении $1/24$ суток появляется много раньше, чем год в значении 365 дней. А год и рок вступили в конкуренцию и потому вытеснили друг друга: в украинском победило слово **рік**, в русском — год.

И еще вот что важно и интересно. Развитие значений в каждом случае, в каждом слове отдельно идет от конкретного к абстрактному, а затем снова конкретизируется. Сначала из общего представления о мире, в котором само движение и время движения совмещены и рассматриваются как одно и то же, выделяется время как самостоятельная и отдельная

характеристика события во всех своих вариантах. Это и время жизни, и время праздника, и ожидаемое время, и предопределенное богами время. Всякое время, но обязательно с какой-то своей функцией: это для работы, это для праздника, это для богов... Потом, когда в сознании людей появляется представление о конечности, завершенности каких-то отрезков времени, каждое из этих особых «времен» ограничивается известным пределом, который и позволяет в дальнейшем выделить еще более определенный отрезок времени, «отсюда и досюда». Ну, а тут уже только один шаг остается до того, чтобы с тем или иным древним славянским словом связать конкретный промежуток реального времени: час, год, век. Понятия возраста или судьбы — это уж переносные значения фактически новых слов, действительно новых слов, потому что в наше время эти слова входят совсем в другую систему, не связанную с обозначением времени: мы-то не соединяем понятие судьбы с понятием времени.

Когда же рассыпалась старая система, то есть старое соотношение слов, и создалась новая система? Я думаю, тогда, когда и век, и год, и час, и рок обозначали только определенный отрезок времени, но какой именно — это еще было неясно; когда со словом год еще не было связано понятие 365 дней, со словом час — понятие 1/24 суток и т.д. Именно в этот период наши слова могли заменять друг друга. В старых памятниках мы находим много случаев, когда год (или година) обозначало час, тогда как час обозначало минуту. И в современном укра-

инском языке корень год сохранился, современная година — это час.

В древнерусском «Сказании о Борисе и Глебе» герой проснулся «рано и видел, яко год есть утренний». Как перевести этот текст XI века? Настал утренний час? Было утреннее время? Утренняя пора? Все современные слова одинаково подходят в данном случае, потому что более четкого осмысления времени тогда еще не было.

Кстати и о **поре**. В исходном своем значении это слово было связано с роком, со значением времени оно стало связываться довольно поздно, именно тогда, до XIV века, когда многие из наших слов получали значение определенного срока, то есть поры. Особенно тесны связи **поры** с **часом**. Эта связь отражена во многих старых пословицах: «До поры, до часу»; «Час придет и пору приведет»; «Придет пора — ударит час»; «Часом с квасом — порою с водою». Слова **час** и **пора** одинаково обозначали срок, с той лишь разницей, что **час** обозначал моментальное, быстрое движение, приближение срока, а **пора** — движение длительное. Вот это-то последнее обстоятельство и решило все дело: для обозначения часа стали использовать слово **час**, а неопределенный временной отрезок, расплывчатый в своих границах, стали называть **пора**. Слово **пора** и не вышло за пределы третьего этапа развития значения, изображенного в нашей схеме. Так и осталось в русском языке: «Была та смутная пора...» Некая длительность времени в прошлом.

Так, наконец, благодаря постепенным сдвигам значений и оттенков мы получили для нашего ли-

тературного языка современные слова **век, год, час**. Более дробный счет времени, характерный уже для нашего времени с его ритмом и непременным циферблатом, мы начали вести почти с Петровской эпохи. Тогда появились в русском языке **секунда и минута** — слова, восходящие к латинскому языку.

Все, что когда-либо узнали наши предки о мире и о себе, они сохранили для нас в языке, который бессмертен. Мы избавлены от необходимости за свою короткую жизнь заново повторять путь, пройденный предками. Чтобы познать освоенное прадедами, нам достаточно первых пятнадцати лет жизни. А потом мы идем дальше, все дальше, каждый раз дальше. Иногда этого не замечая.

РАССКАЗ ШЕСТОЙ

версте, которая
приводит нас в
неведомые села

В предыдущих рассказах на различных примерах показано, как и почему изменяется язык — вообще язык, а не наша с вами речь. Если значения слов изменяются, это имеет свою последовательность.

Начнем с истории слова, которого в современном активном употреблении нет, это **верста**. Мы знаем, что когда-то, до введения метрической системы, верста обозначала меру длины — 500 сажен, то есть 1,06 км.

Вспомним пушкинские строки «Только вёрсты полосаты попадаются одне!» — там идет речь о полосатых столбах, которыми обозначали каждую версту дороги. Это, конечно, распространение исходного значения — **мера длины в 500 сажен**.

А **верстак**? Это слово заимствовано довольно поздно из немецкого языка через польский и только по звучанию совпало с исконно славянской **верстой**.

Зато у нас сохранился **сверстник** — вот это действительно ближайший родственник древней **версте**: сверстник — ваш однолесток и тем самым ровня вам, он как бы подверстан под вас.

Вот и все, что удалось нам собрать в современном языке. Но раскройте словарь В. И. Даля, в котором собраны лексические богатства русского языка, и вы обнаружите массу значений этого слова, сохранившихся до недавнего времени в русском языке или по крайней мере в его говорах. Вот такие значения: **ряд, порядок, прямая линия; ровня, дружок, пара, чета; одной масти; верзила, болван.** В старых текстах, пришедших из того времени, когда некоторые из этих значений еще были живыми в языке, а также в пословицах сохранились многие старые значения слова. Они также приведены в словаре В. И. Даля. «От млады версты возлюби ближних своих» значит: люби ближних с юности, с молодого возраста. О сверстнике и товарище древний автор пишет: «верста дивная, Иванъ славный». Девушка в народной песне поет, выходя замуж за старика: «Стар добре, да не ровня мне, не под версту»...

Выстраивая все значения в последовательный ряд, мы получим внешний очерк истории слова. Вот каким образом сделал это русский лингвист А. А. Потебня сто лет назад.

Прежде всего, он восстановил исконную форму слова и затем определил его первичное значение (то есть дал этимологию слова). **Верста** имеет тот же суффикс, что и слова **ловитва, битва** или **бритва**, и сначала слово произносилось подобно этим последним: **верст-ва**. Позднее произошло звуковое упрощение: **верства** стала **верстой**.

Славянское **верста** родственно литовскому **варстас**, оно и значило то же самое, именно **поворот (плуга), длина борозды** (провода которую, плуг пово-

рачивают обратно), **мера поля**. Как видим, уже тогда, в древнюю эпоху, это слово было многозначным. И каждое из его значений развивалось по-своему.

Из значения **поворот плуга** появилось значение **борозда**, которое до сих пор сохраняется, например, в сербском слове **врата**.

От значения **борозда** недалеко до значений **прямая линия**, **ряд предметов** (стоящих на одной прямой линии). И действительно, в русских диалектах **верста** значит **ряд**, **прямая линия**; у Даля **прогнать версту** — это значит сшить, связать, соединить по нитке; отсюда же и сербское значение слова **врста** (класс, сословие).

Затем, много позже, от борозды, идущей рядом с другою бороздой и равной ей, возникает значение **пара**, **ровня**. Древнерусские князья Борис и Глеб, сыновья Владимира Красно Солнышко, злодейски убитые родным братом, вовсе не были сверстниками, Глеб родился на много лет позже Бориса и в княжеской иерархии занимал самое последнее место. Тем не менее, в древнерусской литературе их называли не иначе, как «светозарная верста» — пара, равная в своей смерти.

Из значения **длина борозды** с течением времени выросло новое, переносное, указывающее на меру расстояния; верста в разных местах различна, но всегда достаточно большая, она включает 500, 700 или 1000 самых различных по длине сажен.

От значения **длина борозды** пошли и **верста** как верстовой столб, и **верста** в смысле **верзила**, то есть просто **столб**. Впоследствии, когда в сознании людей совместились представления длины пути и

жизненного пути, отсюда же возникло и значение **возраст** («от млады версты»), сохрaненное в слове **сверстник**.

Так постепенно расходились значения одного и того же слова. Некоторые остались в каких-то славянских языках или говорах, другие исчезли, некоторые значения слова, менее важные, устранились, их заменили другие, самостоятельные слова.

Основным в истории каждого отдельного слова является постепенное и неуклонное уточнение его значения, его смысла. В своих изменениях старое слово похоже на медную монету: как монета постепенно теряет свой первоначальный глянец, так и слово последовательно утрачивает одно за другим все второстепенные, добавочные или случайные значения (некоторые из них снова и снова возникают в речи, но каждый раз снова и снова устраняются).

Рассмотрим еще несколько слов. Они интересны тем, что к нашему времени изменились очень существенно, можно проследить извилистый путь их движения во времени.

Село — это теперешнее обозначение деревенского поселения. Кстати, а почему бы не сказать: «Село — это теперешнее сельское поселение»? В древних текстах, переведенных Кириллом и Мефодием, создателями славянской письменности, **село** выступало в общем своем значении **поле**. Поэтому выражение **сельная трава** вполне возможно в текстах той далекой поры (IX век), и обозначало оно полевую траву.

В более поздних текстах, например, в переводах XII века, **село** обозначало уже не поле вообще,

а только запаханную часть поля, пашню. В таких переводах **село** и соответствует латинскому **ager**, знакомому вам по теперешним **агроном**, **агрикультура** или **аграрный**. Происходит сужение значения слова, оно связано с развитием хлебопашества: возникла необходимость специальным словом, общим для всех, выделить полезную для хозяйства часть поля. Но в одно и то же время, в одном и том же тексте, в переводе с латинского языка вдруг возникают и другие значения слова. Вот большая рукопись на пергаменте, написанная русским писцом в XII веке.

Во-первых, **село** — это **пашня**; в тексте говорится, что «селом токмо земельное имение окажется» (селом называется только земельное владение).

Однако **село** — это **пашня** целой сельской общины. Это общий капитал всех людей, которые входят в общину, их средство к существованию, вопрос жизни и смерти целого коллектива. Но вот владельцем земли становится какой-то один член общины или рода — феодал. И поэтому в переводе XII века (а в это время на Руси уже вполне развито феодальное государство) **село** соответствует не только латинскому **ager**, но и латинскому **villa** (поместье). Переводчик XII века пишет: «один [из вассалов] просит села, а другой просит одежды», то есть одному нужно поместье, а другому украшения. Так социальные условия сельской жизни еще раз сузили значение старого слова.

Итак, во-вторых, **село** — это поместье, и если это так, почему только одна пашня должна быть связана с данным словом? Ведь поместье включало в себя и дом. Дом — более постоянная характеристика по-

местья, чем пашня: в доме живут все время, а пашня связана с сезонными работами.

Вот почему, в-третьих, в том же переводе мы читаем и следующее место: «[Ты] на солнце наложи село свое и, как жених, выходящий из чертога своего, выйди к нам»; здесь **село** соответствует уже латинскому слову **tabernaculum** (палатка, шатер), а сама фраза означает: «Помести солнце в свой шатер». **Село** стало также обозначать дом, жилье вообще.

Но поскольку один феодал никогда не селился, его всегда сопровождали отроки, дружинники и прочая челядь, следовательно, и дом был не один — так **село** стало нынешним селом, поселением сельского типа. Такое значение известно уже и нашему переводу в рукописи XII века. Смотрите: «Се опустели гради и развращена селища», то есть «Вот опустели города и разрушены села», в буквальном переводе — разворочены. **Село** в этом тексте противопоставлено **городу** — укрепленному поселению: словом **город** переведено латинское **castrum**. Только это последнее значение слова и сохранилось в русском языке. **Село** постепенно совпало в своем значении с другим столь же древним словом — **деревня**.

В одной местности предпочитали говорить **село**, в другой — **деревня**. На севере, например, **село** вплоть до XV века обозначало поместье, владение, поэтому выражение **село земли** здесь было вполне обычным и не вызывало удивления. И только много позже, в связи с распространением на севере власти московских царей, слово **село** сменилось новым, московским словом **деревня** с тем же самым значением **поместье**. В современном значении (многодвор-

ное крестьянское поселение) **деревня** появилась на севере не более двух веков назад, когда сами многодворные поселения стали там обычным явлением.

Так оказывается, что «старые» слова **село** и **деревня** в современном значении существуют не так уж и давно.

Чаще всего история слов связана только с изменением их значения: слово звучит по-прежнему, а означает совсем не то, что прежде. Проследить подобные изменения бывает трудно: то текстов недостаточно, то тексты двусмысленны. На помощь приходят сопоставления с родственными языками, современными и древними, а также те слова, которые сохранились в диалектной речи. Мы уже не раз убедились в том, что диалектная речь способна сохранять древнее значение слова. Здесь я хотел бы рассказать вам о том, как замечательный лингвист Б. А. Ларин в одной из своих работ рассматривает историю слова **буй**. Проследим за его рассуждением со старыми текстами в руках.

Первоначально **буй** — это **высокий, большой, неистовый**. Таким предстает это слово во всех родственных славянских языках, начиная с самых древних. Это и прилагательное, и существительное вместе; для тех отдаленных времен, к которым относится данное значение корня, прилагательное и существительное — еще одно и то же. И предмет, и его качество казались древним людям одним и тем же. В «Слове о полку Игореве» мы находим пример этого. «Буй тур Всеволод» — здесь можно передать **буй** и прилагательным, и существительным: и **буйный тур**, и **буян тур**. И вот, когда из числа имен

стали выделяться имена прилагательные, **буй**, подобно многим древним именам, расслоился на имя существительное и на имя прилагательное. С одной стороны, **буйный**, с другой — **буян**.

Существительное **буй** сначала обозначало высокий холм, горку, на которой обычно располагались церкви с оградой вокруг них и небольшим кладбищем. И вслед за изменением реального назначения такой высокой горки возле деревни в этом именно направлении постепенно изменялось значение слова. **Буй** как высокий холм, видный отовсюду, стал церковью на высоком холме, затем огороженным участком на высоком холме, после чего деревенским кладбищем на холме. В последнем значении **буй** еще и теперь встречается в некоторых старых русских говорах.

С прилагательным же произошла другая история. Прилагательные ведь прилагаются к самым разным предметам и лицам, идут с ними об руку и изменяются вместе с ними. И вот что случилось.

«Буй тур Всеволод» в XII веке — это высокий, большой, неистовый человек. В то же время появляется и добавочное значение слова: не просто неистовый, но и гордый (в хорошем смысле этого слова). В том же «Слове о полку Игореве» у некоторых героев «сердца в буести закалены» — то есть это люди гордые и свободолюбивые. Пока все хорошо, и только хорошо.

Но ведь в самом значении **гордый** имеется внутреннее противоречие: гордый человек заносчив. Неистовый — неистов во всем. Так изменяется оценка гордости в слове **буй**, и уже с XIII века мы

получаем неодобрительные свидетельства о лицах, которые «паче меры гордели и буяли», то есть сверх меры гордились и... ну, скажем, буяли. Новое значение слова долго существовало наряду со старым, потому что старое и новое фактически пока не пересекались. Одно из них имеет положительный оттенок и годится для хорошего человека. Другое имеет неодобрительное значение. Разница чисто стилистическая, нечеткая какая-то разница. Слово-перевертыш: и так и эдак годится.

Подобных слов-перевертышей много в древнем лексиконе. Напомню еще слово — победа. Странное дело: в корне — беда, а в целом слово означает благополучное ее завершение. В древнерусском языке это слово значило просто последствия общей для многих людей беды, результат сражения безотносительно к победе над врагом; победу праздновал и победитель, и оставшийся в живых побежденный. Победа приходила по беде, за бедой. И только со временем это слово закрепилось в одном из своих значений, либо в смысле поражения на поле брани — так случилось в юго-западных говорах Древней Руси, либо в смысле победы на поле брани — так случилось в северо-восточных говорах, и в этом значении победа сохранилась до наших дней в литературном русском языке.

В случае с буй дело иное, тут различие сугубо стилистическое, хотя и оно в известной мере зависит от точки зрения: сам себя ты считаешь гордым, а в глазах других — ты гордец. И после XV века остается только неодобрительный оттенок значения. Поскольку теперь уже ничего хорошего слово

не обозначает, сразу же старое слово получает новое, совершенно конкретное значение: **неистовый** и **гордый** становится **безумным**. А уж если безумным, значит, сумасшедшим. Как только слово-прилагательное сужает свое значение, становится однозначным и определенным, оно сразу же стремится стать существительным, потому что теперь оно обозначает существенную характеристику лица. Вот вам рассказ из римской истории в переложении древнерусского книжника (по списку XVI века): «Вруть же сынъ Мариевъ видѣвъ отчее неправедное заклание, сотворися буй... сже есть буйна врежень умом». Это значит: «Сын Мария Брут, увидев незаконное убийство своего отца, стал буйным, потому что буйный — это поврежденный в уме». Уже в тексте содержится пояснение, которое не оставляет сомнений в значении слова: **буй** — это тот, кто ведет себя буйно. Медленно отслаивается от общего имени новое существительное, одновременно ограничиваясь одним значением — сумасшедший. Прилагательное еще многозначно, особенно в соединении с суффиксом, ведь словом **буйный** и в наше время можно выразить и восхищение, и возмущение.

Существительное же закончило свои изменения еще одним поворотом. В словаре начала XVIII века **буй** объясняется как **дурак**. В чем смысл этого нового поворота? Перед нами использование одного слова для замены другого, не совсем приличного в обществе. Не всегда есть возможность для категорического утверждения: «Он — дурак» — гораздо приличнее сказать: «Он — буй». Ученые называют такие слова эфемизмами (от греческого словосоче-

тания, которое буквально значит **говорю прилично**). В светском обществе петровского времени и стали называть бум дурака. Но уж если слово спустилось на уровень эвфемизма — дело плохо. Стоило только дураку догадаться, что **буй** значит **дурак** — и тотчас слово исчезло. Ведь теперь за этим словом нельзя спрятать свое отношение к дураку. Этот критический момент истории слова Б. А. Ларин не случайно заключает словами: «Эвфемизм завершает историю слова». Осталась пустая форма без всякого смысла. «Пфу!» — и нет ее.

Мы проследили историю нескольких слов. Представьте же себе весь русский словарь — около ста тысяч слов в литературном языке и почти четверть миллиона слов по всем русским говорам! И каждое из них на своем месте, то есть в определенном говоре, в языке известного литературного персонажа, в нашей с вами речи, соединяясь с другими словами и отражая тем самым какое-то конкретное жизненное обстоятельство, ежеминутно видоизменяется, оставаясь тем не менее все тем же словом!

Развитие значений, как мы видели, идет от простого к сложному и от сложного к простому, от конкретного к абстрактному и, наоборот, от абстрактного к конкретному. Перенесение значения происходит по многим признакам: по общности функции — ножки стола так же держат стол, как ребенка, начинающего ходить, держат его ножки; по сходству — голова человека и глава книги: первоначально **глава** использовалась только в значении **заголовок**.

От многих причин и побочных обстоятельств зависит изменение слов или их значений: и от пере-

мен в жизни людей, и от развития самой лексической системы языка, даже от произношения тех или иных слов. Вот пример.

Древние русичи не разводили роз, но дикую розу, цвет шиповника они называли лепком. Лепок — лепный, красивый цветок. С появлением роз стало употребляться и их иноземное название, сначала в той форме, в какой ее услышали русские. Услышали же они о розе от поляков, которые этот цветок называют ружа, похоже на рожа. Так с XV века в русских рукописях появляется рожа: «Венчает нас рожами прежде нежели согниют»; «Он лицомъ красень рожань». С нашей точки зрения, тексты несколько странные: «венчают рожами», «лицом красив и рожен». Все перепуталось. А перепуталось оттого, что разные по значению, слова стали произноситься одинаково.

В первой цитате речь идет о розах. А во второй употреблено старинное русское слово рожен, которое до сих пор сохраняется в диалектах. Оно происходит от знакомого вам корня -род- и обозначает видного, осанистого, солидного человека. Что такое красный, мы уже знаем; следовательно, приведенное предложение нужно понимать так: герой рассказа лицом красив и осанист. Рожа в значении морда — близкий родственник слова рожен. В современном русском языке оно получило просторечный, разговорный характер. Однако еще тогда, когда оно было в полной силе, столкновение с ним изящной польской рожки оказалось не совсем желательным, поэтому в русский язык и вошло другое, заимствованное из немецкого языка название цветка — роза.

В других случаях звучание слова остается таким же, как столетия назад, а значение изменяется, приобретает новые оттенки, теряет старые. У средневекового писателя читаем: «...еже стругати бороды...» Казалось бы, очень выразительно и даже зловеще, а на самом деле очень точное и обыденное описание, потому что в древности бороды не брили и не стригли, а именно строга́ли, скоблили. Образность же здесь достигается за счет многозначности использованного слова. **Стругать** в те далекие времена — это и гладить, и скользить, и вычищать, и скоблить, и истязать. Чаще всего последнее — **истязать**. И если автор вместо **резати бороды** сказал **стругати бороды** — он вкладывал в это тот же оттенок сострадательности к несчастному брадоносцу. Не просто бриться, но и испытывать от этого физическое страдание. В наше время у глагола **строгать**, или **стругать**, осталось значение **снимать стружку**. Уже у Некрасова только такое значение этого слова: «...ребята за дело — пилить и строгать!»

Необыкновенные изменения слов происходят иногда в процессе словообразования. Коротенькие слова часто становятся маловыразительными, по мере того как в языке накапливаются производные от них длинные слова. Где теперь **коло**, **кус**, **пал**, **руб**, **руг**, **соп**, когда-то широко распространенные и прежде яркие слова? Нет, сохраниться-то они сохранились, но обычно с каким-нибудь суффиксом: **колесо**, **кусок**, **палец**, **рубище**, **ругань**, **сопка**... Именно те понятия, которые когда-то передавались простыми корневыми словами, теперь обозначаются перечисленными удлинившимися словами. Этому

предшествовало бурное развитие семьи слов. Вместо одного кус по разным причинам и для разных целей в языке выстроился целый ряд: кусок, кусание, кусище, кусака, кусачки, кусала, кусковой, кусочник, закуска и масса других слов, и когда это случилось, родоначальнику, слову кус, неуютно стало в словаре. И оно все быстрее уходит из нашей активной речи. Кус стал простым вариантом слова кусок. Ясно, что ему долго не выжить, слишком энергичный у него появился конкурент. У куса осталось одно только поле деятельности, стилистическое. В самом деле, кус — то же, что кусок, но кусок посolidнее, и слово употребляется в ограниченном числе сочетаний и обычно в высоком стиле.

А ведь в приведенном списке корневых слов — это единственное, которое мы нет-нет да вспомним. Соп и руг, например, вы в первый раз встречаете. Не так ли?

Что ж, обычное в истории дело: родители уходят, дети остаются. Да ведь какое густое и бодрое поколение! От шести старых корней пошло почти две сотни новых слов с самыми разветвленными оттенками значения.

Но самые удивительные истории происходят со словами, которые по своему происхождению являются звукоподражательными. Мы видели, как скупа цветовая гамма в «Слове о полку Игореве». Зато произведение перенасыщено звуками: здесь все поет, издаст звуки, высказывается и волнуется. Струны рокочат славу, колокола звонят, земля стонет, стучит и кличет, трава шумит, слава звенит, трубы трубят, матери плачут, люди кричат (сравните: люди просто

кричат, а языческие божества Див, Карна, Жля — кличут). Дальше: воины свистят, стяги глаголют, копья поют и трещат, сабли и мечи гремят. Каждая птица и каждое животное имеют свой собственный голос в этом оркестре. Туры рыкают, кони ржут, лисичи брешут, орлы клекочут, соловьи щекочут, вороны грают, галки речь говорят, сороки стрекочут, дятлы текчут... А здесь ведь не все представители тогдашней фауны перечислены. Вот из других текстов: «несть рерления орла», «коза нача блекотати», «свинья, питаясь, кротит, кошка же, ядуши, ружит». Каждое животное имеет свой голос.

Пожалуй, половина этих слов вам незнакома. Ну, например, почему кошка ружит, а свинья кротит? Мы сказали бы, что кошка мяучит (или урчит), а свинья хрюкает. По-видимому, наши предки иначе воспринимали эти знаки кошачьего и свиньячьего удовольствия.

Известно, что в древнерусском языке глагол **кротить** имел значение **укрощать, успокаивать**. В нашем тексте **кротит** указывает на успокоенный, негромкий, с перерывами звук. А глагол **ружит** вообще непонятен: **ружить** значило **смеяться над кем-нибудь, поднимать на смех**. Что-то тут не так, но одно ясно: приведенные слова либо звукоподражательны, либо в данном тексте использована случайная и потому неустойчивая связь слова с его конкретным значением. Неустойчивая и потому утраченная. Где тонко, там и рвется. А особенно тонко там, где слово оказывается одиноким, вне окружения родственных слов, где оно и возникает-то как передразнивание, подражание звучаниям природы.

РАССКАЗ СЕДЬМОЙ

вязанный с хлопотами и злобой,
а также с вопросом о том, откуда
появляются «ИДИОТИЗМЫ»

Идиотизмами раньше называли идиомы — неразложимые сочетания слов. А потом термин показался неприличным, и его заменили другим.

В устаревшем названии нет никакого намека на то, что многочисленные выражения «ничтоже сумняшеся», «ни в зуб ногой», «с боку припека», «бить баклуши» придуманы людьми, умственно неполноценными. Нет, просто это неудачная передача греческого слова с корнем *idios* (что значит **свой, собственный**), в греческой же форме *idiotes* (индивидуальная особенность) чего-то, в данном случае речи. Заменили его тоже греческим *idioma*, что значит **своеобразное выражение речи**. Такое колебание между словами **идиотизм** и **идиома** только один из примеров того, что и термины, самые точные и определенные слова нашего языка, устанавливаются не сразу, а как бы постепенно подбираются, подчищаются, подлаживаются.

Идиома — то же, что **фразеологизм**, искусственно созданный научный термин: из греческого *frasis* (выражение) и *logos* (учение). Фразеологизмов мно-

го в нашей речи, и чем образованнее человек, тем больше у него в запасе таких образных и точных языковых штампов.

Если рассмотреть типы таких словесных сочетаний, окажется, что в каждом из них — отточенная мысль и отточенное выражение этой мысли.

На первом месте стоят простые сочетания, очень похожие на обычные синтаксические сочетания двух слов. Железная лопата — это лопата из железа. А железная дорога? Дорога из железа? Нет.

Это слитное сочетание определенно обозначает какое-то одно понятие. Такие сочетания слов называют фразеологическими сочетаниями.

Гораздо теснее связаны друг с другом слова в фразеологическом сращении. Это уже не просто сочетание, это именно приросшие друг к другу слова, которые только в сочетании друг с другом и дают определенное значение, свой особый смысл. Что значит намылить голову? Сравните:

Я намылил голову над тазом.

За это я намылил голову (*или шею*) кому следует.

Разное мыло!

В первом случае — обычное свободное сочетание глагола и имени существительного. Любое слово такого сочетания можно заменить другим: Я намылил спину, потом я намылил шею. Или наоборот: Я вымыл голову, я испачкал голову, я перевязал голову, я поднял голову. А вот во втором предложении такой операции не произведешь: изменится весь смысл. Однако чувствуете, как выразительна замена: на-

мыть голову вместо сделать выговор? Смысл тот же, а насколько красочнее!

И, наконец, третий тип фразеологизмов, фразеологические единства. Ни один член этих сочетаний не употребляется самостоятельно в том же самом или в аналогичном значении. **Ничтоже сумняшеся** (не раздумывая) — фразеологическое единство, потому что оно состоит из двух форм, теперь утраченных в русском языке. Употребляя эти слова самостоятельно, определенного смысла вы не получите, его нет. Этот тип фразеологизмов и есть собственно идиомы.

И если все эти три типа фразеологизмов выстроить в ряд, в той последовательности, в какой мы их только что рассмотрели, окажется, что они как бы отражают разные ступени перехода от свободного сочетания к абсолютной идиоме: постепенно утрачивают связи с другими словами языка, замыкаясь сами в себе (а это ведь и есть собственно значение слова **идиома**), получая характерное для них переносное, образное значение. Только вся идиома целиком может быть заменена отдельным словом с тем же значением (синонимом), сравните: **ничтоже сумняшеся — не раздумывая**.

Как же рождаются идиомы, каким образом простое сочетание слов превращается в цельную смысловую единицу, неразложимую, воспринимаемую как одно слово?

Рассмотрим этот процесс на каком-нибудь примере, на простом сочетании, вам хорошо известном. Ну, вот: **хлопот полон рот**.

Вряд ли в вашей жизни не было случая употребить это сочетание, и вы прекрасно знаете, что оно означает множество забот. Помните Мартышку из басни? «Хлопот Мартышке полон рот». Правда, иногда можно услышать искажение старой идиомы в сочетании со словами **работа** или **забота**: «забот полон рот», «работы полон рот» вместо «хлопот полон рот». Но это уже новое переосмысление устойчивого сочетания, приближение его к своему пониманию. Мало ли — может быть, человек не понимает значения слова **хлопоты**.

А вы понимаете? Кажется, да. Хлопоты — это и есть заботы, всякое беспокойство по поводу этих забот. И ничего удивительного, что иногда эти слова могут смешивать.

Так ли? Не совсем. Даже современный человек, чуткий к языку, чувствует разницу между этими двумя словами: не всякая забота хлопотлива. Хлопоты — это именно постоянная возня по поводу какого-то предпринимаемого дела, связанное с ним беспокойство. Это не одно какое-то дело, большое и значительное, а целая серия действий, которые постоянно повторяются и связаны с разговорами, обсуждениями и, конечно, с препирательствами. Еще недавно одним из значений слова **хлопоты** было **брань, ссора**. Не мудрено и поссориться с кем-нибудь, когда навалится много каких-то хлопот; обратите внимание, что слово это теперь никогда не употребляется в единственном числе.

Кажется, дело проясняется. Хлопот полон рот — это значит, что ссор полон рот?

Не будем спешить. Посмотрим сначала, имеется ли это слово в других славянских языках и в русских народных говорах. Оказывается, имеется, но только произносится иначе: не хлопоты, а клопоты. В русских говорах и глагол есть клопотать, равный нашему литературному хлопотать (исполнять какую-то работу, но при этом суетиться, шуметь). В украинском, болгарском, сербском, словенском, чешском, польском также есть похожие слова с начальным к. Более того, имеется соответствующая форма в литовском языке, ближайшем к славянским. Таким образом, русское литературное хлопоты стоит довольно одиноко, хотя оно и встречается в памятниках, начиная с XII века. Замена звука х на к и наоборот обычна в начале русских слов перед согласными р или л, сравните: крестьянин из христианин, клуб и нахлобучить, крупа и хрупкий. До XVI века употребляли наиболее древнюю форму нашего корня: клопоты. Например, в сборнике 1076 года, написанном для киевского князя Святослава, находим такое выражение: «шум и клопот уши наполняет».

Очень интересно. Клопот, оказывается, в чем-то равен шуму, но все же от него отличается. Чем?

В древних текстах можно найти разгадку. С начальным х слово впервые встречается в одном из памятников XII века в такой фразе: «И се слышаша глас хлопота в пещере от множества бесов». По сочетанию со словом глас (голос) можно думать, что клопот, он же хлопот,— это беспорядочный шум, издаваемый множеством говорящих. Они говорят все вместе и враз, и притом их много.

Клопот — это шум голосов. Но он связан с какой-то озабоченностью, волнением. Это ясно и из другого фразеологизма, теперь утраченного, но хорошо известного еще в прошлом веке: **держат в хлопочках**, то есть оберегать от всего, главным образом от всяких неприятностей и сомнений.

Пожалуй, исконное значение этого слова прекрасно иллюстрирует суматошливая наседка, которая бессмысленно суется вокруг своих бесшабашных цыплят. Хлопоты, скажем так, — это устройство дел и преодоление трудностей посредством кудахтанья.

С этим же словом связаны и другие, родственные ему, например, глагол **клепать** (бить, ковать), от которого произошло наше **поклеп**.

Итак, **ссор полон рот** или **шума полон рот** — исконное значение нашего сочетания? Вполне возможно.

Но и это не все. По счастливой случайности в одном сборнике XVII века сохранилась полная форма нашего высказывания: «Хлопот полон рот, а перекусить нечево». Замечательно и образно сказано, что-то вроде: «Полный рот брани, а не съешь!»

Только что выложенную перед вами цепочку фактов можно перевернуть и посмотреть на нее с другой стороны, то есть с начала.

В самом начале перед нами — обычное предложение, всем понятное, хотя, как и всякое образное выражение, оно содержит в себе какой-то подтекст, в данном случае очень даже ядовитый.

Потом в языке исчезает или изменяет свое значение какое-то слово. В нашем случае это связано с изменением в значении слова **хлопоты**. Это приводит,

с одной стороны, к некоторому изменению в значении всего сочетания, а с другой (и это важнее) — в смысловом отношении обогащает его, создает метафору, которая из поэтической находки одного человека становится всеобщим достоянием и, как разменная монета, идет по свету. Это образное выражение — пословица, в которой скрыт намек на очень многие ситуации, а не только на частную болтовню какого-то отдельного говоруна.

В частом употреблении сочетание утрачивает подробности, сохраняя лишь самые необходимые части, как правило, только начало формулы — умный человек поймет намек и сам сможет закончить начатое: «Хлопот полон рот, а перекусить нечего»; «Хлопот полон рот...» (а дальше ты и сам знаешь). От частого употребления, как видите, стираются не только монеты.

Особенно непонятым становится первоначальный смысл таких фразеологизмов, если в составе старых сочетаний были какие-нибудь древние грамматические формы. Одну из них мы уже встретили выше: **ничтоже сумняшеся** — сочетание со старой формой прошедшего времени, которая не сохранилась в русском языке.

Так постепенно от живого предложения (синтаксической единицы) мы дошли до неразложимого сочетания с определенным и всегда одним и тем же значением (лексическая единица). Предложение стало равно слову.

Таких примеров много. Мы, употребляя теперь подобные фразеологические сочетания, попросту пользуемся теми увесистыми штампами, которые

выбили для нас наши далекие предки. И со своей стороны мы сами сейчас готовим для наших потомков новые штампы такого же рода. Правда, сами мы этого не сознаем. И хотелось бы надеяться, что не одними канцелярскими штампами обогатим мы речь последующих поколений.

В некоторых случаях слова, составляющие предложение, настолько разошлись в своем лексическом и грамматическом значении, что исконный смысл выражения совершенно утратился. Когда мы слышим такое выражение, нам приходится вкладывать в него знакомые значения слова, «досочинять» его смысл. Иначе не поймешь, о чем речь. А если и поймешь, то — неверно.

Вот вам выражение: «сказка про белого бычка».

Слово **сказка** еще и в XVIII веке значило не то, что теперь. Уменьшительный суффикс **-к-**, как в **рыбке** и **березке**, образовывал его от слова **сказ**. **Сказ** — это рассказ, подробное повествование, а **сказка** — короткий рассказ, то есть отчет, сжатый результат или, как говорят люди ученые, резюме. (Резюме, пришедшее к нам из французского языка, обозначает краткое изложение сути какой-либо речи, статьи и т.п. или заключительный итог речи, доклада, научного сообщения.)

И **сказ**, и **сказка** всегда рассказ о реальных, действительных событиях. Эти слова связаны с корнем **-каз-**, который имел значение **доказательство, обоснование, объяснение**. Глагол **съказати** использовался, когда нужно было растолковать что-то непонятное, неизвестное, но тем не менее реально существующее. Сказками, например, сибирские

первопроходцы XVII века называли отчеты о своих походах, например: «Скаска Володимера Отласова о землях...» Современное значение сказки появилось довольно поздно, к концу XVII века, и сразу по нескольким причинам (они сложны, и мы не будем их излагать).

Сказка про белого бычка — это бесконечное повторение одного и того же с самого начала, неустанный возврат к одному и тому же. Иногда говорят: «сказка о белом бычке». Но даже если вы и допустили смешение предлогов **о** и **про** — ничего страшного. Такое смешение обычно в нашей повседневной речи. Даже очень образованные люди говорят: «Я рассказал им **про** это...» Вполне допустимая разговорная форма, хотя в некоторых выражениях и сохранилось еще исконное значение **про**, равносильно **для**, **ради**: «Этот квас не **про** вас». А в русских памятниках допетровской эпохи **про** употребляется только в этом старом значении, то есть **для**, **ради**. «Насолить **про** гость» — не значило **насолить о** гостях или **насолить** гостям. В Домострое, откуда извлечено это сочетание слов, речь идет о засолке грибов; так вот, для гостей (**про** гость) надо засаливать самые лучшие.

На самом-то деле сказка была не о белом бычке, а для белого бычка. И это меняет все дело.

Белый же бычок вовсе не представляет собой добродушного теленка на лугу с ромашками. Некоторые считают, что этот поговорочный бычок и бычок из стада только родственники, а не одно и то же существо. Но чтобы это понять, нужно разобраться

в нескольких родственных словах, которые теперь уже и не родственные.

Бык и бука. Родственники. **Бука** — от **букать**, от слова, которое во всех славянских языках значит **мычать, реветь** (или издавать столь же громкие и неприятные звуки). В русском языке чаще употребляется слово **бучать** — то же, что и **букать**. А **букой** грозили непослушным детям: кто-то кричит, ревет в лесу, страшный, неведомый, а ну как придет? Страшно.

Когда-то очень давно у славян был корень **-бук-** с долгим звуком **у**, который мог чередоваться с другими гласными: то с кратким **у** (и получалось: **б^ук**), то с сочетанием **оу** (получалось **б^{оу}к**). А потом произошли разные изменения звуков, и все значения, связанные с прежним корнем, разошлись в разные стороны. Разошлись вот так: **бук** с долгим **у** стал родоначальником **быка**; **б^{оу}к** развил в разных славянских языках много слов типа **букать** и **бучать**; **б^ук** сохранился только в одном корне, и вы никогда не догадаетесь, в каком именно!

В слове **пчела** тот же корень, что и в слове **бык**. Восемь веков назад это слово и произносилось иначе: **б^учела**, а писалось так: **б^ьчела**. Писалось с той же буквой **ь** в корне, что стояла в конце слова **б^ьк**. В обоих случаях **ь** (то есть очень краткий звук **у**) утратился, и тогда получилось сочетание **бчела**. Очень неудобное сочетание, трудно произнести. Даже не пытайтесь правильно его произнести, ничего не получится.

Нужно было как-то упростить его: сделать либо оба согласные звонкими, либо оба глухими. Вот так:

бджела или **пчела**. И то и другое вполне удобно для произношения. Так и получилось: украинцы произносят теперь это слово **бджола**, а русские — **пчела**.

Сколько изменений понадобилось, чтобы мы окончательно потеряли связь быка с пчелой — а ведь похожи! Родичи. Упитанные и мычат, вернее, бучат. Издают густой низкий звук, непрерывный, угрожающий.

Ну, а что же с нашим белым бычком?

Наш бычок — не обязательно коровий сын. Это может быть какое-то очень даже маленькое существо, пускай и невидимое, но прекрасно слышимое, которое гудит над нами, вокруг нас и ради которого мы неустанно должны сочинять сказки... На то, что пословичный бычок, действительно, не коровий сын, указывает слово **белый**. Нет, наверное, бывают и белые бычки, я не спорю, но все дело в том, что, как вы помните, самым древним значением слова **белый** было обозначение «бесцветного» цвета. **Белый** — это невидимый, не имеющий цвета и контура.

Вот каков наш бычок — гудит себе в тумане, а видеть его нельзя. Сказочный бычок, который требует словесных жертв.

Так что же получилось? Из четырех слов нашего выражения ни одно не сохранило своего исконного значения! Все они изменили свой первоначальный смысл, и это привело к изменению сочетания в целом. Вы, например, вкладываете в него совсем другой смысл, чем я, а мы оба очень далеки от исконного значения этой идиомы. Предположительно она означала следующее: растолковать (нечто)

незримому собеседнику. Если уж и с реальным не всегда сговоришься, каково вести переговоры с неизвестным, неопределенным, невидимым собеседником!

Выразительность и образность идиомы с течением времени часто становились причиной ее утраты. Расскажу вам такую печальную историю.

Владимир Мономах, готовясь к смерти, — стар и немощен — в наставлении сыновьям повествует о своей жизни, подходящей к концу. Говоря об этом, он избегает упоминаний о смерти: это неприлично, на слово **смерть** наложено табу. Владимир употребляет выражение, хорошо понятное каждому его современнику: «сидя на санях, помыслил в душе своей...»

«Сидя на санях». Дело в том, что на Руси с древнейших времен хоронили на санях, даже в летнюю пору: волоком, руками тащили широкий полоз с умершим на холм, обкладывали любимыми при жизни вещами и сухим хворостом, опрыскивали горячей петушиной кровью — и сжигали. Языческий русич соединялся не с землей — он возвращался в огонь, к Солнцу. И вот эти-то сани стали символом человеческой смерти.

Хозяина леса также не смели когда-то называть его полным именем (каким именно — спорный вопрос) и придумали ему прозвище **медведь** (поедающий мед). Не смели назвать своим именем смерть, чтобы лишний раз не накликать беду, и только намекали на нее: «корноносая», «лихое дело», «сидя на санях»... Так родилась идиома, которая со временем получила более широкое значение. В XVI веке,

когда старый похоронный обычай был уже позабыт, летописцы все еще говорили о воинских санях как о вполне вероятной возможности закончить свою жизнь в битве, в бою, то есть преждевременно. Так и говорилось: «в санях и в воинстве». Перед нами — сужение значения старой идиомы. Она употребляется уже только применительно к воину и вообще, может быть, к претерпевшим насильственную смерть.

Еще какое-то время прошло, и эта идиома, первоначально с переносным значением, затем образная, потом слишком узкая по своему значению, стала непонятной и бесследно ушла из языка.

Случилось это потому, что она не просто утратила свою образную силу и краткость выражения. Она утратила свой смысл.

РАССКАЗ ВОСЬМОЙ

б Иване Антоновиче Кувшинное Рыло и его предках

Одному из персонажей «Мертвых душ», взяточнику и казнокраду, Гоголь дает такую характеристику: «Иван Антонович, казалось, имел уже далеко за сорок лет, волос на нем был черный, густой; вся середина лица выступала у него вперед и пошла в нос, — словом, это было то лицо, которое называют в общежитье кувшинным рылом».

Вообще-то Гоголь сам бранных слов не употребляет, И вдруг — **рыло**. Слово, которое в современном словаре считается просторечным и даже бранным при обозначении человеческого лица. Однако на протяжении XIX века **рыло** не такая уж редкость в литературном языке. Его употребляли Пушкин, Островский, Салтыков-Щедрин и другие писатели.

А вот в современной художественной литературе вы уж не встретите это слово во всей его красе: то ли совершенно неприличным стало, то ли грубее нашлись!

Если порыться в древних манускриптах, можно найти единственное и самое верное употребление этого слова, верное с точки зрения его происхож-

дения. Например: «...повелел мниху (то есть монаху) ископати рылом сад». В этом предложении **рыло** — то, чем копают, роют землю: мотыга, лопата. Слово входит в целый ряд родственных имен среднего рода с суффиксом -л-, которые образованы от глагольных корней: **ры-л-о** — то, чем роют (от глагола **рыть**), точно так же, как **кры-л-о** — то, чем покрывают (от **крыть**), или **соли-л-о** — то, чем солят или в чем солят. И так далее. Чтобы совсем быть точным, следует сказать, что корень **ры-** родственен корню **рея-**, например, в **реяти**, и в свое время **рыти** означало не копать (например, углубляясь в почву), а выбрасывать, развеивать что-нибудь. Другими словами, **рыть землю** — это не копать ее, а отбрасывать в процессе копания. В северных говорах исконное значение слова сохранилось до сих пор, там говорят: «Рой сено» (Бросай сено). Или, обращаясь к ребенку, играющему в мячик: «Рой мячик» то есть брось его. Таково исконное значение слова **рыло** и единственное содержание его в течение длительного времени, до тех пор, пока в языке разными способами и по разным причинам не появилось множества других слов с тем же значением (орудие рытья), но с более конкретным и частным употреблением. Появилось слово **лопата** для обозначения знакомого нам орудия труда. Затем в словарь вошли **заступ**, **мотыга**, **кирка** и т. д., и только **рыло** по-прежнему могло обозначать все, чем роют. Вот эта-то широта значения и оказалась опасной для дальнейшего употребления слова **рыло**. Сравнивая разные списки текстов, в которых можно встретить наше слово, мы легко обнаружим одну интересную закономер-

ность. Оказывается, **рыло** употребляется только в тех редакциях текста, где очень мало указаний на конкретные, частные особенности жизни героя (как правило, какого-нибудь святого). Как в народной сказке, ничего конкретного и определенного! Автору важно указать, что его герой чем-то рыл землю, а чем именно — это было неважно, потому что могло прибеднить возвышенный образ героя.

Скажешь: «рыл лопатой» — так ведь мало ли кто лопатой роет! **Рыло** — более торжественное слово, и его вполне прилично применить по отношению к святому. И только в редакциях со многими особенностями бытовой, разговорной речи вместо слова **рыло** находим конкретное **лопата**, а еще чаще — **мотыга**.

Следовательно, и в Древней Руси **рыло** являлось уже стилистическим вариантом к более распространенным словам с конкретным значением.

Если **рыло** — все, чем роют, то легко перенести значение с орудия труда на другой предмет по сходству в употреблении. Все, чем роет человек, — **рыло**. А то, чем роет, например, свинья, для которой рытье, можно сказать, является «профессиональным занятием»? **Рыло**?

Рыло.

Так получилось, что в конце концов в разговорной русской речи за нашим словом осталось только одно, и притом конкретное, значение: свиной пяточок.

В XVII и XVIII веках такое значение слова — единственное, да и современные нам словари только его считают единственно литературным: «рыло —

передняя крайняя часть носа некоторых животных, приспособленная для рытья». Сказано по-научному длинно, но ясно. Только тут говорится не об одной свинье — о всяком животном того же рода. Но все-таки сначала рыло присвоили свинье, тут уж ничего не попишешь. Даже ироническую пословицу сложили: «И по рылу знать, что не простых свиней», очень употребительную и попавшую в художественную литературу, например, у Н. С. Лескова:

«— Вон какой! — произнес под ухом Розанова Помада.

— Да, и по рылу видать, что не из простых свиней, — заметил Розанов».

По сравнению с пословицей тут есть небольшое новшество. В главном предложении модернизирован глагол — вместо старого *знать* теперь употреблено *видать*, потому что глагол *знать* в этом смысле уже вышел из употребления; сравните: «Я, *знать*, не нужен», что равно «Я, *видно*, не нужен». В придаточном предложении появился предлог *из*, который подчеркивает значение следующего родительного падежа. В начале XIX века *рыло* уже определенно выдающаяся передняя часть морды не только свиньи, но и всякого животного, способного что-то рыть носом. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить две басни И. А. Крылова. В одной из них

Хавронья хрюкает:...

«А, кажется, уж, не жалея рыла,

Я там изрыла

Весь задний двор».

В другой басне Волк кричит Ягненку;

«Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом
Здесь чистое мутить питье
Моё
С песком и с илом?»»

Теперь и ягненок получает **рыло**. Это справедливо: в данном случае его подозревают в том, что он роет песок и ил. Роет носом.

Носом или мордой? Новое распутье.

Действительно, как только четкое и определенное значение слова по признаку сходства распространяется на другие сочетания, сразу же появляется возможность по-новому истолковать старое значение или попросту изменить его.

Пока рыло остается носом свиньи, все на своих местах. Но как только начинают называть рылом кончик носа у любого другого животного, дело изменяется, незаметно для говорящих, но решительно.

Изменяется, во-первых, потому, что не у всякого животного собственно нос выделяется из всей морды. «Видит кот молоко, да рыло коротко»; **рыло** здесь — это уже вся кошачья морда.

Изменяется, во-вторых, потому, что можно ведь пойти и еще дальше, назвать рылом кончик носа и весь нос не только у животного, но и у человека. Какой-нибудь выразительный кончик носа очень даже хорошо назвать рылом. По крайней мере, ясно, о чем речь.

Ну, и уж совсем просто назвать рылом весь нос целиком, как это и сделано у Гоголя. Когда Гоголь

представляет нам своего Ивана Антоновича и называет его Кувшинным рылом, мы сразу понимаем, что все лицо чиновника выдавлено в один нос. Единственной деталью писатель рисует тип, но какой деталью!

На первых порах **морда** и **рыло** еще различаются. Об этом можно судить, например, по пословице: «Разобью тебе морду и рыло, да и скажу, что так было». А вот в другой пословице такой ясности нет: «Отворотил рыло — да и мимо». Здесь говорится совсем о другом рыле — о морде в целом. В обеих пословицах речь, собственно, идет о человеке, поэтому и **морда** в данном случае — это грубый синоним к слову **лицо**. Произошло отождествление свиного рыла и человеческого лица точно тем же путем, что и в совпадении **рыло** — **морда** применительно к животному.

В современном русском литературном языке **рыло** — бранное обозначение человеческого лица в целом. «Рылом не вышел» говорят о человеке, который некрасив лицом. В рассказе А. Чапыгина «Последний путь» рядом находим авторскую характеристику героя и высказывание о нем другого персонажа. Сравните-ка. Сам автор говорит: «Впереди всех шел Васька с хитрым безбородым, бабьим лицом...» А вот как называет такое лицо один из спутников: «Врет, точеное рыло!» То, что автор описывает обстоятельно и деликатно, грубый мастеровой передает четко и кратко. Из такого разностилевого сопоставления нам и становится ясно, что **рыло** здесь — все лицо, необычное и потому вызывающее явное неодобрение: что за мужик без бороды!

Хотя такое **рыло** и считается грубым, оно все же остается в границах литературного языка. Это просто один из стилистических вариантов литературной речи, прежде всего потому, что большинству русских народных говоров такое значение слова вообще неизвестно. На севере рылом называют подбородок, место, откуда растет борода (и, в свою очередь, подбородком справедливо считают нижнюю часть лица, под бородой и вплоть до кадыка). В говоре это совершенно приличное слово, и с ним могут обратиться к самому уважаемому человеку. На юге это же слово обычно употребляется для обозначения широко раскрытого или изуродованного рта. О таком рте и присловье сложили: «Рыло порото по самое ухо — ласточкин роток!» Иван Бунин, по рождению южанин, в одном своем произведении, стилизованном под народную речь, писал об Иване Дураке: «...а он опять играет песню 'Ой, вы, очи, мои ясные очи', на печке лежит и песню кричит во всеё рыло». Не носом же он пел, в самом деле; во всяком случае, не одним же кончиком носа! И на юге наше слово не является грубым — оно, как и на севере, но только в ином значении, употребляется для выражения какого-то особого понятия в известных обстоятельствах.

Так выясняется, что неприличным, неудобным слово становится лишь тогда, когда попадает в соседство с другими, более распространенными и более удобными. Все относительно, и вполне можно представить, что, наоборот, слово **лицо** стало бы неприличным, а слово **рыло** — очень даже хорошим и вполне литературным.

Теперь на примере того же рыла мы можем отметить еще одну важную особенность в изменениях слов. Оказывается, значения слов не просто «перетекают» из одного в другое, более широкое по смыслу, или, наоборот, более узкое. Каждый раз подобное изменение в значении определяется положением слова в ряду других, близких к нему по значению, новых или старых. Если в тесно набитом пассажиром автобусе вы толкнете соседа, ваш удар почувствует и далекий от вас пассажир — очень слабо, но все-таки почувствует. С изменениями слов, конечно, несколько сложнее, но принцип все тот же: изменилось значение одного слова — изменению подлежат и значения его соседей.

Но и это еще не все. Сравнение слова **рыло** в литературном языке и в говорах показывает, что только в литературном языке оно имеет два значения и одно из них — не совсем литературное! Вот что приходится учитывать при изучении истории слов в литературном языке: не только внутреннее движение значений, но и возможности стилистического использования старых, тех, которые сохранились от давно прошедших времен.

Рыло было вполне пристойным обозначением человеческого носа, пожалуй, чуть ли не до Пушкина. Почему?

Потому что тогда было, по существу, два литературных языка — русский и церковнославянский, которые противопоставлялись очень многими словами; например, в одном употреблялись слова **лоб, глаз, щека, шея** и т. д., а в другом соответственно: **чело, око, ланита, выя**. В условиях, когда оба языка

были друг другу четко противопоставлены (и, более того, всегда, в любом тексте, осознавались как самостоятельные языки), — в таких условиях и общие обоим языкам слова должны были как-то разделиться, стать на сторону одного из них — русского или церковнославянского. В обоих литературных языках было слово нос — оно и оставалось во втором из наших рядов, в церковнославянском: **чело, око... нос**. А в ряду русских слов постепенно распространилось, хотя и не вытесняя окончательно слова нос, уже знакомое нам **рыло: лоб, глаз... рыло**.

Впоследствии, после реформ Ломоносова и Пушкина в области литературного языка, произошло слияние двух типов литературного языка, а слова, прежде принадлежавшие разным литературным языкам, остались все. Они обозначали одно и то же понятие: **выя** — это шея, **щека** — это ланита и т. д., и потому по уже известной нам логике развития одни из них должны были исчезнуть, а другие — остаться. Если определенную часть лица мы называем щекой, зачем тогда нам еще и слово **ланита**?

Однако логика развития литературного языка оказывается совсем иной, чем это имеет место в развитии народного языка. У литературного языка свои законы изменения, потому что литературный «язык» стоит ближе к речи, чем к языку.

Одним из законов литературного языка является необходимость широкого развития слов — синонимов. Одно слово хорошо в обычной речи, цель которой — какое-то сообщение; другое потребуется, если нужно передать ваше неодобрительное отношение к чему-то; третье нужно, чтобы по тому же

конкретному поводу выразить восхищение, не прибегая для этого к специальной интонации или знакам препинания. А значение во всех случаях у всех таких слов одно и то же: идти — ступать — шествовать и тут же — переться.

Вот почему в своем развитии литературный язык очень осмотрительно сортирует весь свой наличный запас слов, не выбрасывает без особой нужды ни одного из них: вдруг кому-нибудь пригодится! Какие-то слова становятся стилистически нейтральными, мы употребляем их в обычной речи; из нашего ряда в русском литературном языке такими стали русские слова **лоб, глаз, щека, шея**. Церковнославянские же слова очень долго были вариантами этих русских и употреблялись в поэтической или торжественной речи как средство стилистического выделения; читаем у Батюшкова и Лермонтова:

И сладкая слеза ланиту орошает.

(Батюшков)

Но только цвет ее чела

Был страшно бледен.

(Лермонтов)

В таких текстах, где следовало передать возвышенность минуты, ее трагичность или потрясение героя, поэты часто использовали слова, отстраненные от повседневной жизни, торжественные и звонкие. И Горький-романтик не прошел мимо такой лексики. Именно такими словами описывала старуха Изергиль красавца цыгана:

«— Взглянет он тебе в очи и полонит твою душу.»

Особенно выразительны подобные высокие слова в тех текстах, где они употреблены подряд, где их много. Они как бы поддерживают друг друга среди слов-чужаков, и тогда чужаки сами получают возвышенный, торжественный тон. Смотрите, у Пушкина:

Его чело, его ланиты
Мгновенным пламенем горят;
Его уста полуоткрыты...

Да, именно так у Ратмира: «его ланиты мгновенным пламенем горят», а не другие варианты: «он покраснел», или (стилистически еще ниже) «он взопреп», или «он вспыхнул», что по своему значению как раз и соответствует фразе «мгновенным пламенем горят». Все другие выражения в окружении высоких слов воспринимались бы либо иронически, либо неверно. Нет, не случайно в своем анализе каждый конкретный текст лингвисты называют контекстом — окружением. Из песни слова не выкинешь!

Постепенно многие церковнославянские слова исчезли из языка. По словарям можно проследить, какие из них утрачены раньше, какие позже. Значение некоторых известно теперь только ученым, например, **перси** (грудь), **выя** (шея). Другие понятны и вам, хотя в своей речи вы редко их употребляете (очи, чело). Такие слова могут употребляться в художественной речи как торжественный вариант обычного слова. Нарядное, праздничное слово. Парадное.

Однако вернемся к **рылу**. Понятно взаимное отталкивание двух словесных рядов — высокого **чело, око, ланита...** и нормального (ученые называют его нейтральным) ряда **лоб, глаз, щека...** Однако почему в русском литературном языке, в основу которого положен все-таки русский ряд слов, нейтральным не стало и **рыло**? Да потому, что и **нос**, и **лицо** были словами, общими и для русского, и для церковнославянского языка. А все общие слова, если вы помните, Ломоносов включил в свой «средний штиль» — тот самый «штиль», который и стал впоследствии основой для литературного языка.

И вот тут-то **рылу** не повезло. По своему употреблению в разных контекстах оно было более редким, нежели **нос**. Потому оно и стало стилистическим вариантом, но только не торжественной речи, конечно, а бытовой. Слово ведь пришло не из церковнославянского языка. В церковнославянском языке **рыло** — орудие копания; оно не развивало новых, переносных значений. Его значение **нос** в литературный язык пришло с другой стороны, оно развилось в разговорной русской речи.

У Ломоносова слова таким образом и распределялись по «штилям». В высоком, например, — **лик** (церковнославянское), в среднем — **лицо** (общее для обоих языков), в низком — **рыло** (русское).

И еще одна деталь: в качестве собственно литературного стиля победил в русском языке «средний штиль». Во-первых, потому, что в него включались общие слова, которые стилистически были максимально нейтральными. А во вторых... Смотрите: в высоком — **выя**, а в среднем этому слову соответ-

ствуется шея; в низком — **рыло**, а в среднем этому слову соответствует **лицо** или **нос**. Но в высоком нет специального слова для обозначения носа, точно так же как в низком шея всегда шея. Только средний штиль соединил в себе нейтральные по краскам слова, которые нужны для передачи всех необходимых понятий. Вот по этим-то двум причинам он и стал основным вариантом современного русского литературного языка.

Так печально закончились попытки вполне приличного слова **рыло** пробиться в литературный словарь. Но пустили соседи.

Стилистические изменения слов в большей степени зависят от воли отдельного человека, писателя или ученого, чем семантические (смысловые). Особенно много таких изменений было на раннем этапе развития русского литературного языка, до Пушкина. Богатый выбор слов предоставлял писателям широкие возможности, и они такими возможностями свободно пользовались. В произведениях XVIII века, особенно в комедиях и пародиях, встречаются такие слова и выражения, которые после Пушкина никто не осмелился бы признать литературными. И в наши дни идет стилистическое изменение отдельных слов, однако этот процесс не связан с внутренними изменениями в самой системе слов, он часто является вопросом моды, влияния и подражания.

РАССКАЗ ДЕВЯТЫЙ

том, как истончаются слова и толстеют словари, а также о супругах и благовониях

Пути изменения слов причудливы и многообразны. Вы видели комариный танец в теплый июльский вечер? Никогда не знаешь, как и куда метнется комар — ажурное существо, парящее в облаке себе подобных. Траектория полета определяется тысячью непредсказуемых условий.

Слова похожи на такое невесомое облачко. Они все вместе, но каждое и само по себе, во всем своем совершенстве: вот так оно произносится (это его фонетическая сторона), так оно образуется от других слов (это его словообразовательные отношения), так оно изменяется по формам, присоединяясь к другим словам в предложении (это его грамматические формы). А вот так это слово расцветает всеми гранями своих значений, если вокруг нет ни одного похожего или равного ему, или смиренно пригасит внутреннее свое свечение, если по соседству окажется более точное, более гибкое слово. Тогда мы говорим о лексическом значении слова, а шире — о семантических связях слов. Семантических — значит смысловых; термин семантика восходит к

древнегреческому **семантикос** (обозначающий). И верно, слово не отражает предмет непосредственно, оно только обозначает его условным символом.

Слова любого языка составляют сложную, разветвленную систему знаков.

Слово — двусторонний знак: оно имеет форму, которая изучается грамматикой и фонетикой, и значение, которым занимается семантика. Форма слова условна по отношению к его значению. Почему, в самом деле, мы произносим **стол**, чтобы обозначить понятие «стол» и тем самым представить реальный предмет — стол? Почему мы при этом не произносим другого набора звуков, например, подобно чехам и полякам, — **стул**, или, подобно украинцам, — **стил**? А потому, что для современного русского человека ряд звуков **стол** связан с обозначением понятия «стол», тогда как для обозначения того же понятия поляк пользуется рядом звуков **стул**, а украинец — рядом звуков **стил**.

Выходит, что связь звучания и значения слова весьма условна и сама по себе может изменяться. Так, кстати, и случилось в польском и украинском языках: общее славянское **стол** со временем в польском превратилось в **стул**, а в украинском — в **стил**. Звуковая форма слова изменилась, причем в каждом языке по-своему, а общее значение сохранилось.

Однако в каждом данном языке в данную историческую эпоху связь формы и значения слова является постоянной и обязательной для всех, кто на этом языке говорит.

Изменения в языке могут происходить по разным причинам. Изменяются разные стороны слова —

этого сложного целого. Изменяется звучание слова, его морфологический состав, его место и ранг в сочетаниях с другими словами и в предложении, его значение.

Чаще всего значение слова сужается. Постепенно ограничивается число сочетаний, в которых это слово может выступать. Так происходит потому, что в языке постоянно отрабатываются средства наиболее точного, а следовательно, и однозначного выражения мысли.

Здесь мы снова обращаемся к древнерусским текстам и находим такие сочетания:

«Имамъ же два супруга воловъ...»

«Вы в напастехъ утеха и в темници освобождение, супруго Борисе и Глебе!»

«Повелевають нам гонити десять супругъ.»

И волы в упряжке — супруги, и братья — тоже супруги. Странно, в современном русском языке это слово обозначает семейную пару, мужа и жену. Наши же тексты передают исконное значение слова: пара в одной упряжке. Два вола в одной упряжке, два брата, погибшие одновременно и за одно дело; наконец, двадцать упряжных животных, которых нужно пригнать из стада;— это все супруги. Соединены навечно каким-то чисто внешним образом.

Супругъ — того же корня, что и упряжка, эти корни различаются только чередованием гласных. Да и слова упряжка в то далекое время еще не было, как раз слово супругъ его и заменяло. Только тогда, когда из слова упряжь возникло новое упряжка (а в говорах — супряга), супругу пришлось потесниться. Сохранилось только одно из переносных

значений: **супруги** — это муж и жена. Да и в этом значении мало кто употребляет это слово в речи, потому что со временем оно получило нежелательный оттенок — либо слишком торжественно, либо иронично. Не все, может быть, согласятся с этим, но слово все-таки на наших глазах «стареет», увядает, как цветок без воды. Все чаще и чаще говорят **семейная пара** или как-нибудь иначе, но только не **супруги**. Этого слова избегают.

Таково естественное движение всякого слова, сохранившего одно-единственное, самое-самое узкое значение, которое вдруг оказывается и не самым важным.

Исчезло в современных отношениях противопоставление отца и матери всем прочим членам семьи — домочадцам, и язык чутко отреагировал на это изменение: слово, старое и хорошее слово осталось не у дел. Изменилось наше отношение к нему. И в словарях оно получило стилистическую помету **устар.** (устаревшее).

А вот еще одно слово, совсем из другого семейства, — **укроп**. Древние греки укропом и петрушкой венчали своих героев и поэтов, мы кладем эти травы в суп. А как относились к укропу древние русичи?

Древние русичи под **укропом** понимали нечто иное.

В сказании конца XI века говорится о том, что, «когда монахи налили в чашу укропа, в ней вдруг оказалась жаба, конечно уже сваренная в такой воде». Очень таинственная история — но только по отношению к жабе. С укропом же все ясно. **Укроп** — это

кипяченая вода, кипяток. Естественно, как бы жаба ни очутилась в кипятке, она должна была свариться. **Кропить, кропать, накрапывать** — родственники старого **укропа**. Исконное значение корня можно было бы объяснить так: стремительное выбрасывание чего-то густого и мокрого. Кипящая вода выбрасывает пузырьки, «соцветия крон» — вот и **укропъ**. Наш современный укроп тоже выбрасывает кропки — множество мелких остро пахнущих цветков, которые собираются в кружева соцветий. По этому сходству с древнерусским **укропом** трава и получила свое название, как только проникла на Русь. И тогда стало неудобно одним и тем же словом называть и травку и кипяток. Появляется новое слово, образованное от глагола **кыпети**.

В летописи под 1382 годом говорится об осажденных врагом горожанах: «Граждане же воду въ котлахъ варяще, кыпятню, и ляху на врагов варь». Современный **кипяток** с уменьшительно-ласкательным суффиксом **-ок** появился немного позже. Но еще и в XVII веке **укропом** по старинке могли называть кипящую воду.

В другом отрывке, на этот раз из летописи XVI века, мы встречаемся со словом, тоже образованным при помощи суффикса: «поставил ключницу хлебную камену».

Ключница. Это слово не раз встречалось нам в романах прошлого века. Дядя Онегина «лет сорок с ключницей бранился...» Да, но знакомая нам ключница (или ключник) — это тот, кто ведал продовольственными запасами семьи или дома, это эконом. А в отрывке из летописи **ключница** имеет совсем

иное значение: помещение для хранения зерна, амбар. Оказывается, было два слова, которые звучали совершенно одинаково, но имели различный смысл. Оба обязаны своим происхождением слову **ключ**.

Остановимся сначала на истории **ключницы** — амбара.

Производное от слова **ключ** первоначально имело очень широкое значение — всякое помещение, запираемое на ключ. Впоследствии слово **ключница** постепенно отстранилось от родительского **ключ**, теснимое другими словами того же типа: **храмина**, **дом**, **изба**, **гридница**, **комара**, **хижа**, оно стало обозначать только амбар.

Но рядом существовало еще одно слово **ключница**, обозначавшее человека, ответственного за сохранение самой главной средневековой пищи — хлеба. Мать князя Владимира Красно Солнышко, например, была **ключницей** княгини Ольги. Было известное неудобство в том, что и амбар, и женщина, хранящая от него **ключ**, одинаково **ключницы**. И потому с появлением татарского **амбар** нашей **ключнице** пришлось еще раз потесниться. С этого времени это только женщина, которой можно доверить **ключи** от амбара.

Дальнейшая судьба **ключницы** напоминает судьбу **супруга**: слово постепенно выходит из употребления. Мы встречаем его в книгах и можем объяснить его значение, но в жизни нашей оно нам не особенно нужно.

Так максимально конкретное слово постепенно стирается, подобно старой монете, побывавшей во многих руках, и уходит из языка.

Уходит, да не всегда. Иногда, казалось бы, и ушло, да вдруг и возвратится, сменив свое значение на прямо противоположное. Конечно, не само по себе, а опять-таки под влиянием всех ему подобных слов, в их системе. Посмотрим несколько случаев такого изменения.

Во всех родственных русскому языках сочетание **сосать соску** может быть понято одинаково: младенец, издавая чмокающие звуки, втягивает в рот молоко. **Сосать молоко** — втягивать его губами в рот. **А доить молоко?** Ну, **доить молоко** — значит, выцеживать его из вымени. В словаре, во всяком случае, именно так и сказано. В современном словаре.

А вот во всех древних языках, родственных русскому, глагол **доить** обозначал то же, что и **сосать**. **Сосать соску, доить соску** — все равно. Правда, есть одно но: о тогдашних сосках нам ничего неизвестно. Младенцы сосали и доили грудь. И древних текстов с этими глаголами сохранилось довольно много. Однако некоторые из них весьма странны, непонятны, вот такой, например: «Женщина доит дитя молоком». Это значение (кормить ребенка грудью) появилось в результате столкновения с глаголом **сосать**: в самом деле, два слова обозначали один и тот же процесс, но участниками этого процесса были двое: и кормящая мать, и младенец. Между словами произошло распределение обязанностей: **доить** — это кормить, **сосать** — кормиться. В южных славянских языках такое соотношение слов сохранилось до сих пор, а вот в русском оно снова изменилось. Молочное животноводство потребовало своих обозначений и терминов, и **доить** перешло в другую группу лекси-

ки, получило знакомое нам современное значение. Вполне возможно, что некоторое время доить употреблялось в различных значениях, поскольку исходный его смысл годился для всех случаев. И лишь затем, подчиняясь законам развития слов и их значений, оно сохранило только современное значение.

Существует много средств задержать исчезновение слова, сохранить. На всякий случай. Хотя бы и на задворках лексикона, хотя бы со стилистической пометой, но сохранить.

О слове **вонь** в современных словарях говорится, что оно разговорное и обозначает дурной запах. И стилистическая помета есть, и суженное значение: только **дурной запах**. Если вы внимательно прочли этот рассказ, уже и без меня легко догадаетесь: коль скоро слово получило узкое значение и загнано в стилистический угол, значит, скорее всего, когда-то оно имело чересчур широкое значение и употреблялось всеми и всегда. Конечно, так оно и было.

Это слово — родственник таким, как болгарское **воня** (вонь), сербское и украинское **вонь** (запах), чешское **вуне** (благоухание). Да еще в русском языке сохранилось заимствованное из церковнославянского языка **благовоние**. Как его перевести? «Приятный дурной запах»? У славян **вонь** имела исконное значение **запах**, любой запах. Но под влиянием церковнославянского языка хороший запах, аромат стали связываться с новым, первоначально искусственным (но искусным!) образованием **благовоние**, и тогда за исконно славянским словом **вонь** стало постепенно закрепляться значение противоположного характера, то есть **плохой, дурной за-**

пах. Положение обязывает: раз уж хороший запах имеет свое название, остается сохранить за собою хотя бы значение **дурной запах**, пока вовсе из словаря не попросили!

В других славянских языках положение то же: вот в сербском, например, не укрепилось слово **благовоние**, а для обозначения дурного запаха имелось общеславянское **смрад**. Поэтому там старое славянское слово **вонь** сохранило свое общее значение **запах**. При изучении родственных языков это самое трудное: слова звучат одинаково, а значат подчас прямо противоположное.

История этого слова в русском языке прошла несколько этапов. В самых древних текстах, XII века, **воня** всегда обозначает запах вообще: «откуда же сладость в овощи и **добры воня** — ничто же не **воняет** (кроме самого овоща)». Выделенные слова означают запах, даже добрый запах. Нужно специально добавить слово **добрый**, чтобы передать конкретное значение хорошего запаха.

А в текстах XVII века уже все перемешано. Вот в одном из них буквально рядом: с одной стороны, «яко воздуху наполниться от **воня мускусныя**» — это о приятном запахе, о тогдашних духах; с другой же стороны, описание дикой свиньи: «вепрь бо **смрадом воняя** и весь сквернен». Само сочетание с существительным **смрад** указывает на новое, теперь более обычное значение глагола **воняти** (дурно пахнуть). Тем не менее, речь здесь идет не о **воня**, а о **смраде**. **Вонь** в современном нам значении скорее всего является производным от **вонять**, то есть даже по своему происхождению вторична. «Воняти

мускусом» — «воняти смрадом» — легкий сдвиг в сторону, небольшая вольность, может быть, поэтическая метафора, в конце концов, привела к печальному финалу, хотя финал этот и был подсказан местом слова в цепи родственных слов.

Изменения касаются не просто отдельных слов — отдельное слово само по себе не стало бы изменяться и вообще не могло бы измениться. Слово — это ведь условный знак. Изменяется не отдельный знак, а сразу целые группы знаков, связанных общей системой. В самом деле, если в древности слово *доить* входило в одну группу, а теперь, слегка изменив свое значение и правила сочетания с другими словами, связано совсем с иной группой слов русского языка, ясно, что прежнее, древнее соотношение слов распалось, видоизменилось, стало другим.

В современном словаре мы находим много слов, которые кажутся одинокими в словарном море, случайными сочетаниями звуков, которыми к тому же и редко пользуются. Вот одно из них — *кляп*.

Хорошее и звонкое слово, но часто ли оно нам нужно? Слово короткое, но в толковом словаре русского языка объясняется длинно: кусок дерева или тряпка, насильно всовываемая в рот для предупреждения крика или кусания. Вот как: кусок дерева в рот, чтобы не кусался. Ну, понятно, при этом нужно руки связать, чтобы не пытался выдернуть кляп, и за волосы держать. Но словарь этих подробностей уже не отмечает. Оно и понятно: словарь, а не инструкция. А нам и того меньше нужно, всего лишь опорные части словарного описания: кусок дерева... насильно... в отверстие... закрыть...

Если вы внимательно всмотритесь в этот пунктирный набросок, то за ним, за его многоточиями вы увидите сложную историю слова, его прежние значения, его постепенное и неуклонное движение к современному короткому **кляп**.

Вот каким образом это происходило. Есть какие-то связи между корнями **-кляп-** и **-кляч-**. Во многих славянских языках (и в русском также) они дают одинаковую россыпь значений. Например, наша **кляча** по-польски звучит **кле"па** (похоже на **кляпа**). Общее значение слов с этими корнями — **согнутый** (наильно), это значение можно заметить и в диалектных русских словах. Илья Муромец, если вы помните, одного из своих противников повстречал «у тое у березы у покляпяя» — у согнутой, искривленной березы. Та же самая **кляпа**, она же и **кляча**. Но связь с **клячей** у **кляпы** отдаленная, многие даже сомневаются, была ли такая связь или это результат довольно позднего совпадения в значениях.

В говорах, а еще больше в старых памятниках, есть и более близкие родственники **кляпа**: **кляпец** (ловушка, западня) — то же самое: кусок дерева... в отверстие... закрыть... **Кляпыш** — это деревянная пуговица на древних кафтанах. Раньше **кляпышем** называли еще плод миндаля, он похож на такую деревянную пуговицу. А **кляпиной** называли кривое дерево. И т. д.

Так изменяются слова — истончаются до предела, уходят из языка, подобно тому, как уходят из речи обычные для этих слов контексты. Старые значения слова одно за другим медленно, но верно устраниаются.

РАССКАЗ ДЕСЯТЫЙ

том, как наши предки
думу думали

Развернем хрусткие листы древней летописи. Куда ни глянь — битвы, пожары, мор. Тяжелая жизнь. Страшно и горько. Князья-братья не только врагов — друг друга топят, режут и жгут. Зависть и злоба движут ими: каждый хочет быть единственным. А сколько бед происходит оттого, что не могут они стовориться меж собою и вместе пойти на врагов. И неудачный поход Игоря Святославича, и кровавая битва при Калке (когда погиб Алеша Попович), и монгольское нашествие — все печали от этого.

... 1093 год. После смерти киевского князя Всеволода начались раздоры между его преемниками Владимиром и Святополком. Раздоры странные: «Володимер начал размышляти, говоря: если... то... как...» (пока я нарочно не привожу смысла его рассуждений — важно условие и темп этих рассуждений). Святополк занят тем же: «Не сдумав со старшею отцовскою дружиною», а собрал совет своих собственных, приближенных дружинников. Сидят... размышляют... думают. Тем временем хлынули на Русь дикие кочевники половцы, решили пожи-

виться. А князя? Сидят... размышляют... думают. «Мужи смыслени» (разумные мужчины) говорят: «Не воюй — у тебя мало войска». «Мужи несмыслени» — наоборот: «Пойди, княже!». После долгих разговоров собрались все князя вместе: и Святополк, и Владимир, и юный Ростислав. Уже видны за рекою враги, а чем заняты князя? «Созваша дружину свою на совет... и начаша думати». Одни хотят идти по правой стороне реки, другие — по левой. Ничего не надумали, каждый пошел, как пожелал.

А половцы сначала разбили Святополка, затем взялись за Владимира, и «бысть брань лютая». 26 мая в половодье юный Ростислав тонет в Стугнереке на глазах брата. Половцы обступили Русь. Беда и скорбь.

Не буду еще раз говорить о княжеских распрях и взаимном недоверии, дорого обошедшихся Русской земле. Нас интересует другая сторона всех этих размышлений и дум. Обратите внимание на действия героев рассказа — они думают. Значение этого слова не совпадает с современным: «думу думати» — значило держать совет. Князя размышляют поодиночке, совместно и в присутствии советников. Это очень важный процесс, думу думати. И очень сложный, если представить себе, какими средствами языка могли воспользоваться для этой цели в XI веке. Попробуем представить себе тогдашнюю думу.

Владимир начал размышлять, говоря: «Аще сяду на столе отца своего, то имам рать со Святополком взяти, яко есть стол преже отца его был», что значит: «Если я сяду на престоле отца своего, то при-

дется мне воевать со Святополком, так как прежде престол принадлежал его отцу»; именно Святополк являлся наиболее правомочным наследником. Вы легко разберете это предложение синтаксически, так как в нем строгие причинно-следственные связи, — но только в переводе, в котором к главному предложению относятся придаточные условия и причины. А вот что касается оригинального текста... Аще... то... яко... Начать с того, что аще вовсе не обозначает если, а яко вовсе не как. Опять мы оказываемся перед глухой стеной неведения, стоит только окунуться в глубь веков. Все слова как будто понятны, похожи на современные. Но все-таки когда-то, давным-давно, тот же набор слов воспринимался совсем иначе.

Начнем с аще. Это заимствованный книжный союз, его мог употребить грамотный книжник, отшлифовывая в летописном изложении «неприбранную» речь или мысль князя. В русском языке XII века союз этот мог употребляться, но очень редко, в литературно обработанных, юридически важных текстах. И произносился он иначе, на русский лад, не аще, а яче. В русском языке такому яче обычно не соответствовало то главного предложения. Следовательно, «по-русски» надо было бы сказать «(яче) сяду на столе отца своего — имам рать со Святополком взяти». Никаких слов-стычек в древнем русском говорении нет, синтаксический смысл предложения передается иначе, порядком слов и интонаций. Попробуем переставить предложения: «Имам рать со Святополком взяти — сяду на столе отца своего», — и сразу же все отношения

зеркально переменились. Теперь первое предложение является условным, а второе — главным: «Если сражусь со Святополком — сяду на престоле отца своего». Вполне возможно, что агрессивный князь именно в таком порядке и «думал», этого-то уж мы никогда не узнаем.

Дальше — **яко**. И тут снова полная неразбериха. Потому что с этим **яко** мы при желании можем соотнести почти все современные наши союзы и союзные слова. Каким хочешь, таким и переводи! Судите сами по следующим летописным текстам (которые повествуют о других русских князьях).

«Разуме(л) Ярослав, **яко** в ночь велит сечися» — здесь зависимость от глагола **разуметь** диктует выбор перевода с **что**: «что велит в ночь сражаться».

«Рече же им Ольга, **яко** яз мстила уже обиду», — а здесь косвенная передача прямой речи, и **яко** мы должны понимать как **что**, **мол**: «что, мол, я уже отомстила за свою обиду».

«Бысть гром велии **яко** слышахом в избе сидящи», — **яко** относится к глаголу **быть** и потому переводится еще с одним значением: «так что слышали (даже) сидящие в избе».

«Сдумаша **яко** изгонити князя своего» — единственно возможное значение **яко** в этом тексте связывается с нашим **чтобы**: «чтобы изгнать своего князя».

«Не восхоте(л) противитися брату своему..., **яко** велики вои держа в руку свою», что значит: «Хотя и много было [у Бориса] воинов, не желал он противиться воле старшего брата».

«Больного посетите... яко вси мертвени есмы» — здесь можно перевести **яко** по-разному: **так как**, **ибо** или **потому что** — в одном и том же значении.

Если к этому добавить, что **яко** мог выступать и в качестве наречия, и в качестве определения, положение еще больше усложнится. Такая неразбериха, что дальше некуда. И верно, ведь если один «союз» имеет почти все значения современных различных союзов — он вовсе не союз в нашем теперешнем понимании этого термина. Он не служит «скрепой мысли», подобно нашим словам **что**, **так что**, **так как**, **хотя**, **чтобы**, **потому что** и так далее. Он так же безразличен к значению предложения, как и широко распространенные в то время «сочинительные» союзы **и**, **а**, **да**, **но**... «Сочинительные» в кавычках, потому что, если в языке нет никаких подчинительных союзов, можно ли говорить о сочинении? Ведь разделение чего-то всегда происходит на основе противопоставления, а в данном случае никакого противопоставления подчинительных союзов сочинительным и нет. Ровная гладь одинаково важных и вместе с тем совсем не важных благодаря своей многозначности союзов. Единственное их назначение — показать, что именно на них, на этих словечках, происходит стыковка двух предложений, двух отрезков мысли, связанных друг с другом единством задачи. А все наши «переводы» на современный язык основаны не на реальных значениях «союза», а на логической, внутренне осознаваемой каждым из нас связи между данными предложениями. Для внешнего выражения таких логических связей теперь мы имеем вполне определенные сло-

ва, которые и подставляем в старый текст по необходимости. Это не перевод, конечно, а осмысление древнего текста.

Значит, мы приписываем древнему тексту то, чего в нем нет. Мы делаем его совершеннее. И тем самым приближаем к нашему времени, желая понять то, что сказано восемь веков назад. А в результате искажаем трепетные, неопределенные, неуловимые связи древнего мышления.

Оно было однопланным и четким, это мышление. Слова следуют друг за другом, не обгоняя друг друга, не выпячиваясь, не заслоняя других слов, как и теперь в разговорном языке. Еще Афанасий Никитин — купец и путешественник XV века — свои впечатления о мире описывал таким образом:

«Тут есть Индейская страна и люди ходят наги все а голова непокрыта а грудь гола а волосы в одну косу плетены... а детей у них много а муж(чин)ы и жен(щин)ы все черны и яз хожу куды ино за мною людей много дивятся белому человеку».

Не удивляйтесь отсутствию знаков препинания — у Афанасия Никитина по тогдашнему обычаю и слова-то не отделены на письме друг от друга, не то что мысли. Попробуйте сами в этом «потоке описания» выделить предложения и их типы, какими они должны быть (с нашей точки зрения, конечно). Помните только, что **ино** означает **то**, а и и одинаково обозначали союз **и**, потому что разницы между соединительными и противительными союзами также еще не было.

Итак, вот какими были предложения в древности. Они создавались в мысли своеобразным «присоеди-

нительным усилием»: сколько силы и впечатлений хватит, столько и присоединяй! Это именно присоединение, а не сочинение, как можно было бы подумать, видя знакомые нам союзы, и тем более это не подчинение.

Сочинение предложений возникло тогда, когда сформировалось подчинение предложений, когда появились в языке сложноподчиненные предложения. Однако формирование этих последних происходило очень медленно, постепенно, этап за этапом. Многие люди участвовали в этом важном процессе: художники слова и тонкие его ценители, законодатели и мыслители. Нам не хватит времени разобраться в сложном и запутанном процессе рождения новых синтаксических типов и связей — своеобразных штампов мысли, пригодных для разных случаев и для всех говорящих. Но один случай мы все-таки рассмотрим.

Раньше всего в русском языке развились придаточные условные предложения. Сначала это были даже и не придаточные. В разговорной речи рождается вопрос, за ним следует ответ, просто вопрос и ответ, вот как в северной грамоте:

«Есть ли у тебя, Никитка, пиво?»

Испьем да и простимся.»

О письменной речи мы уже говорили, там все зависит от последовательности слов: то, что впереди, — условие, что за ним следует, — следствие, то есть главное предложение.

Читаем в «Русской Правде»: «Ударит на смерть — вира». Переводим: если ударит кого-то и убьет, то платить штраф.

Во всех таких предложениях еще нет придаточных предложений в нашем понимании, однако логическая связь между частями высказывания уже ощущается. И теперь она уже требует словесного выражения, нужно каким-то образом выделить одно из предложений, установив его особую важность в ряду других. И выделяется главное предложение. Выделяется подручными средствами, хорошо знакомыми словами: **а, и, да, ино, то, так** — других-то пока нет. Что же получилось? А вот что:

«У тебя, Никитка, пиво, то испьем да и простимся».

«Ударит на смерть, то вира».

Все прежние средства выделения остались — и порядок слов тот же, и интонация. Но появилась и некая скрепка — словечко, выделяющее самое главное в мысли, то, что является в этом выражении новым. Сказано «ударит на смерть» — это констатация факта; а к ней особым порядком слов, особой интонацией, особым вставным словечком присоединяется и то новое, что вытекает из описанного факта: «то вира». Последнее сочетание слов и является самым важным следствием соединения двух сочетаний, ради него они и сплетены в одно предложение как причина и следствие. **То** здесь очень важное слово, благодаря ему есть за что зацепиться вниманию. Но это все еще не подчинительная связь, ее лучше назвать выделительной, потому что и подчинительного союза здесь еще нет, и многообразные значения придаточного еще не расчленились. Наши предложения, например, совмещают в себе и придаточное

условия, и придаточное времени, и придаточное причины.

Условие и время вообще довольно долго не желали расставаться друг с другом. Даже много позднее, уже во времена Пушкина, они могли присоединяться к главному предложению одними и теми же союзами.

У Пушкина в «Борисе Годунове» Шуйский предлагает Воротынскому:

«Когда Борис хитрить не перестанет,
Давай народ искусно волновать...»

Слово когда здесь явно употреблено в значении если, временной союз еще выступает в качестве условного.

Этот пример показывает, что даже в новое время на наших глазах происходит все большее расчленение когда-то совпадавших типов придаточных предложений.

Вернемся, однако, в ту эпоху, когда сложное предложение еще не стало сложноподчиненным. Со временем роль скрепок между частями такого предложения стали вместе с союзами играть союзные слова.

Для чего же они понадобились, союзные слова? Ведь «главное» предложение и без того уже выделено союзом. Такого выделения оказалось мало. Недостаточно показать, что именно главное в предложении. Одновременно с тем нужно было ослабить значение не главного, показать, что оно зависит от главного. Мысли, выражаемые и неглавным предложением, неоднородны и внутренне зависимы. Это причина — то следствие; это качество — то предмет.

Предложения, составляющие текст, нужно было выстроить в перспективе, оттеняя реальные связи и действительную последовательность мысли.

Но союзные слова нужно сначала создать. И это опять-таки характерно для развития языка, который постоянно сам себя обеспечивает внешними формами выражения.

И вот с начала XVI века начинается бурный рост таких союзных слов. Они создаются из самых различных остатков древних грамматических форм или из маловажных членов предложения. Они образуются обильно и щедро — раз уж нужно, так нужно! Многие из них впоследствии бесследно исчезли, так и не получив всеобщего признания, не став обязательным для всех говорящих синтаксическим средством. Другие стали употребляться ограниченно, только в высоком или, наоборот, только в низком стиле.

Вот примеры. Один уже знаком:

«Есть ли у тебя, Никитка, пиво, то испьем да и простимся». Глагольная форма **есть** здесь не очень важна, в соединении с **ли** она и дает сначала союзное слово, а затем и союз **естьли**, ставший затем **если**. Самый распространенный условный союз, который сохранился до нашего времени: «Если есть у тебя пиво, то испьем...» Второе **есть** появилось позднее и совсем по другой причине.

А вот иной случай, он связан со старым сложным временем, которое называлось «будущим в прошедшем»: **будет** пришел.

«Будет пришел холоп ино плетьми бить», что можно перевести буквально таким образом: если к тому времени холоп окажется пришедшим, то его (в

наказание) следует побить плетью. Сложное, ненужное теперь языку морфологическое время разрушилось, слово **будет** оказалось излишним и стало употребляться в новом для него значении. А так как теперь, в новой функции, оно уже не изменялось по лицам и числам, то и окончание для него стало казаться излишним, и форма сократилась до **буде**. Связь с формами глагола в прошедшем времени (пришел) стала неважной. Так появились предложения вроде: «А **буде** пришел холоп ...» — в прошедшем времени, «А **буде** не станешь слушать...» — в будущем времени — с союзным словом **буде**. А союзным оно является потому, что и с другими словами предложения все еще связано, и соотносится с «союзом» в главном предложении; **буде** — **то**, **буде** — **ино**.

И вот самый последний этап изменения как раз и связан с устранением этих **то**, **ино**: «Если у тебя пиво — испьем...»; «**Буде** пришел холоп — бить плетью». Преимущества такой конструкции очевидны. Как ни переверни предложение, как ни меняй слова, главное останется главным, а придаточное придаточным: «Испьем, если у тебя (есть) пиво»; «Бить плетью, **буде** пришел холоп».

Формирование сложноподчиненных предложений пришло к завершению: взаимная подчиненность предложений выражена чисто грамматически и всегда одинаково. До этого были разные попытки уложить новую логическую связь в какие-то языковые формы. Теперь одна общая форма определилась, оказалась удачной и понятной, стала распространяться на любое сочетание слов с тем же самым значением условности.

РАССКАЗ ОДИННАДЦАТЫЙ

том, как важно
думать по порядку,
и о порядке слов

Для древнего языка все одинаково важно: раз уж заговорил человек — значит нужно, значит, мысль, рождаясь в мозгу и облекаясь в словесную форму, созрела и настало время донести ее до слушателя. Некоторые ученые, и физиологи в том числе, считают, что интеллектуально неразвитый человек абстрактно мыслить вообще может только в процессе говорения. Тогда, в словах, формируется и его мысль. Именно поэтому, между прочим, так говорливы дети. Они не просто учатся говорить — одновременно они учатся мыслить — мыслить таким же образом, что и окружающие их люди.

Предложение состоит не из слов, а из групп слов, которые соединены друг с другом грамматической связью. Из таких групп-словосочетаний состоит всякое предложение любого языка. Грамматические же связи, склеивающие слова в словосочетания, вам хорошо знакомы — это согласование, управление и примыкание.

Согласование — употребление слов в одной и той же соответствующей форме: **белая роза** — согласование.

Управление одного слова другим словом также понятно. Начиная говорить: «Вижу...», я ограничен в выборе формы следующего существительного, например — «...птицу» — это винительный падеж, «глазами» — это творительный падеж. Можно еще употребить предложный падеж, но обязательно с предлогом: «...на дереве». Именительный и дательный падежи после глагола **вижу** невозможны, тогда как винительный, творительный или предложный можно даже совместить в одном словосочетании: «Глазами вижу на дереве птицу». Немного тяжеловеснее сказано, но только потому, что на один и тот же глагол навязано сразу три возможных сочетания: «вижу глазами, вижу на дереве, вижу птицу».

Дом бабушки также пример управления, но только именного. Именительный падеж имени управляет родительным падежом имени. В современном языке вообще много типов управления, которые позволяют представить слова каждого словосочетания в их относительной важности.

Примыкание как будто ни на какие грамматические связи слов и не указывает. «Иду быстро» — слова поставлены рядом, примыкают друг к другу — и только. Никакой другой формы слова **быстро** не может быть, наречие не склоняется и не спрягается. Эта связь и стала осознаваться как самостоятельная грамматическая связь двух слов только тогда, когда управление противопоставилось согласованию. Вот в чем дело: примыкание слов друг к другу в предложении было всегда, и это неудивительно, поскольку предложение — это последовательность слов. Однако грамматической связью примыкание стало очень

поздно. Выходит, в языке могут быть изменения, которые вовсе и не изменения? Совершенно верно, очень часто именно так в языке и происходит.

Давайте посмотрим, каким образом последовательно развивались у восточных славян типы словосочетаний, вернее, связи, склеивающие слова в словосочетания.

Мы начали с того, что когда-то в языке не было ни согласования, ни управления, ни примыкания. Слово просто-напросто становилось рядом с другим словом. Вот вам несколько примеров из старинных текстов, которые отражают разговорную речь наших предков. Прочтем эти тексты внимательно и постараемся вникнуть в логику рассуждения, в движение мысли.

Первый пример: «капуста листие варить». Это сочетание можно передать таким образом: «листья капусты варить».

А вот другой пример: «ехати по берегу по низу». Его, наверное, и переводить не стоит, и сейчас кто-нибудь впопыхах может произнести такое сочетание слов, которое означает ехать вниз вдоль берега. Здесь, правда, находим несоответствие современному значению слова берег. Раньше берегом называли крутой высокий берег реки, поэтому «ехать по низу по берегу» в XVI веке (к нему и относится наш текст) вполне правильное выражение.

Сходство между двумя этими примерами в том, что они отражают одну и ту же форму движения мысли. Для древнего человека часть чего-то не может существовать отдельно, сама по себе, оторванная от целого, и потому в его сознании не вы-

деляется особо. Оттого и говорили «капуста листие (варить)», а не «листья капусты» или «капустные листья». В этом выражении все смешано, и все совпадет: **капуста листие** — это и капустные листья, и сама капуста, листья капусты на капустном кочане. Понятия неразделимы в сознании говорящего, поэтому и слова грамматически не расчленены, как не расчленены низ берега и сам берег в целом.

А теперь скажите: управление это? примыкание? согласование? Слова примыкают друг к другу и, завися друг от друга, согласуются по форме. Это и согласование, и управление, и примыкание сразу. Язык постепенно, очень осторожно ищет возможностей для выражения логической зависимости одного понятия от другого. К началу XVI века такой возможностью стал порядок слов. Сначала всегда ставится самое главное слово сочетания, оно обычно обозначает общее; затем помещается слово, которое обозначает часть этого общего. Однако насколько расплывчато это соотношение между словами! Лишь условно можно говорить о том, что перед нами действительно синтаксическая связь двух слов.

Тем не менее, есть и нечто новое по сравнению с более ранними, еще дописьменными временами. Новое в том, что это неопределенное и расплывчатое отношение очень условно по самому своему характеру, но тем не менее оно используется всеми говорящими на русском языке. В самом деле, можно ведь принять и обратный порядок слов, сначала часть, а затем целое, то есть не **капуста листие**, а, наоборот, **листие капуста**. Именно такова последовательность этих слов в современном нам русском

языке. Но язык выбрал то, что выбрал, а эта условность и обязательность выбора конструкции и есть первый шаг в развитии грамматических связей.

Это похоже на печатание фотографий. Вот в ванночке с проявителем показались контуры снимка, они — уже почти готовая фотография. Все есть: и четкость, и глубина изображения, и рамка. Но есть только для вас, сидящего перед увеличителем. Другие никогда не увидят этой фотографии, если вы не промоете отпечаток и не закрепите изображение как следует. Так и в нашем случае. Развитие человеческой мысли дошло до того, что осознает разницу между частью и целым, а грамматика еще не давала средств закрепить это открытие. Смысловой центр сочетания выделен, а грамматический еще нет. На первых порах стали связывать центр мысли с началом сочетания, но ведь и начало-то сочетания тоже относительное понятие, в быстрой речи и не уследишь, где оно. Требовались какие-то более определенные рамки выделения. Какие именно, об этом потом, а сейчас еще несколько примеров.

Вот такой: «куплены нити на шитье на шубы» (куплены нитки на шитье шубы). Действие (шитье) и объект этого действия (шуба) выступают как равноправные элементы мысли.

И еще: «сено косят болотце» (сено косят на болотце). Объект действия и место его нахождения также равноправны по отношению друг к другу. Сено на болотце — сено косят — косят болотце. Мысль не едина и не закончена. Перед нами как бы параллельное движение мысли, захватывающее все предметы и действия и выстраивающее их в общий ряд.

Но то, что я сейчас сказал, относительно просто; легко сообразить, о чем идет речь. С тем же сеном может случиться история и посложнее. Не угодно ли?

«Того же дни взято у крестьян у запольских за пожню за рель за сено за греблю и за метание и за вожение за 101 год 6 рублей московских».

Что же тут главное, что — неглавное? За голову схватишься. Перед нами, разумеется, не однородные члены предложения, как может подумать всякий, незнакомый со значением приведенных слов. Пожня — место, где косят или жнут, рель — заливной луг у реки, где бывает самая лучшая трава, а, следовательно, и сено. Остальные имена существительные обозначают последовательные этапы работы: сено нужно сгрести (гребля), сметать в стога (метанье) и вывезти (воженье). 101 подразумевает 7101 год по старому летосчислению, по-нашему это 1593 год. А теперь будьте внимательны: семь сочетаний с предлогом **за** мы можем разделить на три группы слов, не связанных друг с другом.

«За 101 год» — это само по себе, сочетание указывает на время действия. Такие сочетания и теперь обычны, например: **тройка за первое полугодие**.

Вторую группу сочетаний выделяет сам писец, он дважды пишет и **за**. Значит, в его представлении гребля, метание и вожение объединены как части общего действия (...и ...и). Все остальные части текста легко членятся — легко для читателя конца XVI века, но с трудом для нас. Хотя и для нас древние представления, выраженные такими сочетаниями, уже частично понятны. Это часть и целое: «за пожню за рель» значит **за пожню на рели**, действие

и его объект: «за греблю, и за метание, и за воженье сена». Новым для нас является то, что действие и время протекания этого действия (за сено за греблю... за 101 год), как и во всех прочих случаях, не зависят друг от друга: действие само по себе, и время действия также само по себе, объект действия опять-таки сам по себе, а вот часть и целое — нет: часть — всего лишь часть целого, и разъединить их ни в коем случае нельзя.

Да и порядок следования главного и неглавного здесь уже переменялся. Такая перемена вполне допустима, поскольку все предложение нашпиговано предлогами, и каждый член этого предложения отделен от другого предлогом. Итак: «...за пожню на рели, а также за греблю, мстанье и воженье сена в течение 101 года...» Расшифровка текста отняла у нас не так уж много времени, что же касается его автора, то ему и без того все было ясно, как день: кто же вокруг него не знает, что такое рель, что такое метанье! Вот так, довольно плоско, видел мир наш предок...

Плоско? Это как смотреть. Если в высказывании все одинаково важно, но все-таки важно, настолько важно, что даже предлог для всех слов избирается один и тот же, можно ли говорить о невыразительной плоскости? Может быть, наоборот, чрезмерная выпуклость изображения?

Наш предок видит мир выпукло и четко.

Однако этот графически четкий мир предстает перед ним в каком-то нестройном виде, внутренние связи между лицами и предметами, между предметами и действиями, между качествами и предметами

видятся как-то неопределенно и передаются приблизительно и описательно. Они еще не стали фактом всеобщего знания, не оформились грамматически.

Весь народ в целом, все говорящие на данном языке получают такое знание о внутренних связях окружающего их мира прежде всего из языка. О том, как постепенно в грамматике откладывались крупницы знаний, становясь привычной формой мышления для всех носителей этого языка, можно судить на примере самых простых сочетаний, обозначающих предмет и его качество.

Горит свеча воск яр — цепочка слов с постепенным понижением их смысловой ценности. Важнее всего то, что горит. Затем, что горит. **Горит свеча** — какая? **Из воска**. А каков этот воск? **Ярый**. Теперь ту же иерархию, соотношение предметов и их качеств, мы передадим иначе: **горит свеча яр-го воску**. Грамматически все изменилось коренным образом.

Почему? Для удобства сократим наше предложение — на время лишим его глагольной формы (глаголы-то могут быть самые разные). У нас останется:

Свеча воск яр.

Это обычное для славянских языков назывное предложение, причем по характеру сочетания слов — самого древнего типа. Человек называет предмет и его качество простым присоединением слов в назывной форме и самим перечислением как бы сопоставляет в мысли одно с другим: **свеча... воск** (из которого сделана свеча)... **яр** (способ, каким свеча сделана из воска: воск вытоплен на огне). Грамматически эта связь никак не переда-

ется, поэтому столь нечетко здесь различие между главным и второстепенным, между предметом и его качеством. Как только в сознании возникла необходимость словесно обозначить разницу между предметом и качеством предмета, достаточно было одного-единственного смещения формы, вот такого, например: **на свече, воск яр** — основное для мысли слово изменяется по формам, а все остальные слова сочетания — нет, они остались в прежней форме именительного падежа. Эта форма на фоне изменчивого главного слова как бы застыла, подчеркивая, что в каждом новом сочетании речь идет об одном и том же качестве предмета. Смотрите: **свечи воск яр, свечу воск яр, свечой воск яр...**

От этого камешка, брошенного в тихую заводь, пошли круги. В сотнях сочетаний, возникающих при изменении основного слова, продолжают поиски способов выразить мысль более точно. То изменяется форма зависимого слова, то вводятся указательные слова, союзы или предлоги. Приведем лишь несколько из бесчисленного количества вариантов:

В большинстве таких сочетаний конкретизируется и уточняется отношение качества именно к данному предмету: **свеча, у нее воск яр**. Для других сочетаний важно качество само по себе, оно осознается как постоянное для этого предмета и выражается формой родительного падежа со значением принадлежности: **свеча воска яра** — здесь подчеркивается, что свеча именно восковая (а не сальная, например).

Последующие варианты, как видно из схемы, связаны с морфологическими изменениями. И эти изменения тоже помогают уточнить мысль. Форма родительного падежа **воску** выразительнее указывает на материал, из которого сделана свеча, чем форма **воска**, в которой сохраняется значение количества. Форма **ярого** более определена, чем форма **яра**, потому что указывает на постоянный признак. (И в современном русском языке полные прилагательные по преимуществу выражают постоянный признак предмета, а краткие — временный, переходящий. Сравните: **Наша река спокойная** — **Сегодня река спокойна**.)

Так в конце концов отношения между предметом и его качеством получили грамматическое оформление.

Характер грамматических связей между словами не остается без изменений. Все время, неустанно развиваются новые их типы. Вот, например, управление.

Еще совсем недавно, в XVII–XVIII веках, управление не было окончательно и бесповоротно установившейся грамматической связью слов. Слишком многое зависело от значения слова, от характера

предлога, от сочетания с другими словами — с одним одна связь, а с другим — иная.

Какая приставка при глаголе, такой и предлог после него. Это правило действовало как закон. **Пойти** — обязательно: **по...** воду. **Зайти** — только **за...** водой. **Выйти** — непременно **в ...** поле. **Сойти** — **с...** горы или еще с чего-нибудь. В современном языке возможны варварские, с точки зрения древнего русича, сочетания, такие, например: **пойти за водой**, или **выйти... за околицу**. Наш предок пришел бы в ужас от сочетания вроде **повадился за...** Для него возможно только **«въвадился волкъ въ овце»**. До сих пор старушки в деревнях говорят **пойти по воду**, потому что **пойти за водой** — это городское и совсем неправильное выражение, оно когда-то значило: **пойти вслед за водой**, вниз по течению речки.

В конце XVII века и в продолжение XVIII века происходил важный для языка процесс: каждое слово определяло тот круг предлогов и падежей, с которыми впредь оно могло употребляться, с помощью которых оно могло управлять другим словом. Какому глаголу винительный, какому — творительный, какой с предлогом, а какой — нет. В письмах того времени на каждом шагу встречаются несуразности вроде следующих:

«Как скоро письмо окончу, то к тебе его сообщу. Я вами совсем не известен.»

«А что до меня касается...»

«Когда нет способа избавиться клевет...»

«Убегайте их, они — яд, они — желчь.»

«Но вместо того многие ей смеялись.»

«Должны трепетать моего взора.»

И многие другие.

В это время обычнее всего — отсутствие предлога при глаголе. В комедии «Недоросль» провинциальные герои Фонвизина говорят именно так, по старинке.

Простакова: Я с одной тоски хлеба отстану (то есть отстану от хлеба).

Скотинин: Я отроду ничего не читывал, сестрица! Бог меня избавил этой скуки (избавил от этой скуки).

У писателей XIX века еще много примеров такого странного для нас соединения слов. У Достоевского: «Наш прокурор трепетал встречи с Фетюковичем...» У Глеба Успенского: «Начальство сельское его трепетало». Всюду родительный падеж без предлога. У Достоевского: «Итак, что же тогда руководило вас в ваших чувствах ненависти?» У Лескова: «...везде бедных людей руководствую». Всюду винительный падеж без предлога, хотя по форме он и похож на родительный.

Ничего удивительного в таких сочетаниях нет. **Трепетать и руководить** — глаголы бесприставочные, и потому никакого предлога за ними не должно быть. А похожие по смыслу другие глаголы и до сих пор сохранили управление винительным или родительным падежом без предлога, сравните: **трепетал от встречи и боялся встречи, руководил вами и вел вас.**

В этих парах положение изменилось только для **руководить и трепетать.**

Вообще всякое изменение грамматической связи слов обычно связано с каждым глаголом отдель-

но. Не может ни в каком языке образоваться такого положения, что одновременно рвутся все прежние связи слов, заменяются новыми или исчезают вовсе. Оформление новых грамматических связей происходит постепенно, от одной группы глаголов к другой; к одной люди привыкли — изменение начинается в следующей. Вот почему подобные преобразования всегда столь длительны. Они связаны с изменениями значения слова в тексте, в каждом конкретном тексте.

Например, разорвалась в каком-то месте связь между глаголом и предлогом — и сразу же один предлог сменился другим, уже со своим собственным, новым для этого сочетания значением. Вот как Лев Толстой описывает старого князя Болконского: «Он сделался еще более раздражителен, чем прежде, и все вспышки его беспричинного гнева большею частью обрушивались на княжне Марье». Прежде, давно, до Толстого, следовало бы сказать «обрушивались о(б) княжну Марью» — с винительным падежом и с предлогом, равным приставке. Однако изменилось значение самого глагола, оно стало более широким и даже (как в данном случае) получило переносные оттенки значения. Княжна Марья, стареющая и робкая, вовсе не утес, об которой обрушивается волна отцовского гнева.

Собственно, лексическое значение глагола настолько разрослось, что прежние синтаксические связи с другими словами уже не устраивают ни язык, ни мастера, который тонко и творчески его чувствует: слишком уж они узки, не соответствуют новому содержанию слова.

Перечитайте Толстого. Весь его язык — это чуть-чуть сдвинутые связи слов, но сдвинутые не произвольно и грубо, а так, как это допускается языком. Предлог на связан и с винительным, и с предложным, и потому данный сдвиг оправдан как факультативный и вполне возможный, его поймет каждый человек, знающий русский язык. Может быть, и поморщится иногда, а может быть, и восхитится, но — поймет и примет.

Так, в конкретных текстах у талантливых писателей или в речи особо одаренных людей язык проверяет свои возможности, язык «тренируется». Кое-что из опробованных новшеств входит в общий язык, большинство же — нет. Так и остается в романе или в поэме, всегда пленяя тонкостью поэтического эксперимента. Но оценить эту тонкость, насладиться ею может только человек, сам прекрасно чувствующий свой родной язык. Кстати, и под пером писателя эти «тонкости» возникают не «вдруг», потому что талантлив. Воздушные стихи Пушкина переписывались десятки раз, его черновики исчерканы до предела. Лев Толстой на отдельных листках проверял возможности русских слов: возьмет, например, глагол идти и смотрит, с какими приставками, с какими предлогами, с какими именами существительными после них этот глагол в русской речи возможен, с какими оттенками, в речи какого персонажа и почему. И оказывалось, что идти может использоваться в тысяче сочетаний — и каждый раз со своим оттенком, со своим словесным и грамматическим ароматом. И только проделав такую изнурительную исследовательскую работу, писатель

решался самую маленькую частицу этого труда использовать в своем произведении, так, что не всякий и заметит его новшество, но унесет с собою в сердце аромат необычного, красивого, талантливое.

В первой половине XIX века, уже после Пушкина, в новом русском литературном языке современные синтаксические связи — согласование и управление — в основном сложились. Осталось кое-что доделать, кое-что и до сих пор доделывается, но это уже частности, случайности, мелкие огрехи. Основное сделано. Каждое слово в сочетании, как горошина в стручке, — на своем месте. Вот самая крупная, уже созрела, а по сторонам — помельче и посочнее. И каждая сидит на стебельке, не перекачивается без толку.

И вот только когда это произошло, когда на место прежней неразберихи и путаницы пришла четкая связь либо согласования, либо управления, странными показались те слова из сочетания, которые никак своей формы не меняли, но при этом постоянно относились к одному и тому же члену предложения. Наречие, например, всегда относится к сказуемому: свеча горит — ярко... Если в языке все подчинено закону взаимной связи, ясно, что и видимое отсутствие связи тоже является связью — но другой, необычной, «ущербной», в буквальном смысле слова бесформенной связью. И лингвисты назвали такую синтаксическую связь примыканием. Очень удачно назвали и верно.

РАССКАЗ ДВЕНАДЦАТЫЙ

вассальной зависимости
падежей и об их
падении

«Прямо из леса огрызком карандаша брат написал маме письмо о жизни в лагере.»

Если я попрошу вас определить в этом предложении падежные формы имен существительных, вы назовете именительный, родительный (два раза), дательный, винительный, творительный и предложный (тоже два раза). Итого шесть падежных форм. С точки зрения современного русского языка именно так и есть. Однако если взглянуть на дело с точки зрения истории языка, то окажется, что в нашем предложении не шесть, а восемь падежных форм, и каждая из них употреблена по одному разу. Следовательно, расхождения между современным русским языком и языком древних славян касаются теперешних родительного и предложного падежей.

И действительно, каждый из этих падежей образовался из прежних двух. В родительном совпали родительный и отложительный, а в предложном — местный и изъяснительный.

Число падежных форм в различных языках мира не ограничивается этими восемью. Общее число па-

дежей по разным языкам достигает тридцати — тридцать падежей! — хотя и нет ни одного языка с таким количеством падежных форм. Некоторые из падежей исключают возможность других или, наоборот, требуют обязательного присутствия третьих. В финском языке 15 падежей, в венгерском 22 — значительно больше, чем в русском, но все-таки не тридцать. Такого важного падежа, как винительный, нет в финском, но его заменяет целых три других падежа.

Да и в древнем славянском языке была еще одна форма, девятая, которую иногда называют падежной. Вы могли ее встретить, читая произведения русских классиков. Помните, как обращалась к бедняге старику золотая рыбка? «Чего тебе надобно, старче?» Не старик, или старичок, или старина, а именно старче. Рыбка была волшебная, и, следовательно, очень древняя. И потому называла человека, к которому обращалась, по старинке, используя этот самый падеж — звательный.

Однако от всех остальных падежных форм звательная отличалась своими особенностями: иногда она просто совпадала по форме с именительным падежом. Сравните именительный падеж слов село, день, мати и звательный: село, день, мати. Поэтому оставим звательную форму в стороне и внимательно присмотримся к остальным восьми. Каким образом они относились друг к другу в предложении? Как изменялись в русском языке? Почему их стало меньше, чем было когда-то?

Предложение, с которого начинается этот рассказ, выражает какую-то мысль. Сама мысль вам понятна, и поэтому о содержании сообщения мы

больше не будем говорить. Другими словами, мы на время забудем о конкретном (моем или вашем) брате, его маме и даже о письме, которое он пишет. Нас интересует сейчас только роль существительных в предложении.

Без каких существительных наше предложение не стало бы предложением? Очевидно, без тех, которые непосредственно участвуют в описании действия. Все равно — обозначают ли они действующее лицо, или орудие действия, или предмет, который подвергается этому действию.

Таким образом, падежные формы **брат... огрызком... маме письмо** — это центральная часть высказывания. Если мы рассмотрим любое большое число предложений, сочиненных нами или извлеченных из книг, положение не изменится. Всегда центральная часть сообщения связана с именительным и винительным, дательным и творительным падежами (кто кому что и чем делает).

Если есть необходимость уточнить сообщение или обогатить его разными дополнительными сведениями, мы пользуемся остальными падежными формами. Например, в данном случае добавляем: **брат пишет из леса**, потому что он живет в туристском лагере, **пишет он огрызком карандаша** (а не огрызком яблока или еще чего-нибудь, что скорее найдешь в лесу) и **пишет о жизни**.

Современный родительный и предложный падежи имеют в литературном языке массу различных падежных значений.

Поскольку нас интересует взаимное отношение падежных форм в древнем языке, учтем все четыре

второстепенные падежные формы нашего предложения: отложительный, родительный, изъяснительный и местный падежи.

Итак, восемь падежных форм разделились на две большие группы падежей, которые мы по их важности в изложении основной мысли назвали центральными и второстепенными.

Вернемся к центральным падежам. Они в свою очередь также важны не в равной мере. Важнее всего те, которые составляют костяк предложения, выражая субъект (действующее лицо) и объект действия (предмет, на который переходит действие). В нашем предложении — **брат и письмо**, то есть именительный и винительный. Если подсчитать, сколько раз употребляется тот или другой падеж в нашей речи, окажется, что эти две падежные формы — самые распространенные, особенно именительный. В повести Карамзина «Бедная Лиза» именительный и винительный вместе составляют почти 55% всех падежных форм, употребленных писателем; реже всего встречается дательный: всегда, во все периоды истории языка он — самый редкий падеж. В разговорной речи персонажей этой повести употребительность именительного и винительного падежей доходит до 64%. Такое же соотношение между именительным-винительным и всеми остальными падежами сохраняется в разговорной речи до наших дней.

Ничего удивительного: предложения без именительного падежа очень редки. Ведь именительным падежом бывает выражено подлежащее. Винительный же падеж совершенно необходим в тех случаях,

когда мы не хотим ограничиться высказываниями типа «Я пришел», «Он принес», «Кот выпил», а говорим: «Я пришел в дом», «Он принес дрова», «Кот выпил молоко». Из подобных примеров легко уяснить разницу между именительным и винительным падежами: они противопоставлены друг другу как выраженис субъекта и объекта действия.

Впрочем, это вы и так знаете. Я хотел только напомнить об этом.

А знаете ли вы, что и творительный падеж также служит для выражения действующего лица (или действующего предмета)? **Брат пишет огрызком...** — обе именные формы связаны с глаголом, передающим характер действия. Еще заметнее значение «субъекта» в творительном, обозначающем одушевленное лицо. Вспомните: «Мы с Тамарой ходим парой...» И **я**, и **Тамара** — мы ходим парой. **Тамара** здесь такой же субъект действия, что и **я**. То же самое и во всяком другом предложении, в котором форма творительного падежа связана с одним из главных членов предложения.

Однако имеется и отличие этого падежа от именительного: творительный передает только соучастие в действии. В нашем примере **огрызок** (карандаш) — действующий предмет, но без помощи **брата** он не способен был бы выступить в этой своей функции. Точно также **Тамара** только часть пары, одна из тех, кто скрывается за местоимением **мы**.

Творительный может указывать на второстепенный субъект действия (то есть он равен именительному), а дательный указывает на второстепенный объект действия (а значит, и равен винительному).

В нашем предложении дательный падеж имени обозначает адресат действия — маме.

Сказанное можно подтвердить и обосновать многими лингвистическими фактами. Проведем небольшой эксперимент. Вот два предложения.

1. Собака заметила кошку (именительный и винительный падежи).

2. Быть бычку на веревочке (пока дательный).

Изменением глагольных форм «перевернем» высказывания таким образом, чтобы изменились падежные формы, хотя бы так:

1. Кошка замечена собакой (именительный остался, а вместо винительного — творительный).

2. Бычка возьмут на веревочку (теперь винительный).

Общий смысл предложений, их содержание существенным образом не изменилось. В новых предложениях, как и в предыдущих, логические отношения сохранились. По-прежнему собака является действующим лицом, по-прежнему бычок является объектом какого-то неприятного действия. Смысл тот же.

Однако грамматические средства выражения этих отношений изменились, и изменились очень интересным образом.

Предложения первой группы (1) указывают на некоторое сходство в значении именительного и творительного падежей: собака и собакой в обоих случаях обозначают логический субъект, действующее

лицо. Предложения второй группы (2) указывают на сходство в значении винительного и дательного: **бычку** и **бычка** в обоих случаях обозначают объект действия. Выходит, мы верно определили связь в логических значениях именительного — творительного и винительного — дательного падежей. Это грамматические вариации логических отношений, вот что это такое.

Таким образом, центральные, главные падежи четко делятся на две группы, одинаково обозначающие отношение субъекта к объекту действия.

Отложительный и местный — самые неустойчивые формы всей падежной системы. Их значение заключается в обозначении второстепенных, и притом сопутствующих, обстоятельств. Друг другу отложительный и местный противопоставлены по такому принципу. Исходная точка движения передается отложительным падежом: **из лесу**; вспомните: «Я из лесу вышел, был сильный мороз...» Отложение от исходной точки — отложительный падеж. А состояние покоя, отсутствие движения — это местный падеж; **в лесу** (в нашем предложении — **в лагере**). Оказывается, что в центральных падежах противопоставлены значения деятеля и бездеятельности (именительный и винительный), а во второстепенных — начало действия бездействию (отложительный и местный).

Итак, падежные формы по своей функции в предложении неравноценны. С одной стороны, зависят друг от друга, а с другой — противопоставлены друг другу. Именно в силу такой иерархической связи они и образуют строгую систему подчинения

друг другу — в зависимости от их роли в предложении: менее важное, более важное, очень важное. Совсем как в сложной системе вассальной зависимости, характерной для средневековой Европы.

Наша современная система от древней отличается только одним: у нас исчезли отложительный и местный падежи, то есть исчезли сопутствующие значения второстепенных падежей. Они оказались самыми несущественными.

В историческом изменении победили главные формы второстепенных падежей — родительный и изъяснительный. Только изъяснительный называется теперь иначе — это наш предложный падеж. Свое название он получил (довольно поздно, фактически только в современной научной грамматике) по той причине, что во всех значениях этот падеж стал употребляться обязательно в сочетании с каким-нибудь предлогом. Старое предложение «Сидел князь Киевѣ столѣ» можно передать так: «Сидел князь в Киеве на престоле». Видите, даже вполне независимый старый местный падеж получил предлог — и стал предложным падежом.

Долгое время местный падеж сопротивлялся слиянию с изъяснительным. Особенно упорно сохранялись беспредложные формы со значением времени, их употребляли еще в середине XVI века, при Иване Грозном. Например: «Зимѣ поехал князь на Московь».

Обе обиженные судьбой формы — отложительный и местный падежи — находили все новые и новые возможности для отличения от побеждающих их родительного и изъяснительного. В одних

случаях это был предлог, который никак не желал сопрягаться с местным падежом или, наоборот, не расставался с отложительным. В других — важное значение получало ударение. Еще у поэта и переводчика середины XVIII века Тредиаковского мы можем найти разные ударения в таких, например, сочетаниях: хищение зéмли, но — ушел с землѝ. Посмотрите на значения этих сочетаний: первое полностью соответствует старому родительному падежу, а второе — старому отложительному. И различаются они ударением, а также своим отношением к предлогу: при родительном падеже предлога нет, тогда как отложительный без предлога никак не может быть.

Странно, скажете вы: так или иначе, формой или значением, но падежи-то различаются! Следовательно, они существуют объективно, на самом деле? Нет, если вы так подумали, значит, вам неясен характер грамматического изменения. Изменяется ведь не одна форма (форма как раз чаще всего и сохраняется в языке) и не одно значение, изменяется единство, слитность грамматической формы и грамматического значения. То есть то нерасторжимое единство, которое и создает падежную форму.

До сих пор мы говорили только о литературном языке. Упрощение падежной системы может идти и дальше, и в русских диалектах встречаются многие следы такого возможного упрощения.

В некоторых диалектах совпадают формы родительного и предложного падежей единственного числа имен женского рода. В таких говорах говорят о сестре, на земле и вместе с тем — у сестре, из

земле. Может быть обратное отношение: оба падежа совпадают в форме родительного падежа: **у сестры, из земли**, но вместе с тем — **о сестры, на земли**. В других случаях совпадают творительный и дательный падежи (но лишь во множественном числе): говорят **по рукам** и вместе с тем — **с рукам** вместо **с руками**. Иногда такие формы попадают и в литературное произведение, вспомним **с усам** в сказке «Конек-Горбунок»: «Вдруг приходит дьявол сам с бороδοю и с усам».

Однако все такие совпадения падежных форм все-таки отличаются от утраты падежа. Ведь совпадения происходят не у всех существительных. Например, в одних типах склонения родительный с предложным смешиваются, а в других не смешиваются. Как говорили, так и говорят: **на столе** и **у стола**. Даже в том же типе склонения, который в единственном числе смешивает родительный и предложный, во множественном числе эти падежные формы по-прежнему различаются: **у сестер** и **о сестрах**. Совсем разные формы, и мы их не смешиваем, и в говоре они также различаются. Нет, это не утрата падежей, это их смешение.

По письменным памятникам мы можем проследить развитие нашего языка за тысячу лет. За это время произошло множество изменений: из семи типов склонения (да еще со многими вариантами) образовалось три, вместо трех чисел (единственное, двойственное и множественное) нам известно теперь только два, совпали друг с другом или вытеснили друг друга разные падежные окончания, во множественном числе почти перестали различаться

существительные мужского, среднего и женского рода... И так далее до бесконечности. Сотни и сотни замен, подстановок, различных, иногда не отмеченных в памятниках изменений. В речи одного человека и в речи многих людей, случайных и намеренных длительных и моментальных, забавных и поучительных... Из бесконечной практики речи рождается обновленный язык.

РАССКАЗ ТРИНАДЦАТЫЙ

словах «сей» и «оный»
и о том, чем отличается
«тот» барбос от «этого»

Вдумываясь в характер слов, в то, как они обозначают различные предметы и явления, можно подметить одну подробность. Оказывается, среди многих обычных слов попадаются и необычные по своей как будто бы неопределенности.

Стол — всегда стол, по одному слову дерево мы можем представить дерево, а услышав мальчик, — приблизительно описать, как этот мальчик должен и может выглядеть.

А Вася? Вы можете описать, как выглядит Вася? Если среди ваших знакомых есть и Вася, вы опишите его. Еще лучше, если вы сами — Вася, тут и напрягаться не нужно. А если я попрошу описать просто Васю? Сразу — любого Васю? Не станете ли вы описывать кота? На том основании, что почти каждый кот — Вася...

Вот что это за особые слова — самые конкретные, связанные с определенной индивидуальностью: просто Вася, просто Иван, просто, наконец, Барбос, и вместе с тем — это всеобщие слова: всякий Вася, всякий Иван, всякий, наконец, Барбос. В

современном языке имеются какие-то ограничения в использовании подобных слов. **Иван** — всегда человек, взрослый мужчина. **Вася** может быть и приятелем, и мальчиком, может быть и соседским котом. **Барбос** же — определенно пес, большой и злой. Однако подобные ограничения в разные эпохи могут различаться. Было время, и не так давно, когда кошки считались дорогими и изысканными животными, их держали только господа, и Васями отнюдь не называли. Было также время, когда Барбос был известен как испанский разбойник из переводного романа, усатый и свирепый, а Полкан — как получеловек-полусобака огромной силы из «Повести о Бове королевиче», любимой сказки Пушкина. Вот тогда, в то время, было бы странно считать, что Барбос или Полкан — это обязательно собака, да еще обязательно сторожевая собака. Тем не менее, какие-то свойства Барбоса-разбойника привели к популярности и распространению собачьей клички. Теперь, когда мы позабыли о старом переводном романе, Барбос для нас всего лишь сторожевой пес, хотя и не обязательно свирепый.

Есть и еще одна группа необычных слов, которые вообще сами по себе никакого определенного значения не имеют. Вспомните сценку из сказочной истории об Алисе в стране чудес. Мышь говорит: «Итак, я продолжаю. Эдвин и Моркар, графы Мерсии и Нортгумберленда, объявили ссбя на стороне Вильгельма, и даже Кентерберийский архиепископ Стайджент, известный патриот, нашел это благородным.

— Нашел *что*? — спросила Утка.

— Нашел это, — сказала Мышь раздраженным голосом. — Вы, конечно, поняли, что значит *это*?

— Я отлично понимаю, что значит *это*, когда сама что-нибудь нахожу, — заметила Утка. — Это обыкновенно лягушка или червяк...»

Действительно, оказывается, у каждого свое представление о том, что такое *это*: *это* — самое общее слово. Все на свете может быть *это*, стоит только приставить *это* к слову: *это окно* — не любое окно, а то, что ты видишь или о котором думаешь в данный момент. И ничего удивительного нет в том, что голодная утка представляет себе *это* в виде сочного червяка.

А что под подобным словом понимал темный мужик Аким из пьесы Льва Толстого «Власть тьмы»? Вот образец его речи: «Опять ты, значит, старуха, не тае, и всё ты не тае, всё, значит, не тае...» А старуха в ответ: «Вот только и речей от орла от моего — тае, тае, а что тае — сам не знаешь...» Нет, наверное, все-таки знает, да сказать не может. Или не чувствует потребности говорить более определенно. В другом случае для той же цели (говоря, ничего не сказать) могли выбрать другое местоимение:

«Было тут слово *то-оно*. Починовец прибежал к нему каждый раз, когда ему не хватало подходящего слова. *То-оно* означало что угодно, и слушатель должен был сам догадываться, о чем может идти речь. Это было нечто вроде существительного, общего и смутного, пригодного для любого понятия и точно не выражающего никакого» (В. Г. Короленко).

Это — то — оно... Ситуации в этих отрывках описаны разные, выбор местоимения для передачи

общей растерянности и недоумения также различен, но есть между ними и нечто общее: это всегда все-таки местоимение. **Это** — самое общее слово. Всё может быть это.

Но не всегда само слово это было в русском языке. В памятниках письменности оно встречается только с XVII века. К старому местоимению то спереди прибавилась указательная частица ге (или йе) в разных своих видах. По говорам и до сих пор произносят не ставшее литературным это, а гето, ето, звто, энто, эсто — кто во что горазд.

Разница между это и то всякому ясна: что поближе — это, что подальше — то.

В древности же соотношение указательных местоимений было иным. Для форм среднего рода (поскольку мы все время говорим пока о среднем роде) это соотношение выглядело так:

се — самый близкий предмет, по своему значению это указательное местоимение соответствует личному местоимению 1-го лица: «Се яз есмь» значит «Это я»;

то указывает на предмет второй степени дальности, связано не с говорящим лицом, а с его собеседником; по своему значению это указательное местоимение соответствует личному местоимению 2-го лица: «То ты еси» — значит «Это ты» (а не я);

и, наконец, оно указывает на предмет или явление третьей степени дальности, не относится ни к говорящему, ни к его собеседнику. Оно связано с кем-то или чем-то третьим, что в данный момент находится далеко, недоступно ни зрению, ни осязанию. В старых текстах мы и встречаем выражения

вроде «пошел на он пол моря» — на ту половину моря, на ту сторону, которая отсюда и не видна, но можно догадаться, что она есть. Или вот обычная запись в летописи: «в оно время» — в то далекое время, о котором сохранились только сказания, но очевидцев опять-таки нет.

Это указательное местоимение, таким образом, по своему значению соотносится с личным местоимением 3-го лица, которого... у древних славян во все и не было. Должно было быть, но не было:

яз — есмь — се
ты — еси — то
? — есть — оно

Вместо «?» вы можете записать любое имя существительное, но не личное местоимение — его нет.

Зато было четвертое указательное местоимение, самое короткое: и — для мужского рода, е — для среднего, я — для женского. Скорее, и не местоимение вовсе, а частица, которая указывала на определенность качества: прибавляется к прилагательному или местоимению — значит, признак или предмет, обозначаемый прилагательным или местоимением, является определенным, известным, тем самым. Нечто вроде определенного артикля в английском или немецком языках: се и сее, то и тое, оно и оное.

Свои формы такого типа были и для мужского, и для женского рода. И у имен прилагательных то же самое. Сказано **домъ бѣль есть** (дом бел) — значит, утверждается, что дом является белым, обозначение его белизны и есть основной смысл высказывания,

ради этого сообщения и предложение составлено. Сказано **бѣльи домъ стоитъ** (белый дом стоит) — значит, об уже известном своей белизной доме сообщается нечто новое. С течением времени указательная частица **и-я-е** исчезла из языка как самостоятельное слово, потому что с ее помощью и при ее непосредственном участии стали образовываться полные формы прилагательных, причастий, местоимений, числительных... Раньше были возможны только **сь, ся, се, бѣль, бѣла, бѣло**, а прибавились указательные частицы, и все стало определеннее: **сен, сия, сие, белый, белая, белое**.

С появлением полных указательных местоимений краткие стали исчезать. Исчезло и местоимение **оно**. Вернее, исчезло в качестве указательного местоимения, став личным местоимением **он**, заполнив пустующую клетку в системе личных местоимений, где раньше стояло «?»:

яз — есмь — се-и (ибо **се** стало наречием, а в форме мужского рода **сь** вообще исчезло);

ты — еси — то-и (**то** стало союзом, а в форме мужского рода **ть** вообще исчезло или его стали повторять дважды: **тъть**, отсюда появилось **тот**);

он — есть — оны-и (**онъ** стало личным местоимением).

Хотя местоимению **онъ** удалось пристроиться к системе, ему пришлось при этом расстаться со всеми формами косвенных падежей.

Вы обращали внимание на то, что именительный падеж местоимения **он** совсем не похож на косвен-

ные падежи: **его**, **ему** и т. п.? Как будто перед нами формы двух разных слов. И в самом деле, **его**, **ему**, **им** — это формы местоимения **и**, того самого, которое участвовало в образовании полных прилагательных и местоимений. Местоимение 3-го лица от указательного местоимения **онъ** взяло только именительный падеж. А все остальные падежные формы оказались лишними, вышли из употребления и исчезли из языка.

Не менее драматична судьба и многих других местоимений. Когда-то личные местоимения имели по две формы — полную, например, **мене**, **тебе**, и краткую: **мя**, **тя**. Сохранились только полные, а краткие исчезли, как вообще стали исчезать краткие формы местоимений и прилагательных. Осталась только краткая форма возвратного **себя** — она выглядела как **ся**. Осталась и стала употребляться как возвратная частица при возвратном глаголе: **собирать ся**, а потом окончательно потеряла самостоятельность и превратилась в часть слова: **собираться**.

Вернемся, однако, к указательным местоимениям. На место трех прежних степеней дальности пришли две: **тот** — **этот**. Правда, в качестве архаического долго еще сохранялась и основанная на прежней системе пара **сей** — **оний**. До середины прошлого века. Вот примеры из художественного произведения (Я. Бутков. Петербургские вершины) и из научного трактата тех времен:

«Это внимание [дамы] возбуждено шпорами, но глаза ее встречаются с усами, и — о счастье! — оказывается, что **сии** усы и **оние** шпоры принадлежат одному лицу. Какое милое сочетание!»

«Известные события... не позволили мне обнародовать приготовленного снимка с **оных** [листов] даже и до дня сего».

Эта пара окончательно ушла из литературного и разговорного языка, и только язык милицейского протокола нет-нет да и помянет их, когда понадобится строго и педантично разграничить свидетеля (сей), пострадавшего (тот) и преступника (оний). Да очень грамотные люди, знающие древний язык, из озорства могут припомнить ушедшие в вечность формы.

В одном из романов К. Федина описан такой случай:

«Он сморщил нос, слегка пофыркал и прогнусавил речитативом:

— Хи-Хи! Стихи! Люблю стихи я,

Зане оне — моя стихия...

...Ергаков закричал: — Я посрамлен! Какой блеск рифмы, а?! и что за элегантная вольность в обращении с грамматикой!.. Стихи, насколько понимаю, род мужеский — и вдруг они стали **оне!** а?»

Действительно, древней формой именительного падежа множественного числа для мужского рода была **они**, а для женского все-таки не **оне**, а **оны**. **Оне** появились довольно поздно, уже в русском языке, под влиянием другого местоимения, тоже женского рода — **сее**. Выходит, оба героя романа неправы, но неправы относительным образом: Ергаков вспоминает не древнерусскую, а церковнославянскую форму, выученную в гимназии: для женского рода — **оне**.

Грамматическое изменение можно сравнить с изготовлением деревянного мальчика из полена. Мастер неторопливо обрезает лишнее, на пол летит стружка, постепенно вырисовывается вид куклы: формируются щеки, открылись глаза, зашевелились губы. Но вот, когда все уже почти закончено, и папа Карло, довольный, отряхивает с брюк опилки, — вдруг совершенно самостоятельно и без всякой видимой причины у человечка вытягивается длинный острый нос, и он навсегда превращается в Буратино.

А разве мы, проследив изменение местоимений, в конце концов не получили такого же сюрприза?

Только-только на основе прежнего троичного противопоставления образовалась новая система указательных местоимений, вполне логичная и уж во всяком случае определенная, по крайней мере, красивая: **сей — тот — оный**.

Она хороша и тем, что четко соотносится с личными местоимениями:

я — сей	мы — сии
ты — тот	вы — те
он — оный	они — оные

И вот тут-то вытягивается длинный нос Буратино — и тотчас все смешивается: вместо четкого троичного противопоставления теперь устанавливается столь же четкое, но совсем другое противопоставление — двоичное: **тот — этот**. Зато такое противопоставление может относиться к любой форме лич-

ного местоимения: я — и тот, и этот; ты — и тот, и этот; он — и тот, и этот.

Ну, что же, разве такой принцип указания менее удобен? Пожалуй, он еще лучше отражает сущность указательного местоимения, потому что стал универсальным, всеобщим. Что такое это? Все может быть это. Все вокруг стало это.

Тут бы и закончить рассказ, но внимательный читатель, вернувшись к началу его, непременно скажет: «А причем здесь Барбос? И что общего между Барбосом и этим?»

А ничего общего между ними и нет, как нет ничего общего между **Барбосом** и **этим Барбосом**. Чувствуете разницу: **Барбос** — **тот Барбос** — **этот Барбос**? Да-да, совершенно верно, словечко **это**, не имеющее собственного определенного значения, присоединяется ко всеобщему **Барбос** и позволяет из массы Барбосов выделить именно этого Барбоса, связать имя с определенным существом. **Этот** становится живой водой, которая в каждой данной, конкретной ситуации как бы оживляет слово, настолько неопределенное по значению, что его можно отнести чуть ли не к любому существу.

РАССКАЗ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

щё о временах,
но совсем других

Слово **времена** и теперь имеет много значений, и прежде отличалось тем же. Оно обозначало и длительность времени вообще, и определенный час, и пору — все, что связано с большей или меньшей длительностью. Даже надстрочные знаки в рукописных текстах, которые обозначали долготу гласного, звались временами. А название древнейшей русской летописи начинается так: «Се повести временных лет...», что удачно передано пушкинским:

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой...

И те особенности глагола, которые связаны с обозначением действия во времени, тоже издавна назывались временами. Вот об этих-то временах и пойдет наша речь.

Вдумайтесь в притчу: «В некотором царстве, в некотором государстве...» Тавтология — повторение одного и того же? Что царство, что государство — все едино? Простое усиление, как принято в сказках?

Ни в коем случае! Это сказочное уточнение, вводящее нас сразу во время и в место действия: в **некотором царстве** указывает какое-то неопределенное время, потому что когда-то, очень давно, со словом **царство** связывали не территориальное расположение какого-то государства, а время его существования.

До сих пор историки говорят, например: царство Сасанидов, эпоха Первого царства. А вот в **некотором государстве**, действительно, указывает нам место действия, такое же загадочное и столь же неопределенное. Так что никакой тавтологии первоначально здесь не было.

Нет тавтологии и в **жили-были...**

Вы уже прочли рассказ, в котором говорилось о **жили-были**. Вот какое длинное предложение! По-древнерусски я должен был передать эту свою мысль так: «Вы есте чли жили-были». И не нужно никаких уже, и никаких **про-** в **прочли**, и никаких **о** (**о жили-были**), все ясно и так. В самой конструкции фразы со сложным прошедшим временем все эти оттенки, связанные со временем действия, передаются формой глагола.

Глагольных времен в древности было много, каждое со своим смыслом и для своих целей. В тех иностранных языках, которые вы изучаете в школе, можно найти некоторое сходство с древней славянской системой глагольных времен. Например, так же как в современном английском, у наших предков были основные, главные времена и относительно им подвластные, так называемые исторические времена.

В обычном повествовании употреблялись главные времена: настоящее и простое прошедшее, которое ученые обозначили термином «аорист». Как его называли в древности сами славяне, мы не знаем. Различались аорист и настоящее время окончаниями: **ходить** и **ходятъ** — настоящее время 3-го лица, **ходи** и **ходиша** — аорист того же 3-го лица в единственном и множественном числе. Вместо того чтобы сказать **они ходили**, говорили просто: **ходиша**. И без местоимения, и вообще без подлежащего каждому было ясно, что ходило много людей, но никого из присутствующих при разговоре там не было (ходили совсем другие люди), что это их хождение не связано ни с какими другими их действиями, существует само по себе и уже завершилось. Видите, сколько подтекста в коротком тексте из одного слова!

Форма **ходили** в то время сама по себе не употреблялась, была только кусочком другого глагольного времени, которое называлось «перфект». **Ходили суть** — так выглядело это время в форме 3-го лица множественного числа. С этой формой связано не просто сообщение о действии: **ходили** — и все тут. Нет, эта форма имела свой собственный подтекст: **ходили**, но результат этого хождения, его отдаленные последствия существуют еще и в момент речи; они представляются важными еще и тогда, когда собеседники вспоминают поход.

Почему обязательно — поход? Потому что в летописях глагол **ходити** всегда связан с военным походом на соседние земли. «**Ходиша новгородци к Смоленску**» — простая констатация факта: был поход.

А вот другое сообщение Новгородской летописи: «И не сведаем, откуда суть пришли.» Пришли неизвестно откуда враги, они не просто пришли: горестные последствия их прихода налицо, связаны с моментом записи.

А вот и другой рассказ — об очень отдаленных событиях, последствия которых вовсе забыты: «Пришли бо бяху в 7 лодии» — враги (когда-то очень давно) приходили на семи кораблях. Такое прошедшее время, с другим значением и с другим вспомогательным глаголом, теперешние ученые называют «плюсквамперфект». А еще были глагольные времена, которые в современных исторических грамматиках называются «имперфект», «футурум экзактум» (вот как сложно и непонятно, на латинский образец), были и другие, о которых здесь и вспоминать не будем. Все они вместе, завися друг от друга, служили важной цели — соотнести последовательность времен с реальным действием в прошлом или в будущем. Попробуем в этом клубке разобраться.

Предлагаю вам начало рассказа о том, как русский князь Ярослав Мудрый узнает о смерти отца (Владимира Красно Солнышко), и о том, что его брат одного за другим устраняет со своего пути претендентов на Киевский престол:

- (1) Слыша Ярослав яко отец его умре,
- (2) а Святополк седе в Киеве, избивая братью свою,
- (3) уже бо бе Бориса убил и на Глеба послал есть...

Причастия в этом тексте также играют активную роль, передавая последовательность действий в строгом соответствии с обстоятельствами дела.

В первой части одно предложение, но две мысли: отец умер — сын это узнал. Действующие лица разные, поэтому оба действия уравниваются в грамматических правах, оба переданы прошедшим временем, простым прошедшим временем, которое вы уже знаете: аористом.

Во второй части две мысли, но одно действующее лицо: Святополк сел (то есть стал править) в Киеве и при этом убивал своих братьев. Главное действие опять-таки передается простым прошедшим временем (седе), второстепенное же действие происходит одновременно с главным и поэтому обозначено причастием настоящего времени (избивая).

В третьей части раскрываются предшествующие этому событию. Оказывается, Святополк Окаянный (именно так его стали называть в народе после злодейского убийства братьев) уже успел убить своего брата Бориса. Передается прошедшее завершенное действие, результаты которого в момент основного действия уже несущественны. Убийство совершено только-только, но для общей линии рассказа оно является уже давним, употреблена форма плюсквамперфекта, то есть преждепрошедшего времени (бе убил). Давним же это событие становится потому, что одновременно с тем готовится новое преступление, убийство самого младшего из братьев, юного Глеба: «и на Глеба послал есть» (убийц). Это перфект: нужно подчеркнуть, что результаты действия еще важны, что еще можно остановить руку убий-

цы. Действие совершено, убийцы посланы, однако его конечного результата еще нет.

Вот сколько слов нам понадобилось, чтобы истолковать короткое древнерусское сообщение, «прочсть» грамматический подтекст этих двух десятков слов. А ведь здесь всего лишь три глагольных времени из по крайней мере девяти, возможных в древнерусском тексте! Легко себе представить всю сложность картины, если иметь в виду все типы времен древнерусского языка. В одних окончаниях запутаешься.

Впрочем, и по нашему тексту видна последовательность событий.

Основные действия героев выражены глагольными формами аориста. Аорист — важная форма в древнерусском рассказе. Последовательная цепь аористов в тексте составляет основную структуру содержания, она передает неуклонное развитие действий в их реальной последовательности: **слыша, умре, седе**. Аорист — просто прошедшее время, он отмечает прошлое действие, не указывая ни его длительность, ни его отношения к другим действиям. Это объективная, эпическая форма прошедшего времени, недаром ее так любили летописцы.

Дополнительное действие передается формой причастия, как бы дополнительным сказуемым. Это действие также связано с главными героями, оно происходило одновременно с главным (седе... избивая).

Второстепенные действия связаны уже с другими действующими лицами, направлены на них и, как правило, произошли до начала основного дей-

ствия. Вот тут-то и нужны совершенные времена с их оттенками значения (бе убил, послал есть).

Так, чтобы разобраться во всем этом сложном пересечении действий, действующих лиц, причин и следствий, последовательности времен, нам требуется знание древней системы грамматических отношений и тщательный анализ текста. Стоило только позднему переписчику заменить одну форму другой, например ставший непонятным аорист какой-нибудь формой совершенного, — и моментально изменяется смысл предложения, внутренняя зависимость действий друг от друга.

Примерно пять столетий, с XII по XVII век, восточные славяне упрощали систему глагольных времен.

В конце концов, у форм времени осталось только одно значение: передавать отношение действия к моменту речи. Так на место сложной системы времен пришло четкое противопоставление трех времен: делал — делаю — буду делать.

Последовательность действий передается у нас либо порядком слов, либо включением в предложение поясняющих слов, таких, как **уже, потом, вскоре** и т. д.

Чтобы выразить длительность действия, мы используем совершенный или несовершенный вид: шел — пришел. Противопоставление глаголов по виду — специфически славянская особенность, во многих языках мира ее нет. Но в тех языках, где глаголы не различаются по виду, сложная система времен. Вот почему англичанину трудно изучать русский язык, а русскому — английский.

Значения форм времени последовательно изменялись, но сами-то формы частично сохранились, используются иногда как средство стилистического или грамматического выделения. Например, плюсквамперфект мы с вами используем, чтобы передать незавершенное в прошлом действие.

«А пришедши домой, сел было обедать, есть не наел, только ложкой намутил» (И. Бунин).

«Не того было хотелось, да так случилось» (В. Даль).

И аористные формы доносят до нас дыхание прошлого. Например, произнося **чу!** — мы пользуемся древней формой аориста.

Разумеется, сокращение количества времен отразилось и на каждом отдельном глаголе. Теперь отпала надобность во многих формах времени или лица. Особенно сильно изменился тот глагол, который стал связкой. Зачем ему его многочисленные формы, если он имеет одно-единственное значение? Нужно рыться в исторических романах, чтобы выискать там какую-нибудь старую форму этого глагола.

«Да соблюдается до века Русь, ей же **благодеея еси!**» — О ком говорится?

«**Грешники есмы**, доколе солнце светит!» — О ком говорится?

«**Есте спасители** роду своему и помним о вас днесь» — О ком говорится?

Только по форме связки и можно судить о лице — адресате высказывания. В первом случае — обращение ко 2-му лицу: «Ты творил благо»; в третьем случае то же самое, но по отношению ко многим

лицам: «Вы спасители». Во втором предложении — измененная форма 1-го лица множественного числа — «Все мы грешники».

Теперь мы не употребим этих форм, в значении настоящего времени сохранилась лишь одна форма — форма 3-го лица единственного числа — **есть**: я — **есть**, ты — **есть**, он — **есть**, мы — **есть**... А форма 3-го лица множественного числа стала существительным **суть**: **суть** дела. И сочинители исторических романов не всегда точно передают исконные значения наших форм. Например, Алексею Чапыгину нравится форма **есте** — и он ставит ее для всех лиц и чисел:

«Кто же ты **есте**?» — а надо бы **еси**.

«Сия **есте** первая буква, именуемая — аз! Что **есте** аз?» — а надо бы — **есть**.

Ничего страшного, это ведь несерьезно, простое подражание старинной речи, аромат времени. Времени... Но с точки зрения истории языка абсолютно все равно: все время во всех случаях употреблять форму **есть** (как мы теперь) или форму **есте** (как герои у Чапыгина). Вот и получается: язык художественного произведения современный, понятный, а впечатление древности налицо.

И многие другие глаголы перестроились и подравнились. Некоторые из них, прежде вполне самостоятельные, совпали в одном слове и теперь пугают младших школьников сложностью своего спряжения. **Бежать**, **хотеть** — к какому спряжению относятся теперь эти глаголы? К первому? Тогда почему возникли формы **бежит** и **хотят**? Ко второму? Но тогда откуда формы **бегут** и **хочет**?

А на самом деле были когда-то отдельные глаголы бежати и бечи и два хотети, и все обходилось нормально. С одной стороны, **хочу, хочешь... хотим, хочут**, а другой — **хочу... хотишь, хотим, хотят**. Разницы в значении между ними никакой не было, да и некоторые формы совпали. Так и слились они в один ряд форм, в один глагол. Сначала было много недоразумений, но, в конце концов, новый ряд оформился окончательно. Только в литературных произведениях для передачи речи героев писатели нет-нет да и вспоминают старые формы, как Бунин в крестьянских разговорах: «А не хотите?»

РАССКАЗ ПЯТНАДЦАТЫЙ

б имени, причастном
к действию

О чем бы мы ни говорили, кроме основного действия, почти всегда нужно сказать о второстепенном, побочном, но столь же необходимом действии. Оно и передается формой, причастной к обозначению действия. Когда-то и различить-то было трудно, где основное, а где второстепенное действие: «вставь и рече» или «вста и рекъ». Теперь бы мы перевели так: **встав сказал** или **встал сказав**, и каждому ясно, что действие, выраженное глаголом, основное, а деепричастием — второстепенное. А в те времена, когда подобные сочетания аориста и причастия еще были в ходу, определить степень их зависимости друг от друга было бы затруднительно: соединительный союз **и**, поставленный между ними, гарантирует нам равнозначность действий, переданных личной и неличной формами глагола. Да, действительно, глагола, потому что причастие по своему происхождению и по своему образованию — глагольная форма. Оно образуется от глагольной основы и различается по временам и даже по залогам.

Но с самого начала было у причастий что-то протворечивое. Кроме глагольных качеств, у них были и именные: как имена прилагательные, они различались по родам и падежам, могли иметь полные и краткие формы, например такие:

Краткие формы	Полные формы
высоко синяя	высокое синее (небо) высокого синего (неба) высокие синие (небеса)

Причастия как бы вбирали в себя грамматические характеристики и имени, и глагола. Это привело к образованию массы причастных форм. Всего их было около двухсот, целых пяти типов. В краткой форме именительного падежа единственного числа мужского рода эти типы таковы: **ведя** — **ведь(ший)** — **ведомь** — **ведень** — **вель**.

Да, и **вель** тоже. В сочетании с вспомогательным глаголом **быть** это причастие образовывало формы сложных прошедших времен.

До той поры, пока причастия могли употребляться только в своих кратких формах, они сохранили все признаки глагольности. В некоторых сочетаниях они вообще были единственной формой выражения сказуемого, например в старинных оборотах с дательным падежом (оборот и назывался «дательный самостоятельный» — независимый от личной формы глагола): «Солнцу встающу мы вышли в поле» (Когда солнце вставало, мы вышли в поле).

Очень энергичный и краткий оборот, недаром М. В. Ломоносов призывал сохранить его в лите-

ратурном русском языке. Придаточное предложение времени здесь как бы в зачатке, оно зернышком свернулось в колоске древнего предложения... Со временем, когда многочисленные типы придаточных предложений развились достаточно широко, надобность в подобных оборотах отпала. Они, несмотря на свою краткость, чересчур многозначны, переводятся не только придаточным предложением времени, но и придаточным причины, условия, уступительным: «так как солнце встало...», «хотя солнце встало...» Вот только в условном значении наше предложение не поддается переводу.

Зато такое значение сохранилось в тексте письма И. С. Тургенева: «В конце мая, если только буду жив и здоров, буду в Спасском,— и тогда-то, **богу изволящу**, начнется та жизнь, о которой мы так часто толковали и мечтали...» Здесь два придаточных условия: совсем новое (его происхождение относится к XVII веку — с союзом **если**) и очень древнее, сохранившееся в качестве устойчивого сочетания. Оно пришло из церковнославянского: **богу изволящу** значит: если бог позволит, если допустит; здесь наш знакомец, дательный самостоятельный.

Наряду с краткими возникли и полные причастия. Стоило только приставить указательное местоимение и к причастию (или прилагательному), оно становилось местоименным, то есть полным:

- добръ + и = добрыи (прилагательное)
- творя + и = творяи (причастие)
- мога + и = могаи (причастие)
- быль + и = былой (тоже причастие)

Когда произошло слияние местоимения с причастием, каждая полная, местоименная (и определенная по своему значению) форма сохранила за собой значение имени прилагательного. Наоборот, каждая краткая, то есть исконная по происхождению, причастная форма по-прежнему, как и в древности, вбирала в себя глагольные значения. Так произошло великое расслоение причастий на формы глагола и прилагательные (все выделенные слова по происхождению — причастия): он **был** — **былые** дни; **творя** это, он **был** добр; «**творяй** великие дела» (А. Радищев).

Разумеется, не все прямолинейно и просто было в этом расслоении. Да и длилось оно долгое время. Еще и теперь ощущается связь между глаголом и прилагательным, вот как в этом тексте из «Старосветских помещиков» Н. Гоголя:

«— Мне кажется, как будто эта каша, — говаривал обыкновенно Афанасий Иванович, — немного **пригорела**; вам этого не кажется, Пульхерия Ивановна?»

— Нет, Афанасий Иванович; вы положите побольше масла, тогда она не будет казаться **пригорелою**».

Одна и та же по происхождению форма одновременно является и глаголом (это бывшее краткое причастие **пригорела**) и прилагательным (это бывшее полное причастие **пригорелою**).

Основное направление развития определилось, и это принесло с собою массу новых изменений.

Во-первых, краткие формы причастий почти все исчезают. Они ведь стали чисто глагольными

теперь, когда окончательно оторвались от своих полных форм и лишились форм склонения. Полнее всего это проявилось у причастий с суффиксом -л-. Теперь никто не усомнится, что **был, была, было, были** — глагольные формы прошедшего времени.

У других типов причастий дело обстоит сложнее, только в пословицах да в поговорках сохранились некоторые архаические формы причастий: «Кто кого **смога**, тот того и в рога» (кто кого сможет, тот того и уничтожит), «**Сеяй** глазами радостью пожнет» (эту причастную форму лучше всего передать нашим словом **сеющий**).

Но самое важное, конечно, второе следствие: полные причастия становятся прилагательными. Вас, возможно, это удивит, и вы скажете: а разве **текущий** не причастие? А **сушеный** — тоже ведь причастие? Верно, это причастия, школьная грамматика не обманывает вас. Однако сделаем одно разъяснение.

Вы ведь имеете в виду литературный русский язык, а на его формирование в свое время очень сильно повлиял церковнославянский язык. Вот и суффикс **-ущ-** и суффикс **-ащ-** — не русские, церковнославянские. Потому-то они и осознаются нами как искусственные. В разговорной речи мы редко их употребляем. В произведениях Пушкина, например, они чрезвычайно редки, разве что **молящий**. А. М. Горький часто предостерегал молодых писателей избегать «вшей» и «щей», то есть причастий на **-вший** и **-ющий**: не по-русски звучит. Соответствующий русский суффикс произносится как **-уч-** или **-ач-**, и во многих других случаях русскому **ч** соот-

ветствует церковнославянское щ; сравните: русское слово **ночь** и церковнославянское **нощь**.

А вот и суффикс **-уч-**: «Глядь, поверху **текучих** вод Лебедь белая плывет». **Текучий** — русская форма того же самого причастия **текущий**, но воспринимается она как прилагательное и на самом деле давно стала прилагательным. Да и **текущий** нет-нет да и попадет в текст как прилагательное: **текущий ремонт, текущий момент**.

И во многих других случаях живое русское причастие уже стало прилагательным, а искусственная церковнославянская форма еще может употребляться как «второстепенное сказуемое» (в форме причастных оборотов). Сравните хотя бы такие: **дремучий лес** — дремлющий лес, **горячая вода** — горящая нефть, **висячий замок** — висящий на двери.

И страдательные причастия тоже переходят в прилагательные, например: **сушенные** на солнце **сушеные** грибы — в первом случае перед нами еще причастие, а во втором — уже прилагательное.

В большинстве русских говоров этот процесс зашел настолько далеко, что причастий в них совсем нет. В таких говорах причастие обобщило значение качества (а не действия) и стало прилагательным.

В литературном же языке краткие причастия, все более вбирая в себя значение действия, превратились в деепричастие, в «причастие действия». Тоже категория литературного языка, и представитель говора не всегда в ладах с нею. Вот пример.

«Я купила корову, будучи еще телкой» — так написала малограмотная женщина, составляя жалобу в сельский совет, а журналисты поместили ее изре-

чение в газете под рубрикой «Лучше не скажешь!» Вольно им, журналистам, смеяться. Попробовали бы сами писать официальную бумагу, писать свойственным такому документу стилем, имея самое приблизительное представление об этом стиле.

Ясно, что в момент покупки телкой была корова. Однако законы русской грамматики столь жестки и обязательны для всех (как написал — так и прочтешь), что написанное следует понимать так: в некоторые времена сама женщина была телкой. Потому что в русском языке деепричастие всегда связано по смыслу с подлежащим и никогда не бывает связано с второстепенным членом предложения. В нашем случае **будучи** относится к **я**, а не к **корову**. Если написать: «Я купила корову, когда та была телкой» — мысль будет выражена правильно. «Я купила корову, которая тогда была телкой» — тоже правильное сочетание слов. Мысль всегда можно выразить различным образом, в зависимости от того, что именно вы желаете подчеркнуть в своем высказывании. В первом случае важно обратить внимание на время покупки (когда та была телкой), во втором — на характеристику коровы в момент покупки: она еще и коровой-то не была!

Получается, наша корреспондентка попросту неграмотна? Не спешите с заключениями, не все так просто. И литературно образованный человек может сделать ту же самую ошибку. В записных книжках и в мемуарах особенно много примеров такого рода. Петр Вяземский, современник и друг Пушкина, пишет: «Вчера выехал в первый раз после падения (с лошади). Сердце как-то билось, садясь в коляску

и особенно проезжая мост». Можно подумать, что одно только сердце село в коляску, и только оно проезжало по мосту. Радиокомментатор в одном репортаже с места событий произнес: «Подходя к театру, мне показалось, что народу стало больше». Может быть, редактируя сказанное на бумаге, он исправил бы это предложение по законам письменной речи, однако нам важно, каким оно родилось в минуту вдохновения. «Подходя к театру я увидел...» Да, верно, но здесь уже полная определенность, которой в момент высказывания хотелось избежать. «Когда я подходил к театру, мне показалось...» Это точнее, но очень трудно для быстрой «репортажной» речи. Сказанное комментатором на самом деле очень выразительно и кратко. Однако грамматически неправильно.

Подобные фразы неоднократно становились предметом пародий, вот как знаменитая фраза из чеховского рассказа «Жалобная книга»: «Подъезжая к сией станции и глядя на природу в окно, у меня слетела шляпа.»

Оказывается, что разговорная речь частенько вступает в конфликт с законами языка, и стилистическая характеристика речи обычно связана с нарушением законов языка. Легкое смещение перспективы в руках мастера оказывается могучим средством художественности.

РАССКАЗ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

числе и числах,
а также о числительных

Представление нашего далекого предка о количестве надолго закрепилось в грамматической системе. Мы уже говорили о том, что у древнерусских имен существительных и прилагательных различались единственное, двойственное и множественное число. При этом множественное число пришло довольно поздно.

Каждое число сначала мыслилось как определенное количество каких-нибудь предметов: **два дома, семь быков**. И только постепенно стало осознаваться число само по себе, независимо от предметов и лиц: просто число **два** или число **семь**.

Конкретность древнего числа можно увидеть хотя бы в том разговорном выражении, которое часто слышишь от школьника: «**Дай пять!**» Это не что иное, как вольный перевод древнего сочетания **подай пясть**, то есть **подай руку** (а на руке — пять пальцев). Слово **пять** и связано со словом **пясть**, и когда-то имело конкретное значение **пять пальцев пясти**. Еще и в наше время кое-кто «счи-

тает по пальцам», а в древности только такой счет и был возможен. Древние славяне считали пятками. Сколько дали за златогривых коней Иванушки дурачка? «Семь пять шапок серебра». Семь раз по пять. А вот в одной грамоте 1130 года похожий счет: «полтретья десяте» (рублей). Половина до третьей десятки, то есть 25. Здесь уже отражается смешение с десятичным счетом, заимствованным славянами у греков и римлян. Однако сама модель счета остается прежней, славянской: речь идет о том, что до 30 не хватает одного пятка.

Слова, обозначающие числа, собирались постепенно и из разных частей речи. **Один, два, три, четыре** — прилагательные. Как и все прилагательные, они различались родом, числом и падежом в зависимости от имени, с которым вступали в согласование: один дом, одно дерево, одна корова; два дома, два дерева, двѣ коровѣ; трие кони, три коровы; четыре кони, четыре коровы.

До сих пор мы говорим **два человека, три человека, четыре человека, но пять человек, шесть человек и т. д. Пять, шесть, семь, восемь (осмь), девять** — существительные, которые склонялись подобно именам типа **кость: пяти, пятью, о пяти**. Поскольку это существительные, то за ними следовали имена в родительном падеже. Если в сочетании **два человека** перед нами следы согласования, то в сочетании **пять человек** — управление. **Десять** — тоже существительное, но склонялось оно иначе, как существительное **время**, и всегда с древними окончаниями: **десять, десяте, десяти и т. д.**

Более сложные счетные слова образовывались описательно. Вот, например, в романе А. Чапыгина «Гулящие люди»:

«— Рано ему в стрельцы...

— Рано, конечно... шесть на десять».

Шесть на десять — не 60, а 16 (шесть за десятую). Мальчику всего шестнадцать лет. Число 60 обозначалось иначе: **шесть десяте**, то есть шесть десятков. Очень похоже на современные обозначения, разница только та, что с течением времени устранились некоторые слоги, а сочетание в целом стало восприниматься как одно слово, **шестнадцать** и **шестьдесят**.

Впрочем, некоторые счетные имена как бы нарушали общую логическую цепь исчисления. Два **десяте**, три **десяте**, четыре **десяте**, пять **десяте**... И вдруг сюда врывается **сорокъ**, заменяя собою прежние **четыре десяте**. По какой причине — неизвестно. Почему вдруг слово, обозначающее мешок, родственное нашей **сорочке**, стало числительным, никто не знает. Предположений, правда, много; вот одно из них. Связка беличьих шкурок числом **четыре десяте** была когда-то «ходячей монетой». Ее всегда держали в особом мешке — **сороке**. Постепенно это слово и стало осознаваться как эквивалент числу 40, а впоследствии и вовсе заменило собою старое **четыре десяте**.

Как бы то ни было, и какого бы происхождения числовые имена ни были, но со временем они все больше и больше становились похожими друг на друга и все вместе — все более абстрактными, не

связанными с представлениями о конкретных предметах.

Их отстраненность от всех прочих слов особенно усилилась после того, как на письме появилось цифровое обозначение чисел. Цифра — самое условное и потому максимально абстрактное обозначение числа: 1, 2, 3... Однако произошло это довольно поздно. Долгое время на письме славяне передавали число не цифрой, а буквой: **А** — один, (**Б** ничего не значит), **В** — два, **Г** — три, **Д** — четыре, **Е** — пять...

Вернемся, однако, в древнюю, дописьменную эпоху. Еще нет имени числительного как самостоятельной части речи. Есть счетные имена: один, два, три... сто. Это очень много — сто. Больше всех жителей деревни, больше, чем воинов в княжеской дружине... Очень большое число!

А если нужно было обозначить еще большее количество? Тогда прибегали к описательным словам, а то и к метафорам. **Тысяча**, естественно, появилось раньше всех прочих слов для обозначения больших чисел. Ученые связывают это слово с различными древними корнями, оно могло обозначать либо **большая сотня**, либо **сильная сотня**. Словом, предел возможного.

Когда потребовалось обозначить число 10000, использовали слово **тьма**. В самом слове чувствуется значение бесконечности. Дальнейшее увеличение числового ряда поставило славян в тупик, и, когда это потребовалось, они заимствовали у греков слова **легион** (сто тысяч) и **леодр** (миллион). Заимствовали только слово, а не его значение. На самом деле **легион** — латинское слово, и обозначало оно

воинское подразделение, численно равное примерно современной пехотной дивизии (не более 6000 человек). Со временем понадобились слова для обозначения десяти, ста миллионов, миллиарда и т. д. И для них подыскивали эквиваленты со значением бесконечности. Десять миллионов — **ворон** (вечная птица), сто миллионов — **колода** (гроб). Что может быть больше колоды? Бесконечная вечность. Обратите внимание: каждый раз, когда требовалось новое увеличение осознаваемого числа, древний наш предок надеялся, что уж теперь-то это действительно конечное число, за ним ничего больше нет и не будет. Мир чисел он видел столь же замкнутым и конечным, как и все вокруг. И каждый раз его абстрактную сущность представлял, оживлял в чем-то определенном и реальном.

Зато, как бы возмещая недостаток больших чисел, ненужных в быту, наши предки тщательно следили за точностью исчисления в низких пределах. Они добивались этого даже грамматическим способом, почти не прибегая к числовым именам. Владимир Мономах в 1101 году описывает охоты, в которых он участвовал:

Ималъ есмь своими
рукама тѣ же кони ди-
киѣ. Тѹра мя два метала
на розѣхъ и съ конемъ.
Олень мя одинъ болъ, а
двѣ лоси — одинъ нога-
ми топталъ, а другый
рогома болъ.

Хватал я своими руками
(2) тех диких коней (много).
Тура (2) меня два метала
на рогах (многих) вместе с
конем. Олень (1) меня один
бодал, и два лося (2) — один
ногами (многими) топтал, а
другой рогами (2) бодал.

С какой скрупулезностью киевский князь произвел подсчет рогов и копыт, когда-то касавшихся его тела! И при этом он вовсе не любовался своими страданиями, он просто не мог иначе. Он обязательно должен был указать, что у двух туров четыре рога, то есть много, а у лося два рога, но четыре ноги, а это значит — в одном случае двойственное, в другом — множественное число имени. Он не мог бы сказать: «ималь есмь своими руками» — его высмеют! Даже у князя всего две руки, а не много рук, и множественное число вместо двойственного недопустимо.

Постепенно, с XII века, двойственное число все реже передается в текстах. Сначала местоимения, затем глаголы, наконец, и имена лишаются некоторых форм, служивших для передачи двойственного числа. Писцы и авторы начинают смешивать формы двойственного и множественного числа, в недоумении взирая на незнакомые им или полузабытые окончания двойственного числа: «двѣ лоси», «рогома», «рукама».

Не все подобные формы исчезли бесследно. Некоторые из них сохранились, но стали употребляться со значением множественного числа или вообще изменили свое значение. Мы уже встретились с одним из таких сочетаний: **два тура** когда-то передавало значение двойственного числа, теперь же, по-прежнему живая, эта форма имеет другое значение. Прежнее согласование **два тура** (именительный падеж двойственного числа) сменилось управлением **два тура** (имя существительное стоит в родительном падеже единственного числа).

Сравним использование слов **колени** и **колена** в отрывке из романа Ф. М. Достоевского:

[Лиза] «— Но зачем вы становитесь на колени?

[Степан Трофимович] — Становлюсь на колена пред всем, что было прекрасно в моей жизни, лобызаю и благодарю!»

Каким бы странным и торжественным ни казалось нам сочетание **на колена**, оно является исконной формой множественного числа (и другие имена среднего рода сохранили то же окончание: **села**, **седла**. Напротив, **колени** — фонетически изменившаяся форма двойственного числа **колѣнѣ**. Именно она и используется теперь в значении множественного числа.

Все названия парных предметов, как правило, сохранили форму двойственного, а не множественного числа. М. В. Ломоносов отмечал, что в его время окончанием множественного числа выступает **-а** у существительных **берега**, **рога**, **глаза**, а ведь это окончание двойственного числа, которое только с XIX века стало распространяться и на многие существительные со значением множественности, такие, как **города**, **учителя**...

Рассматривая подобные примеры, мы опять-таки сталкиваемся с обычным для истории языка явлением: в качестве устаревшего воспринимается тот вариант, который не соответствует новой языковой норме. **Колена** — правильная форма множественного числа, но тем не менее для литературного языка она не является верной, нормой стала прежняя форма двойственного числа. Устаревший вариант со временем вообще может исчезнуть из языка. Соб-

ственно, из языка он уже исчез, но еще используется в речи (например, в литературном произведении) для каких-то особых целей.

С утратой двойственного числа исчезло множество лишних окончаний, грамматические различия пришли в соответствие с различиями в реальном мире. Более частные противопоставления, например одного двум или одного трем, можно передать сочетанием с числительным, и тогда понятие **много коров** может уточняться: **две коровы, три коровы, четыре коровы...** Противопоставление **одна корова — много коров** становится всеобщим, оно выражено грамматически формами склонения и может передаваться без помощи вспомогательных слов, вот так: **корова — коровы.**

И это изменение незамедлительно сказалось на истории самих счетных имен. Прежде всего, они слой за слоем, постепенно сбрасывали с себя то, что привязывало их ко всем остальным именам, что делало их счетными именами.

Они перестали различаться по роду — в тех, конечно, случаях, в которых прежде различались. **Пять** — не женского рода, **десять** — не среднего рода, как когда-то было. **Три** и **четыре** вообще имели окончания разных грамматических родов: **трие, четыре** (мужской род) и **три, четыре** (женский и средний род). **Один** и **два** сохранили подобное различие по роду: **один — одна — одно; два — две;** языку это требовалось для каких-то целей, хотя теперь мы все чаще, а в разговорной речи, как правило, употребляем слово **раз** вместо **один**. Мы и счет начинаем так: **раз, два, три...** **Раз** же, как и все про-

чие счетные имена, не изменяется по родам. Очень удобное для числительных слово, которое постепенно оттесняет **один** на задний план.

У счетных имен исчезает категория рода, они перестают различаться и по числу. В известном смысле так было и прежде: **два** употреблялось только в двойственном, **три** и **четыре** — только во множественном числе. Вспомним, что самыми важными признаками имени являются как раз противопоставления по роду и по числу. На путях истории счетные имена растеряли эти признаки и тем самым окончательно обособились от всех остальных имен. Они образовали самостоятельную часть речи — имя числительное. Постепенно, не без издержек и потерь, но образовали. Впервые М. В. Ломоносов уже в середине XVIII века в своей грамматике решился назвать числительные особой частью речи. Так числительное стало числительным.

РАССКАЗ СЕМНАДЦАТЫЙ

звучах, которые
различают слова

У братьев Стругацких в фантастической повести «Обитаемый остров» есть такой эпизод. Молодой космонавт попадает на неведомую планету и в драматической ситуации знакомится с двумя ее обитателями. Под дулом пистолета он пытается объяснить свое появление.

«— Максим! — продолжал Максим, тыча себя в грудь, — Максим! меня зовут Максим! — для большей убедительности он ударил себя в грудь, как разъяренная горилла. — Максим!

— Махх-ссим! — рявкнул рыжебородый со странным акцентом.

Не спуская глаз с Максима, он выпустил через плечо серию гроыхающих и лязгающих звуков, в которых несколько раз повторилось слово Махсим, в ответ на что невидимая унылая личность принялась издавать жуткие тоскливые фонемы. Голубые глаза рыжебородого выкатились, раскрылась желтозубая пасть, и он загоготал...»

Договоримся, что в этом картинном описании внеземной встречи нас интересует только одно. Нас

интересует, какими выражениями описана здесь речь сознательных существ:

... рывкнул ... со странным акцентом...

... выпустил... серию... звуков...

... издавать жуткие тоскливые фонемы...

Обычное значение первого выделенного слова вам знакомо. Если плохо знаешь чужой язык, иностранные слова поневоле произносишь на образец знакомых слов родного языка. Например, конечный согласный в немецких словах **durch** или **ich** — это не просто русский звук х. Или первый согласный в английских словах **that** или **thank** — это ведь не ze и не se, как вы иногда произносите на русский образец, изучая английский язык. Вам трудно произнести эти незнакомые звуки, и вы каждый раз подбираете удобную для вас замену, то есть вы произносите иностранные слова с русским акцентом.

Выходит, что слово **акцент** в цитированной повести употреблено верно. Рыжебородый не знал русского языка и потому имя космонавта переделал на свой лад, произнес его с акцентом: **Махх-ссим**. Очевидно, все целевые согласные в этом языке были долгими или их не было вовсе. Очень странный язык, но — допустим. Чего только не встретишь в межпланетном путешествии!

Дальше. «Выпустил... серию... звуков». Вполне понятно и вполне справедливо. Когда слушаешь речь на незнакомом языке, впечатление именно таково: как будто выбрасывают на тебя серии звуков, разделенные паузами, а ты стоишь и только головой крутишь — ничего не понять.

Пожалуй, это слово нам и понадобится: ничего не понять.

Для чуткого человека мир состоит из красок, запахов и звуков. Журчит ручей, распевают птицы, фыркнула машина, замычал на лугу бычок... Все это — звуки. И крик петуха, и ваш ответ на уроке. Хотя звуки эти — разные.

На уроке вы не хлопаете крыльями и не закатываете при этом глаза к потолку. Вы говорите. Издаваемые вами звуки — это звуки речи. И от петушиного крика они отличаются тем, что их понимают. Такие звуки не просто звучат и слышатся, с ними связано какое-то значение. Мы и куриному кудахтанью подчас приписываем какое-то значение, очеловечиваем «куриный язык». Например, говорим, поддразнивая курицу: «Куд-куд-да?». А ведь это весьма вольное толкование криков испуганной несушки. Замечательный наблюдатель звуков, запахов и красок писатель Михаил Пришвин не случайно обронил: «Сотни разнообразных фраз войдут в известную фразу петушиного крика». Все дело в том, что этот крик мы не понимаем.

Значит, для человеческой речи важны не просто звуки, а только те звуки, которые служат для различения слов. Звуки со смыслом. Такие звуки лингвисты называют специальным термином «фонема». В переводе с греческого он и значит звук, но звук особый, звук, который служит для различения слов.

Вы можете ошибиться в произнесении звука, например: о произнести в нос или складывая губы фантиком: но как только вы сильно вытянете губы

вперед, получится уже не о, а у, и вместо слова дом вы произнесете слово дум. Изменится значение слова. А этого никак нельзя допускать, потому что вас могут понять неправильно. Всегда можно обнаружить грань между просто звуком и звуком-смыслоразличителем, то есть фонемой.

Так мог ли Максим сказать, что инопланетный незнакомец стал «издавать жуткие тоскливые фонемы»? Жуткие и тоскливые — может быть, но не фонемы, а звуки. Пока Максим не понимает, о чем идет речь, пока он не знает чужого языка, он воспринимает только «серии звуков». Его мозг не перерабатывает эти звуки в какой-то текст, имеющий смысл... Это звуки, которые еще не служат для различения слов. Поэтому Максим не имел права назвать их фонемами. И только для самих туземцев эти жуткие звуки были фонемами, точнее, выступали в роли фонем.

И впредь мы с вами будем различать звук и фонему. Они тесно связаны друг с другом. Они попросту не могут друг без друга. Хотя бы потому, что фонема всегда воплощается в звуке.

И только в звуке?

Оказывается, нет. Это лишь в устной речи. На письме фонема обозначается буквой.

Какими гласными звуками различаются слова сам и сом? Гласными [а] и [о]. Значит, это не просто звуки, они различают значения слов; лингвисты говорят: звуки [а] и [о] находятся в ранге фонем. На письме же эти звуки передаются буквами а и о. Но не всегда буквы последовательно соотносятся со звучанием.

Сравним написание и произношение корневых гласных под ударением и без ударения в словах **сам** — **сама**, **сом** — **сома**.

сам [сам] — пишется **а**, произносится [а]
сама [самá] — пишется **а**, произносится [а]
сом [сом] — пишется **о**, произносится [о]
сома [самá] — пишется **о**, произносится [а]

Сложность возникает в последнем случае; произношение [самá] одинаково передает и **сома**, и **сама**, [а] здесь «общий звук» и для фонемы **о**, и для фонемы **а**, потому что **о** без ударения в русском языке не дает звука [о].

Положение гласного в зависимости от ударения, или от места в слове, или от окружающих гласных и согласных звуков называется **позицией**.

Если мы еще раз изменим позицию наших корневых гласных, их звучание снова изменится. Например, в слове **самогó** в первом слоге **а** дает краткий звук, средний между [ы] и [а], который обозначают знаком [ъ]: [съмаво́].

Одна и та же фонема **а** воплощается в разных звуках: то в ударном [а], то в безударном [а], то в [ъ].

Чтобы правильно написать слово **самогó**, вы изменяете его так, чтобы корневой гласный оказался под ударением: **сам** [сам] — и тогда смело пишете в корне букву **а**.

Мы не случайно проверяем написание гласных их положением под ударением — в этой позиции различается самое большое количество русских гласных. Сравните:

та́ — то́ — ту́ — те́ — ты́
а́м — о́м — у́м — э́м — и́м

В каждом ряду слова́ (или их формы) различаются только одним гласным. Здесь пять гласных фонем. Это сильная позиция для русских гласных.

В безударных положениях различается меньше гласных. Например, как мы только что убедились, а и о не различаются. Это слабые позиции.

Есть сильные и слабые позиции и для согласных.

Например, перед гласными различаются глухие и звонкие. Слова ко́за и ко́са различаются одним звуком: в первом слове — фонема з, во втором — с. Это сильная позиция.

А на конце слова возможны только глухие. Те же слова в родительном падеже множественного числа звучат одинаково: коз [кос] и кос [кос]. Это слабая позиция.

Основной закон нашего правописания состоит в том, что звуки слабых позиций обозначаются теми же буквами, что звуки сильных позиций.

А благодаря этому значимые части слов (корни, приставки, суффиксы, окончания) пишутся всегда одинаково, независимо от произношения. Например, корень **-вод-** всегда пишется **вод**, хотя произносим мы его по-разному: в слове **во́ды** он звучит [вод], в слове **води́чка** — [вад']; в слове **водо́воз** — [вѣд], в форме **вод** — [вот].

А нужно ли такое единообразие? Конечно, да! Оно позволяет нам писать так, чтобы лучше и быстрее понимать написанный текст. Не читать, а по-

нимать. Нужно сразу ухватить смысл написанного или напечатанного. Произносить же «про себя» читаемый текст вовсе не обязательно. Хорошо тренированный человек пробегает глазами до тысячи слов в минуту и прекрасно понимает прочитанное.

Попробуйте с подобной скоростью прочесть хотя бы такую вывеску над парикмахерской: «сдесь пьвки! стригут ибреют! идамские головы убирают! и рашки!» (Я. Бутков. «Темный человек»). Очень сложное занятие, не правда ли?

Язык изменился, а письмо осталось прежним, оно всегда немного опаздывает в своих изменениях. Слово **рожки** когда-то так и произносили: [рожк'й]. Произносим уже [рашк'й], а пишем все еще **рожки**, говорим [з'д'ес'] (здесь), а в прочитанном объявлении находим древнюю форму **сдесь**.

Произносить отдельные слова мы можем по-разному: кто шепелявит, кто картавит, у кого еще какой-нибудь дефект найдется. Неужели все это на письме передавать? Хорошо бы мы друг друга понимали, передавая на письме звуковой состав каждого слова в индивидуальном варианте, да еще со всеми результатами происшедших на протяжении веков изменений!

Вот как сложно связаны друг с другом буква и звук. Каково же соотношение трех единиц: звука, буквы и фонемы?

Грамотному человеку легче всего представить себе, конечно, букву. Это нечто определенное, ясное, одна буква четко отличается от другой, их не спутаешь. В нашем сознании — это яркое и четкое, скажем, **А**.

На втором плане стоит звук: это более расплывчатое, нечеткое, чуть-чуть возникающее из тумана воображения звучание [а]. Мы, конечно же, знаем, что буква и звук связаны друг с другом, однако зрительные впечатления все-таки сильнее слуховых, да и сами звуки каждый человек произносит на свой лад, не совсем так, как другие. Нет, буква как-то определеннее. И в быту чаще говорят именно о ней, об этой все разъясняющей букве. Некий персонаж «говорил по-русски, старательно выговаривая каждую букву». Вот видите, как будто читал написанный текст, а не выражал собственные мысли. Буква для романиста — это записанный звук и то же самое, что звук.

А вот что касается фонемы, тут дело еще сложнее. Фонема находится как бы на третьем плане. Это даже не пунктир в тумане, это просто сам туман, белое пятно, которое не каждый и различит. Букву можно увидеть. Звук хотя и не совсем точно, да услышишь. А фонему? Фонему нельзя увидеть, да и услышать трудно: она воплощается то в одном звуке, то в другом, то в третьем, не очень-то похожем на первые два. Важность буквы, звука и фонемы прямо противоположна нашему восприятию этих единиц в речи. Важнее всего фонема: она помогает различать разные слова и части слов. Но сама по себе она не «существует», она всегда воплощается в звуках, которые в свою очередь на письме могут передаваться определенными буквами.

РАССКАЗ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

ТОМ, КАК И ЗАЧЕМ
ИЗМЕНЯЮТСЯ ЗВУКИ

А они и не изменяются вовсе. Как произносилось восемьсот лет назад слово **дети** с узким и чуть-чуть напряженным [е], так и теперь произносится в окружении двух мягких согласных: [д'эт'и]. Как будто немножко на [и] похоже — [д'э"т'и].

А может быть, все-таки изменяются? Вот ведь в слове **детки** раньше произносился тот же гласный, что и в слове **дети** (корень-то один и тот же), а теперь в этом слове мы произносим низкое и совсем не напряженное [э], которое часто встречается перед твердым согласным: [д'этк'и]. А если петь, то услышишь даже [д'"этк'и] — с гласным, постепенно переходящим от [и] к [э]. Трудно сразу же после мягкого согласного [д'] произнести [э] — обязательно появится добавочный звук [и] или [е], который смягчит переход, сделает его незаметным.

Минуточку! Вот мы и нашли это слово: незаметным. Положа руку на сердце, можете ли вы сказать, что слышите все подобные переходы одного звука в другой — вроде [и"э] или [е"э]? Разве что уж вслушаться в свое собственное, очень медленное произ-

ношение и при этом обязательно следить, как постепенно перемещается во рту язык. Вот в слове *детки* он как будто плавно понижается, но не до самого конца, потому что наступает время произнести [т], и приходится резко как бы отрубить дальнейшее произношение гласного [э].

В этом-то все дело: если произносить и одновременно слушать, вы сможете при достаточной тренировке осознать различие между нашими звуками в приведенных словах. А если только слушать, скажем, чужую речь, вы не сможете это различие между звуками осознать.

С развитием языка изменяется вовсе не звук, а фонема. Ведь не звук, а фонема является единицей языка.

Попробуем пояснить это на примере из какого-нибудь современного русского говора. Говор, как и наш литературный язык, — живая разновидность русского языка, он «звучит». И вместе с тем он представляет более древнюю стадию русского языка, звучит так, как звучали русские говоры много лет назад.

В одном говоре вместо [а] после мягких согласных слышится звук, похожий на литературное [е]. Диалектолог, который записывает диалектную речь для своих научных надобностей, приходит в недоумение: почему *петь пальцев*, а не *пять пальцев*? Почему *е*, а не *а*? Он спрашивает у старика, который только что произнес *петь пальцев*: «Как правильно сказать: *пять пальцев* или *петь пальцев*?» И получает ответ: «Поют только в церкви, а *пальцев*...» (вот тут я должен записать в транскрипции, услов-

ным фонетическим письмом, иначе неясной останется суть ответа) — «... а палец [п'е'т']».

Что же мешает им понимать друг друга?

Пустяк, мелочь. Знаки различения этих слов у старика и диалектолога разные, то есть одни и те же слова различаются у них разным способом, разными фонемами.

Ученый, как и мы с вами, различает здесь два разных гласных: [e] и [a]. Старик различает наши слова тоже гласными, но другими: в слове **петь** — [e], а в слове **пять** — [e^a]. Это не [a], как в литературной речи, а [e], очень похожее на [a]. Этот звук обозначается в транскрипции слиянием двух букв: a + e = æ.

Было время, все русские говоры походили на тот, которым пользуется теперь наш старик. Это архаический говор, сохранивший многие старые особенности русского языка.

Может случиться так, что в результате звуковых изменений два слова совпадут, станут омонимами. Пишутся и звучат одинаково, а обозначают разное, вот как **лук** и **лук**. В древности эти слова и звучали неодинаково. Один **лук** (оружие) произносился когда-то «в нос»: [лу"к], а другой **лук** (овощ) нормально, чисто: [лук]. А потом утратилось различие между двумя разными у, и мы получили омонимы.

Так происходит изменение фонем. Но почему оно происходит и зачем? Не проще ли было бы для всех поколений, говорящих на этом языке, каждый раз оставлять все по-старому? Проще, верно — но и неизмеримо труднее. И труднее в большей степени, чем проще. Проследим исторические изменения звуков на нескольких примерах.

Возьмем несколько слов русского языка в тех их формах, которые особенно близки по звучанию: они отличаются друг от друга или только гласными, или только твердостью или мягкостью начального л, или тем и другим одновременно.

лис [л'ис]	лиса в именит. пад. ед. ч. муж. рода
лыс [лыс]	краткое прилаг. от лысый (безволосый)
лес [л'ес]	земля, заросшая деревьями, в именит. пад. ед. ч.
лез [л'ес]	прош. время глагола лезть в муж. роде
ляс [л'ас]	родит. пад. множ. числа от лясы (лясы точить)
лаз [лас]	лазейка, в именит. пад. ед. ч.
лоз [лос]	родит. пад. множ. ч. от лоза
лёсс [л'ос]	рыхлая почва желтого цвета

А вот как писались и как произносились эти слова тысячу лет назад. Маленькое ° в транскрипции обозначает очень краткий звук [o], который на письме передавался буквой ъ («ер»). Значит, тогда, в XI веке, это была не пустая буква, не разделительный знак, как теперь. Она обозначала самостоятельную фонему. Только этим звуком и отличалась форма причастия прошедшего времени лѣзь [лиез°] от формы повелительного наклонения лѣзи [лиези]. А раз звук способен различать слова, значит, это самостоятельная фонема. Конечно же, звонкие согласные перед такими ° и ° не оглушались, потому что находились тогда вовсе не в конце слова, а перед гласным.

лись	[лис°]
лысь	[лыс°]
лѣсь	[лӣес°]
лѣзь	[лӣез°]
лясь	[лѣс°]
лазь	[лаз°]
лозь	[лоз°]

Слова же лёсс тогда попросту не было, оно попало в русский язык не так давно. Зато было слово лезь [лез°], теперь это наше лезвие (клинка или бритвы).

Никакого противопоставления [л] — [л'] в языке XI века нет еще и в помине; каждый [л] в наших примерах был твердым, хотя произноситься он мог по-разному, даже полумягко. Как угодно, но только не мягко. Это была твердая фонема.

В XI веке слова **лись** — **лысь** — **лѣсь** — **лясь** различались только гласными в корне:

[лис°] — [лыс°] — [лӣес°] — [лѣс°].

Все эти слова друг от друга отличаются каким-то одним гласным, одним звуковым знаком различения, то есть одной фонемой: [и], [ы], [ѣ] (очень переднее а) и [ӣе] (очень верхнее е) являются самостоятельными фонемами, поскольку служат знаками различения слов в русском языке XI века.

А вот в современном русском языке из этих четырех звуков только [и] сохранился в качестве самостоятельной фонемы.

И в современном языке слово **лыс** отличается от **лис**, а **ляс** от **лаз** уже не гласными фонемами, а только начальными согласными.

Слияние фонем произошло не сразу, а постепенно: сначала [æ] перешло в [а], затем [ы] в [и], наконец, [иѐ] в [е]. Понадобилось по крайней мере четыре важных изменения и почти шесть столетий, чтобы старая система знаков различения сменилась новой.

Давайте же рассмотрим эти изменения в той последовательности, в какой они происходили. Не будем останавливаться на деталях и частностях, нам ведь важно уяснить, почему изменялись звуки как различители слов. Напомню: звуки не сами по себе, а звуки как различители слов, как фонемы.

Первое изменение произошло во второй половине XI века, оно называется вторичным смягчением согласных. Те полумягкие-полутвердые согласные, которые прежде стояли перед гласными переднего ряда, то есть гласными типа и или е, стали восприниматься как мягкие согласные. Получилось первое рассечение нашего ряда примеров по новому признаку. А если учесть и старое различие между [с] и [з], то теперь таких признаков различения у согласных оказалось два, то есть:

Глухой согласный [с]		Звонкий согласный [з]	
Мягкий [л']	Твердый [л]	Мягкий [л']	Твердый [л]
[л'ис°]	[лыс°]		
[л'иес°]		[л'иез°]	[лаз°]
[л'æс°]			[лоз°]

Очень пестрая картина и слишком много фонетических знаков различения! В них трудно ориентироваться, их трудно использовать в речи. Система неустойчива, потому что новый признак разграничения (мягкие согласные противопоставлены твердым) действует одновременно со старым (глухие согласные противопоставлены звонким).

Во второй половине XII века происходит следующее изменение, которое называется утратой редуцированных гласных — тех самых [°] и [°], которые наш современник в конце слов и в некоторых других позициях не воспринимает как самостоятельные фонемы. Произносятся-то они иногда произносятся еще и теперь, особенно в сложных сочетаниях звуков, но вот самостоятельными фонемами не являются, утрачена их различительная ценность. А потому их нет в языке.

А так как их нет, все конечные звонкие согласные оглушились, то есть совпали с глухими согласными, и возникло новое сближение нашего ряда слов. Смотрите:

[л'ис] — [лыс]

[л'ӣез] — [л'ӣес]

[л'ѣс] — [лас] или [лос]

Очень простое и экономное соотношение: мягкий согласный противопоставлен твердому согласному, а передний гласный — непереднему... Впрочем, нет! В противопоставлениях [л'ис] — [лыс] или [л'ѣс] — [лас] теперь оказывается два знака различения — по гласному и по согласному. Нуж-

но ли это, не слишком ли много? Достаточно ведь и одного, наиболее важного из этих средств различения, чтобы различать оба слова.

Какой же из этих знаков важнее? Очень просто определить. Нужно только выбрать такие слова, в которых [ы] и [и] различались бы независимо от предыдущего согласного, то есть в начале слова. А в начале слова может быть только [и]. Звук [ы] никогда не начинается русских слов, так же как и [æ].

Нужно также, чтобы [л] и [л'] отличались друг от друга независимо от последующего гласного, то есть на конце слова. И в конце слова они действительно различаются: [пыл] — [пыл'], то есть **пыл** и **пыль**.

Из всего этого следует, что различение согласных по мягкости и твердости для русского языка гораздо важнее, чем различение передних и непередних гласных. Согласные могут быть самостоятельными (в конце слова), а гласные — нет, они всегда связаны с предыдущим согласным: передние [и], [æ] всегда стоят после мягкого согласного, а непередние [ы], [а] — после твердого.

Вот почему в большинстве русских говоров, а позднее и в литературной речи именно согласные и стали различать эти две пары слов. Поскольку различение гласных стало маловажным, несущественным, сами гласные совпали с другими, с теми, которые стоят после других согласных (после мягких или после твердых):

[л'ис] и [лыс] — это фактически [л'ис] и [лис]

[л'æс] и [лас] — это фактически [л'ас] и [лас]

Со временем слова, приведенные в начале этого рассказа, получили теперешний вид. В пару к лоз появился еще лёсс, и теперь из восьми слов шесть объединены попарно, а лес и лез стали омофонами, потому что звучат они одинаково: [л'ес]. Сопоставим слова XI века и современные:

Тогда	Теперь
лис [лис ^о]	[л'ис]
лыс [лыс ^о]	[лис]
лес [лӣес ^о]	[л'ес]
лез [лӣез ^о]	[л'ес]
ляс [лæс ^о]	[л'ас]
лаз [лаз ^о]	[лас]
лоз [лоз ^о]	[лос]
?	[л'ос]

Исчезло различие глухих и звонких согласных на конце слова, зато стали различаться мягкие и твердые согласные в начале, перед гласными. Вдвое меньше стало гласных фонем.

РАССКАЗ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

ое-что о райских куцах

Каждый язык изменяется по-своему. И после изменения всегда остаются следы прошлого. То в произношении слов, то в чередованиях звуков...

Вот, например: **друг** — **друзья** — **дружеский**. Почему в одном и том же корне — разные фонемы? И фонемы ли?

Такие чередования звуков называются историческими. Исторические — значит принадлежащие прошлому, мертвые. Мертвые же потому, что они не являются фонетическими. Да, но фонетические значит звуковые. Следовательно, перед нами — не звуковые чередования звуков? Странно...

Однако ничего странного в этом нет. Разве вам не попадались **плохие красные чернила**? А ведь с точки зрения древнерусского языка это сочетание слов весьма странно. **Красный** — это **прекрасный**. **Чернила** могут быть только черными. Что же касается слова **плохой**, то оно имело массу значений, но по отношению к предмету всегда обозначало **худой, ветхий**. Фраза **плохие красные чернила** на рус-

ском языке пятисотлетней давности значило бы **худые прекрасные чернила**. Ну как, не странно ли?

То же самое и с «незвуковыми» чередованиями звуков. Когда-то эти чередования были обычными чередованиями звуков в определенных позициях; вот как, например, в современном русском языке чередуются [о] под ударением: **воды** [вóды], [а] перед ударением: **вода** [вадá], [ъ] за ударением: **на воду** [на-вѣду]. Каждый раз, когда меняется позиция (под ударением — перед ударением — за ударением), каждое [о] становится то [а], то [ъ].

Чередования мертвые, исторические также представляют собою чередования звуков, хотя давно уже не определяются позицией. В этом-то все дело: не определяются позицией — значит, не имеют фонетического значения.

А теперь примеры. Совсем немного примеров, чтобы уяснить суть дела.

Возьмем какой-нибудь корень и посмотрим, как он звучит в разных словах и формах слов.

Вот глагол **искать** и родственные слова: **поиск**, **иск**, **розыск**. Легко выделяется корень **-иск-** (после твердых согласных пишется **-ыск-**).

Но вот тот же корень в другой «упаковке»: **ищу**, **ищущий**.

Или еще: **друг** — **по-друг-а**, но и **друж-еский**, **друж-ина**, **друж-ить**, **во-друж-ение**, а также **друзь-я**.

Это и есть исторические чередования: **ск** чередуется с **щ**, **г** чередуется с **ж** и с **з**.

И многие другие. Впрочем, не очень многие, но зато чрезвычайно частые. Вы сами можете подо-

брать множество чередований такого типа, например, к корням луг, слуг-а, таск-ать и др.

И это очень важно: вы сами можете подобрать любой ряд слов, который включает какое-нибудь историческое чередование. Значит, вы ощущаете связь всех таких слов друг с другом. Луг и лужок — слова с одним корнем, хотя и представленным в разной форме.

В фонетических чередованиях изменение звуков связано с позицией: изменилась позиция — заменяется звук: вода [вадá], воды [вóды], на воду [на-вьду]. В исторических чередованиях позиция не имеет никакого значения. Сравните: слуга и служба. Все фонетические условия совпадают: и ударение на том же слоге, и окружающие гласные звуки. Позиции совпадают, а звуки все-таки различаются.

Позиции омертвели, они уже не важны для наших чередований, как когда-то, но сами чередования сохранились. Застыли, как мушка в куске янтаря. И теперь просвечивают на стыках морфем, там, где корень встречается с суффиксом или суффикс — с окончанием. Это швы веков, рубцы когда-то бурных фонетических изменений. И раз уж они остались, язык использует их в своих целях. Язык использует все, он вынужден это делать, чтобы максимально просто и максимально четко воплотиться в речи. Поэтому для него в речи нет ничего лишнего, лишнее просто-напросто отмирает, исчезает.

Сравните ряд слов, начинающихся с иск-. Все формы с меткой -ск- по своему происхождению являются именами. И пусть вас не удивляет инфинитив искать, который тоже имеет метку -ск-, — инфини-

тив действительно является старой формой имени существительного. Все формы с меткой -щ- — глагольные. И прочие исторические чередования могут указывать на это древнее, очень древнее различие имени и глагола.

Другие же чередования указывают на различные формы имени или глагола, например: хоч-у, но хот-ят. Исторические чередования могут различать разные формы одного и того же слова, а следовательно, они имеют морфологическое значение. Да, именно так. Дополнительно к суффиксам или окончаниям они указывают на форму слова:

снег — за-снеж-енный, заснежиться

голос — о-глаш-енный, огласить

Наши чередования, как звонок на пишущей машинке: звонит, значит, конец строки, начинай новую. Наткнулся на историческое чередование — значит, конец морфемы, начинается новая. Очень удобно для иностранца, изучающего русский язык. Вас-то этим не удивишь, вы с детства постигаете смысл таких чередований. Только маленькие дети часто путают их, предпочитают не пользоваться такими морфологическими знаками. Им удобнее сказать «Я искаю» вместо «Я ищу». И они говорят. Но с пятилетнего возраста положение решительно меняется. Ребенок начинает осваивать морфологию родного языка, а следовательно, изучает и исторические чередования.

А вот и еще одно доказательство того, что исторические чередования — это чередования морфоло-

гические. Когда в языке появляется новый корень, свои морфологические изменения он подчиняет законам исторического чередования. Понадобилось употребить форму причастия с корнем **-флаг-**, и писатель пишет: **зафлаженный**. В самом деле, **снег** — **заснеженный**, поэтому и **флаг** — **зафлаженный**.

Но ведь раньше, когда чередование **г** — **ж** было еще простым звуковым чередованием (а было это полторы тысячи лет назад), слова **флаг** в русском языке еще не было.

В других случаях от старых корней образуют новые, никогда не употреблявшиеся формы причастий — и опять-таки авторы не забывают об исторических чередованиях. «Сильно обволосенные люди» пишет автор в журнальной статье, рассуждая: **голос** — **оглашенный**, поэтому и **волос** — **обволосенный**. Причастная форма обязательно должна заменить **с** на **ш**, иначе мы и не поймем, что перед нами причастие.

Зная исторические чередования, мы легко можем определить степень родства тех слов, которые в наши дни разошлись довольно далеко и редко осознаются как родственные.

Вот, например, что такое **райские кущи**? Вы догадываетесь, что сочетание связано с религиозными воззрениями наших предков, что это «нечто божественное» — но и только. Понятно еще, что **кущи** находятся в раю, где всегда хорошо: светло, тихо, чисто прибрано.

А что такое сами **кущи**? Спрашиваешь — и редко кто ответит правильно. Самый частый ответ: **кущи**? это — **райские кущи**. Но это вовсе не ответ.

Он косвенно указывает лишь на то, что в современном литературном языке все сочетание этих слов воспринимается целиком, совместно, представляет идиоматический оборот с одним общим значением. Первое слово сочетания еще можно употребить с другими словами (райская жизнь, райская птица), но второе-то как будто припаяно к слову **райские**: **райские кущи** — и все тут!

Однако мы хотим доискаться исконного значения слова, понять первоначальный смысл оборота. В этом случае нам и поможет отложившееся в нем историческое чередование.

И в самом деле, может быть, райские кущи — это райские кусты? Чередование -ст- — -щ- включает-ся в обширное семейство чередующихся фонетических корней: льстить, пре-лест-нвй — льщ-у, по-льщ-енный, также гость, гост-ить — у-гощ-у и еще мечь, мст-ить — ото-мщ-енный. Да и кущи, казалось бы, имеют родственника в современном русском языке: **закущенное пространство** (поросшее кустами место). Вот и в новейших книгах слово **кущи** встречается в значении **кусты**.

Раскроем басни Эзопа в русском переводе. Среди прочих находим такой текст: «Когда животные еще говорили по-человечьи, один бедняк, которому нечего было есть, ловил кузнечиков, которых называют цикадами, сушил их и продавал по дешевке. Но один из кузнечиков взмолился: «Не казни меня напрасно, ведь я не делаю вреда ни колосьям, ни веткам, ни сучьям, ни листьям...» Человека тронула такая речь, и он отпустил его в родные кущи». Хоть

это и не райские, но все-таки кусты. Переводчик не знает истинного значения слова. А может быть, хотел намеренно архаизировать свой перевод — и попался. Не то сказал.

Ссылка же на историческое чередование в данном случае ничего не значит. Наиболее догадливые переведут наше сочетание как **райские куски**. **Куски**, а не **кусты**! Вспомните: **по-иск-ать** — **ищ-у**, **таск-ать** — **тащ-у**. Поэтому и **райские кущи** как **райские куски** формально имеют право на существование. Значение, правда, несколько меняется... Однако **райские кущи** и к **кускам** не имеют никакого отношения. Чтобы понять это, нужно выйти за пределы русского языка и сравнить произношение этого слова с его звучанием в других славянских языках.

Дело в том, что русскому **ч** в старославянском обычно соответствует **щ**. Сравните такие слова: **я хочу** — **аз хощу**, **ночной ворон** — **нощной вран**. Таким образом, там, где в русском языке чередование **т — ч** (хотеть — хочу), в старославянском всегда **т — щ** (хотети — хощу). И следовательно, **райские кущи** нужно перевести как **райские кучи**. Это правильный перевод. Правильный-то правильный, но — непонятный.

Непонятный потому, что мы вовсе не воспользовались помощью исторического чередования, мы всего лишь перевели церковнославянское сочетание на современный нам русский язык. Если же включить его в общий ряд церковнославянских чередований, получится соотношение: **хот-(ети) — хощ(у)**, **кут — кущ(и)**.

Слово **кут** очень древнее, оно до сих пор сохранилось в русских говорах в исконном своем значении **угол**. И в литературном языке много производных от этого корня. **Закуток** — огороженное в углу пространство, **кутёнок** — слепой щенок, которого держат пока в доме, и т. д. Таким образом, **кущи** — это **кучи**, то есть помещения, состоящие из углов, имеющие углы. Другими словами, это дом, а точнее, не дом — шатер, шалаш, хижина. В болгарском, в сербском, в словенском языках слово с этим корнем до сих пор обозначает дом. Русский писатель Глеб Успенский и перевел в ироническом смысле торжественное **райские кущи** на доступный язык: **райские домики...**

ЭПИЛОГ

Единственное желание автора — быть понятным. Этого легче добиться, словами и фразами рассказывая, например, о минералах или о птицах. Но где подыскать слова, способные рассказать о словах, о фразах... о фонемах, наконец? И если вы хотя бы отчасти осознали операцию «развитие языка», небывалую и по масштабам, и по числу участников, и по конечным результатам, автор будет считать, что не зря писал эту книжку.

Все стороны языка в неустанном взаимном совершенствовании, в работе, в развитии — язык динамичен. Но никто, кроме лингвиста, не замечает этого, не видит постоянного обновления языка. Более того, со стороны язык кажется стабильным и законченным, всегда готовым к действию. Теперь вы понимаете, что это впечатление обманчиво.

Все, что мы видим, слышим, чувствуем, все, что мы знаем, — все это отражено в словах, в сочетаниях, зашифровано в грамматических формах и категориях, осмыслено в топких оттенках речи. В языке сосредоточен жизненный опыт прошлых поколений, и этот опыт постепенно обогащается, изменяя язык. Это чудо человеческой цивилизации — язык — можно понять только в действии. Только в поиске новой мысли, в рассуждении, в столкновении идей. Пото-

му что язык — это достояние каждого из нас, всех, говорящих на этом языке. Для меня одного или для тебя одного языка нет.

Развитие языка продолжается все время, неустанно, ежечасно. Устаевают слова, «затухают» фонемы, меняются значения слов. «Усыхают» окончания, неожиданным рывком создаются новые части речи. Шлифуется предложение или искрометно создается неизвестное прежде сочетание слов... Каждый день, каждым из нас.

ОГЛАВЛЕНИЕ

О ЧЕМ ЭТА КНИЖКА	3
Рассказ первый.....	8
О МНОГИХ ПРЕДМЕТАХ, ЯВЛЕНИЯХ И ЛИЦАХ, НАЧИНАЯ С ЛЕНИВЫХ ШКОЛЯРОВ И КОНЧАЯ СОННЫМИ МОНАХАМИ	
Рассказ второй.....	20
О ДИВЕ ДИВНОМ, О ЖИВОТАХ И НЕМНОЖКО О ЖИЗНИ	
Рассказ третий.....	33
О СИНЕМ МОРЕ, СИЗОМ ВОРОНЕ И ЧЕРНОЙ КРУЧИНЕ, А ТАКЖЕ О САМОМ КРАСИВОМ ЦВЕТЕ	
Рассказ четвертый	47
О БРАТЬЯХ-МЕСЯЦАХ В ТЕ ГОДЫ, КОГДА ВРЕМЯ ЕЩЕ НЕ БЫЛО ЧАСОМ, А ЛЕТО — ВРЕМЕНЕМ	
Рассказ пятый.....	60
О ТОМ, КАК ПРЕДСТАВЛЯЛ СЕБЕ ВРЕМЯ ДРЕВНИЙ РУСИЧ	
Рассказ шестой.....	68
О ВЕРСТЕ, КОТОРАЯ ПРИВОДИТ НАС В НЕВЕДОМЫЕ СЕЛА	
Рассказ седьмой	83
СВЯЗАННЫЙ С ХЛОПОТАМИ И ЗЛОБОЙ, А ТАКЖЕ С ВОПРОСОМ О ТОМ, ОТКУДА ПОЯВЛЯЮТСЯ «ИДИОТИЗМЫ»	
Рассказ восьмой.....	96
ОБ ИВАНЕ АНТОНОВИЧЕ КУВШИННОЕ РЫЛО И ЕГО ПРЕДКАХ	

Рассказ девятый	109
О ТОМ, КАК ИСТОНЧАЮТСЯ СЛОВА И ТОЛСТЕЮТ СЛОВАРИ, А ТАКЖЕ О СУПРУГАХ И БЛАГОВОНИЯХ	
Рассказ десятый	120
О ТОМ, КАК НАШИ ПРЕДКИ ДУМУ ДУМАЛИ	
Рассказ одиннадцатый.....	131
О ТОМ, КАК ВАЖНО ДУМАТЬ ПО ПОРЯДКУ, И О ПОРЯДКЕ СЛОВ	
Рассказ двенадцатый	146
О ВАССАЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ ПАДЕЖЕЙ И ОБ ИХ ПАДЕНИИ	
Рассказ тринадцатый.....	157
О СЛОВАХ «СЕЙ» И «ОНЫЙ»И О ТОМ, ЧЕМ ОТЛИЧАЕТСЯ «ТОТ» БАРБОС ОТ «ЭТОГО»	
Рассказ четырнадцатый.....	167
ЕЩЁ О ВРЕМЕНАХ, НО СОВСЕМ ДРУГИХ	
Рассказ пятнадцатый	177
ОБ ИМЕНИ, ПРИЧАСТНОМ К ДЕЙСТВИЮ	
Рассказ шестнадцатый	185
О ЧИСЛЕ И ЧИСЛАХ, А ТАКЖЕ О ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ	
Рассказ семнадцатый.....	194
О ЗВУКАХ, КОТОРЫЕ РАЗЛИЧАЮТ СЛОВА	
Рассказ восемнадцатый.....	202
О ТОМ, КАК И ЗАЧЕМ ИЗМЕНЯЮТСЯ ЗВУКИ	
Рассказ девятнадцатый.....	211
КОЕ-ЧТО О РАЙСКИХ КУЩАХ	
ЭПИЛОГ.....	219

Колесов Владимир Викторович

История русского языка в рассказах

Редактор *К. Б. Васильев*

Верстка и дизайн обложки *М. К. Васильев*

Корректор *М. В. Гаврил*

Издательство «Авалон».

190005, Санкт-Петербург

e-mail: avalon@pv7874.spb.edu

Издательство «Азбука-классика».

196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

Подписано в печать 17.05.2005. Формат 76×100¹/₃₂.

Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 7. Тираж 5000 экз. Заказ № 1699.

Отпечатано с диапозитивов в ФГУП «Печатный двор»
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

ПО ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ КНИГ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЗБУКА» ОБРАЩАТЬСЯ:

- Санкт-Петербург:** *издательство «Азбука»
тел. (812) 327-04-56, факс 327-01-60
«Книжный клуб «Снарк»
тел. (812) 103-06-07
ООО «Русич-Сан», тел. (812) 589-29-75*
- Москва:** *ООО «Азбука-М»
тел. (095) 150-52-11, 792-50-68, 792-50-69
ООО «ИКТФ Книжный клуб 36,6»
тел. (095) 540-45-44
www.club366.ru, club366@aha.ru*
- Екатеринбург:** *ООО «Валео Книга»
тел. (3432) 42-07-75*
- Новосибирск:** *ООО «Топ-книга»
тел. (3832) 36-10-28
www.opt-kniga.ru*
- Калининград:** *Сеть магазинов «Книги и книжечки»
тел. (0112) 56-65-68, 35-38-38*
- Хабаровск:** *ООО «МИРС»
тел. (4212) 29-25-65, 29-25-67
sale_book@bookmirs.khv.ru*
- Челябинск:** *ООО «ИнтерСервис ЛТД»
тел. (3512) 21-33-74, 21-26-52*
- Казань:** *ООО «Тайс»
тел. (8432) 72-34-55, 72-27-82
tais@bancorp.ru*

ЗАРУБЕЖНЫЕ ПАРТНЕРЫ

- Украина:** *ООО «Азбука-Украина», 04073 г. Киев
Московский пр., 6 (2 этаж, офис 19)
тел. (+38044) 490-35-67
sale@azbooka.net*
- Израиль:** *«Спутник» (Кфар-Саба)
тел. + 972-9-767-99-98
zakaz@sputnik-books.com*
- Германия:** *Каталог «Аврора», Франкфурт-на-Майне
тел. (069) 37564252; avroga@telros.net*

INTERNET-МАГАЗИН

Все книги издательства в Internet-магазине «ОЗОН»
<http://www.ozon.ru/>

КНИГА — ПОЧТОЙ

ЗАО «Ареал», СПб., 192242, а/я 300; тел.: (812) 174-40-63;
www.areal.com.ru; e-mail: postbook@areal.com.ru
